

ИДТИ ИСЧЕЗНУВШИМ СЛЕДОМ

Очерки методологии истории

Часть 1

НЕМНОГО ТЕОРИИ

1 БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ (субъекты истории)

1.1. «АВТОРА! АВТОРА!»

Еще когда я была школьницей, меня очень интересовал весьма странный вопрос. Тогда повсюду - на улицах и площадях, в школах и кинотеатрах было развешено множество лозунгов. Так вот, меня очень занимало, кто же был автором этих высказываний. Кто сказал: "Народ и партия едины"? Кто это восклицает: "Слава КПСС"?

А однажды я увидела надпись "Наша цель - коммунизм", и это заставило меня предпринять целое исследование. Прежде всего, я точно знала, что лично у меня совсем другая цель. Более того, мне казалось, что и у всех окружающих аналогичное положение. Проведя блиц-опрос, я в этом убедилась и отправилась к учительнице. Она была уверена, что автор этого высказывания - народ, чем еще больше изумила меня. Ведь если ни я, ни все, меня окружающие, подписаться под лозунгом не можем, значит, мы - не народ. А кто же тогда народ?.. Или мы все-таки народ, просто тот, кто сочинил текст, неправильно понял наши цели или сознательно их исказил?..

Вот с тех пор мне и хочется понять, что такое социум. И еще: мы часто говорим: "Власть предприняла шаги...", "Государство построило..." А кто это? С одной стороны очевидно, что любой социум, любая группа людей состоит из отдельных личностей. С другой - он обладает некоей надличностной реальностью, более того, надличностной ментальностью. Он существует как единый организм, несмотря на то, что отдельные личности отнюдь не чувствуют с ним единства. И хотя у разных членов общества по-разному складывались отношения с партией - от лобзаний в засос до ГУЛАГа, - народ и партия все равно были едины.

И тем не менее социум - это не виртуальная реальность. Это группа людей, объединенных - сознательно или формально - по какому-либо признаку. А что касается того, какие у нее взгляды или цели, то это определяется преобладающим вектором. Например, если в группе 20 % говорят "да", а 80 % - "нет", то мнение группы - "нет". Историк М. Блок писал, что общество, как его ни рассматривай, в конечном счете пусть и не сумма, но по меньшей мере продукт индивидуальных сознаний. Но не все так просто. Мнение разных членов группы имеет разный вес. Если ввести единицу измерения - "один рядовой голос", то можно попытаться составить систему мер. Депутат "весит" столько, сколько у

него избирателей, а президент - столько, сколько "взвешенных" голосов депутатов нужно для импичмента. А представляете, сколько "весит" один удачливый киллер?..

Но теперь о другом. Что же объединяет людей в группы? Принципы объединения могут быть врожденные и приобретенные, люди могут присоединяться к группе сознательно и формально и пр. При этом каждый человек входит в состав огромного числа групп. Я, например, вхожу в состав групп женщин, людей с высшим образованием, гуманитариев, научных сотрудников, историков, россиян, горожан, москвичей, полукровок, католиков и так далее.

И если с принципами объединения стартовые положения более или менее понятны, то границы социальной группы определить значительно сложнее. Например, в какую половую группу входят транссексуалы? Как определяется гражданство - по месту рождения? А если мама просто была в этой стране в командировке? По месту постоянного жительства? Тот же вопрос. Вам может показаться, что ответ предельно прост - по отметке в паспорте. Но ведь я хочу понять, какая реальность стоит за этой отметкой, что именно она фиксирует.

Границы социума особенно важны, если учесть, что радикально он определяется не тем, что его объединяет, а тем, чему он противопоставлен. Если нет противопоставления, то нет и базы для единства. "Мы" определяется прежде всего в сопоставлении с "они". Соответственно, границы социума тем жестче, чем однозначней выбор принадлежности к "нам" или к "ним".

Возьмем для начала признак "национальность". Лично я совершенно не понимаю, что это такое: если это некое врожденное качество, полученное от родителей, то что делать, если родители - разных национальностей (а последние десятилетия это случается все чаще)? Если родной язык - то это не врожденное качество, а некий ситуативный параметр. Если общность культуры, то для ее описания требуются какие-то другие определения.

Я, например, всю жизнь прожила в Москве - это город какой национальной культуры? Один мой дед полугрузин - полу-украинец, а второй - русский; одна бабушка - полуполька - полунемка, вторая - полурусская - полу-украинка. Родной язык - русский, но детство провела в Грузии и к ее традиционной культуре испытываю значительно более теплые чувства, чем к традиционной русской. И по паспорту я грузинка. Так кто я по национальности? К какой общности я должна себя причислять?

Гораздо более доступен географический признак. Люди, живущие на одной территории, связаны не только какими-то формальными параметрами, но и реальными общими тревогами и заботами. И если я не уверена в наличии у себя национальности, то в том, что я - москвичка - убеждена. Так же, как и в том, что европейка. И землянка. Я безусловно принадлежу к этим группам прежде всего

потому, что мне не безразлична их судьба, и я готова принимать участие в ее формировании. Это реальные социумы - для меня.

Но необходимо отметить, что для кого-то другого ситуация может быть прямо противоположной: "русскость" окажется значительно важнее "европейскости". Далеко ходить за примерами не придется - это все члены националистических сообществ, хотя, конечно, не только они.

Также более или менее доступен пониманию признак вероисповедания. Человек, как правило, знает во что он верит и какой храм посещает. Правда, иногда он не столько сознательно принадлежит к какой-либо Церкви, сколько следует традициям семьи, но и в этом случае он знает, как она называется. Другой вопрос - что такое вероисповедание. Известно, что большинство населения региона с какой-либо доминирующей религией причисляют себя именно к ней, зачастую не зная основ вероучения и не посещая богослужений. Так, в России 42% причисляют себя к православным, но только 3 -5 % являются "воцеркволенными", среди остальных многие не могут ответить на простейшие вопросы или прочесть наизусть хоть одну молитву.

Но сложнее с теми, кто считает себя не принадлежащими ни к одной конфессии или религии. Традиционно они называются атеистами, однако внутри этой группы есть весьма значительные различия. Ф. Достоевский говорил, что истинный атеист - не тот, кто считает, что Бога нет, а тот, кого вопрос Его существования абсолютно не интересует. Но есть еще и "богоборцы" и те, кто верят "во что-то", но не знают, во что.

Кстати, любопытно, что о существовании этих групп регулярно забывают - говоря о свободе вероисповедания, не учитывают свободы такового не иметь.

Политические группы легко определяются на нижнем уровне - на уровне партий или местной власти. А вот когда речь заходит о таких общих понятиях, как страна, народ, государство, власть, все осложняется. Я россиянка не только по месту жительства и записи в паспорте, но и по общности судеб - моей и моих близких - с судьбой России, общности прошлого, истории. Но вот вхожу ли я в состав народа - не знаю. Во всяком случае, мне никогда не удастся проголосовать за того, кто будет народным избранником, или ответить на референдуме так, как ответит большинство.

Но больше всего я не люблю нападков на власть и государство. Не потому, что я такая добропорядочная гражданка. Просто я считаю, что принять то или иное решение и нести за него ответственность может Иванов, Петров или Сидоров, или все они вместе, но не абстрактные олигархи, реформаторы, левые или правые. Манипулирование обобщенными понятиями позволяет уйти от ответственности. И это стоит иметь в виду.

А вот классовая принадлежность на сей день абсолютный анахронизм. Когда-то классы определялись по отношению к собственности и к продукту

производства, да и то весьма расплывчато. В обыденном сознании советского периода все было довольно просто: крестьяне - те, кто живет в деревне, рабочие - горожане, занятые физическим трудом, и прослойка - интеллигенция - люди, занятые умственным трудом. Здесь речь уже не шла об отношении к собственности или к продукту производства, но зато было понятно, кто в какую общность входит. Но и классовая борьба как двигатель прогресса куда-то делась.

Сегодня, доведись нам отвечать на такой вопрос в анкете, многие бы испытали известные сложности. Появившееся не так давно определение "средний класс" дает широкие возможности интерпретации: средний между богатыми и бедными? между городскими и деревенскими? между представителями умственного труда и физического? Конечно, скорее всего первое, но...

А вот с профессиональной принадлежностью значительно проще. Как, казалось бы, должно быть и с образованием. Но сейчас диплом можно купить в любом переходе, а если совесть все же есть, то получить его на коммерческих факультетах. И мы опять оказываемся перед уже знакомым вопросом: что важнее - формальный показатель или реальный? В брачных объявлениях, о которых мы будем еще много говорить, встречаются два варианта самоописания - "с образованием" и "образованный". По-моему, это именно о разнице формального и реального.

И очевидно, что диплом и образованность далеко не всегда совпадают. Любопытно, что аргументом могут служить различные интеллектуальные игры на телевидении - такие, как "Своя игра", "Кто хочет стать миллионером", "Поле чудес" и прочее. В них далеко не всегда выигрывает тот, чей официальный уровень образования выше.

Так же очевидными кажутся группировки по возрасту - мне именно столько лет, сколько мне лет. Правда, в реальности речь идет не о конкретном астрономическом возрасте, а о принадлежности к детям, подросткам, юношеству, молодежи, людям среднего возраста или пожилым. А вот это уже значительно более расплывчато. Существуют физиологические признаки отнесения человека к той или иной возрастной группе, но мы уже говорили, что в истории должны "работать" признаки социальные.

Теоретически основания для выявления таких признаков есть: например, жизнь на полном обеспечении родителей (детство), на частичном обеспечении (студенчество), на самообеспечении, способность иметь иждивенцев (прежде всего детей), жизнь на гособеспечении (пенсионеры). Это, конечно, только мысли вслух, а не проработанные предложения, но все же, пожалуй, лучше, чем половое созревание или выход из детородного возраста.

Но если вспомнить о ведущихся разработках в области клонирования и предположить, что эти разработки будут успешными, то мы встанем перед еще одной проблемой: должен ли возраст клона исчисляться с момента клонирования

или с момента рождения объекта клонирования? Но, слава Богу, эта проблема пока не актуальна.

Вопросы группировки по полу мы уже затрагивали. И проблема не только в транссексуалах, но и во всех людях "нетрадиционной ориентации". Ведь опять-таки если не базироваться на физиологических признаках, то мы должны задуматься над тем, чем же собственно мужчина сущностно отличается от женщины. Семейные функции, вплоть до детородной, все более размываются. Вопрос настолько интересен и сложен, что для ответа на него нужно либо провести специальное комплексное исследование, либо махнуть рукой и сосредоточиться на вторичных половых признаках.

Из всего сказанного понятно, что социумы имеют некую структуру - по мере общности прежде всего. Но не только. Я уже мельком упоминала об индивидуальной значимости той или иной группы. Также уже говорилось о том, как определяется мнение социума. А отсюда следует, что человек может быть членом некой группы - причем не формально, а реально, - но настолько не придавать этому никакого значения, что вектор его мнения и тем более вклада в функционирование группы стремится к нулю.

Иногда это хорошо, когда сам по себе социум отмирает и активное участие в нем сходно с гальванизацией трупа, или когда для принятия решения требуется все же некий профессионализм - кажется, мы уже поняли, что когда кухарка управляет государством, хорошо только кухарке, да и то недолго.

Но чаще все же плохо. При массовой пассивности принятие решения попадает в руки ограниченного круга людей. И если они принимают не те решения, которые нам нравятся, то не сами ли мы виноваты?..

И напоследок - о размерах социумов. На сей день максимально допустимый размер социума - человеческая популяция, объединившаяся на базе противопоставления всему окружающему миру. Однако теоретически можно себе представить, что когда-нибудь будут налажены контакты с внесемными цивилизациями и тогда будут возможны значительно более крупные социумы. Но пока это из области фантастики.

А вот минимальный размер социума - личность. Это кажется противоречием как по общему смыслу, так и по сделанному выше утверждению, что историю отдельный человек не интересует. Но я говорю об особых личностях - тех, которые являются единственными представителями группы - например, царь, президент, генеральный секретарь. Вот об этих личностях мы и поговорим в следующем разделе.

Роль личности в истории - не только предмет острых дискуссий историков всех времен и народов, но и индикатор их социальной позиции. Для советских историков, опиравшихся на труды классиков марксизма-ленинизма, вопрос, казалось бы, был решен. И тем не менее в конкретных исследованиях то и дело проскальзывал знакомый лик персонификации истории.

Ярчайший пример тому - лавинообразный поток публикаций, порожденный новым этапом развенчания культа личности Сталина. Был ли Сталин параноиком? Мучил ли он животных? Любил ли детей? - такие вопросы кочевали из газеты в газету, из журнала в журнал. Честно, говоря, я давно уже не стремлюсь узнать на них ответы. Меня значительно больше интересует другое - каким же был тот народ, который оказался достоин такого правителя? Но вот об этом публикаций было очень мало.

В предыдущем разделе я уже упоминала о том, что отдельный человек входит во множество различных социальных групп. Каждая группа обладает своей нормативной системой - набором правил, действие которых распространяется на всю социальную группу.

Каждый индивид, равно как и любая социальная группа, является носителем совокупности установок, и его действия детерминированы совокупностью нормативных систем тех групп, в состав которых он входит.

В силу этого правомерно поставить перед собой два вопроса: 1 - есть ли у человека свобода выбора, причем реальная, а не существующая лишь в его воображении и 2 - решается ли первый вопрос в рамках исторической науки.

Выбор предполагает наличие объектов выбора, причем осознаваемых таковыми, ведь зачастую у человека есть выбор, и со стороны это видно, но он ощущает ситуацию как безвыходную. Важны также критерии выбора и его цели - человек хочет, чтобы было больше или лучше, дольше или интенсивней. Существуют и различные процедуры выбора - логические построения, гадание, обмен мнениями.

Современная дискуссия проходит, в основном, вокруг объектов выбора - можно ли было пойти другим путем? Изредка они затрагивают тему критериев и целей выбора. При этом в качестве критериев выбора выдвигается максимизация человеческого блага при минимизации человеческих издержек, т. е. весьма размытый критерий: каков допустимый минимум блага и максимум издержек - например, если у всех по полкило колбасы в день, но сотни тысяч человек в лагерях, это как, приемлемое соотношение? или надо, чтобы было по килограмму колбасы и 200 грамм масла?

Впрочем, есть и более принципиальный вопрос: что вообще такое человеческое благо и кто имеет право отвечать за нас на этот вопрос?

Сложно обстоит дело с тем, кто выбирает, с субъектом выбора. Под ним понимается, в явном или неявном виде, либо лидер - конкретная личность, наделенная властью, либо общество в целом, в совокупности выборов его членов. В любом случае речь идет о личностном выборе. Но в таком случае процедура выбора - объект изучения психологии, а не истории. И вопрос о том, мог ли

данный субъект сделать в данной ситуации иной выбор, прямого отношения к истории как науке не имеет.

Поэтому разговор о свободе выбора неизбежно сводится к обсуждению роли лидера. А лидер, как и любой другой человек, в меру своих способностей осознает или даже воображает варианты выбора, руководствуется своими моральными (или аморальными) принципами, преследует свои цели доступными ему средствами.

Но мало сделать выбор, надо суметь его реализовать. Ну, решу я завтра объявить войну Сейшельским островам, а дальше что?.. Владение же механизмами реализации выбора определяет степень воздействия личности на исторический процесс, и тогда задача по своему характеру исторична. И владение этими механизмами зависит как от личных качеств лидера, так и от поста, который он занимает. Впрочем, лидеру отнюдь не все подвластно. Личность социально и культурно детерминирована, она действует в рамках определенных нормативных систем, это во-первых, а во-вторых, она делает свой выбор не в изоляции, а в контексте личностных выборов других членов общества. Замечательный историк М. Блок писал о том, что в пределах жизни одного поколения, в рамках одного и того же общества господствует такое единообразие обычаев и технических приемов, что ни один индивид не может существенно отойти от общепринятой практики. Никакой лидер не в состоянии реализовать свой выбор, не опираясь на готовность к нему рядовых граждан. Исторический процесс в данном аспекте представляется мне непрерывной чередой личностных выборов, совокупность которых определяет тенденции развития общества. Постоянные столкновения таких выборов - источник движения.

Я вполне осознаю видимую противоречивость своей позиции: признавая жесткую зависимость личности, я в то же время допускаю для нее свободу выбора. Но разговор о механизмах принятия решений - отдельный и специальный. Здесь же скажу, что, во-первых, совокупность обстоятельств, определяющих выбор конкретного человека, меняется по составу непрерывно, постоянно, в зависимости от субъективных и объективных условий.

Меняется и системы приоритетов, предпочтений. Поэтому большое значение имеет момент принятия решения: то, что мы выбрали бы вчера, уже не выберем завтра. А наступление этого момента (принятия решения) для каждого индивидуально, оно зависит от скорости осознания необходимости сделать выбор, от степени информированности, социальной активности, быстроты реакции и еще от целого ряда условий.

Во-вторых, имплицитно в рассуждениях историков присутствует триада: альтернатива - принятие решения (выбор альтернативы) - реализация выбора. Здесь за всеми элементами стоит человек. А следовательно, он может осознавать или не осознавать реальные альтернативы, воображать отсутствующие альтернативы и считать их реальными. Принятие им решения детерминировано целым рядом условий, среди которых наличие осознанной альтернативы - не самое важное. Даже осознав и выбрав "правильную" альтернативу, человек может

не найти - по объективным или субъективным причинам - адекватного механизма реализации выбора. Поэтому наличие альтернативы еще не означает возможности ее реализации, что в общем-то и служит одним из краеугольных камней моей убежденности в том, что могло быть так, как было.

Стремление же, сознательное или подсудное, к гиперболизации значения выбора альтернативы политическим лидером есть по сути стремление найти стрелочника. При этом не учитывается тот факт, что рядовые граждане своей личной позицией определяют, в конечном счете, возможность реализации той или иной альтернативы. Альтернативность - категория прежде всего нравственная. А если учесть, что находясь внутри каждой конкретной точки исторического процесса, невозможно определить, какая тенденция побеждает, то это обстоятельство приобретает особую гражданскую значимость. Но об этом мы еще поговорим.

Итак, я утверждаю, что человек мог сделать только тот выбор, который сделал. Но в таком случае, видимо, совершенно необходимо знать, какие нормативные системы и как конкретно влияют на выбор. Весьма сильно влияние неосознаваемых нормативных систем, реализация которых доведена до автоматизма. Это происходит прежде всего потому, что для того, чтобы выйти из-под влияния такой нормативной системы, необходимо ее сначала осознать.

Мужчина, придя на свидание с женщиной, дарит ей цветы. А почему именно цветы, а не шишки, ракушки, красивые камушки? Я здесь не рассматриваю дарение полезных вещей, это немного иное, я говорю о подарке, единственное требование к которому - быть красивым. Но для того, чтобы подарить не красивый цветок, а, например, красивую лягушку, необходимо не только умозрительно осознать возможность существования других подарков такого типа, но и суметь выработать в себе восприятие неких предметов как, во-первых, красивых, а во-вторых, - пригодных для подарка. Я уж не говорю о смелости, которая нужна для того, чтобы сделать такой подарок.

Почти непреодолимо и влияние коллективных нормативных систем. Причем если мы различим в них две группы - те, которые требуют ото всех одинаковых действий (маршировать в ногу, дружно аплодировать), и те, которые требуют реализации особых действий в общем контексте (работа на конвейере), то заметим, что влияние первой группы хорошо изучено психологами и сходно с рефлексивным подражанием, а вторая группа требует постоянного воспроизведения одного и того же действия, тем самым со временем переходя в разряд автоматического.

Достаточно устойчивы нормативные системы целей и ценностей. Однако все равно, как правило, остается место личностному выбору. Можно пойти на работу дворами, а можно по улице, можно подъехать автобусом или трамваем. Что же теперь определяет выбор? И тут, пожалуй, пора вспомнить еще об одном виде детерминаций - о причинно-следственных связях. Я выбираю дворы потому, что тороплюсь, улицу - потому, что на мне новое платье, трамвай - потому, что он

подошел раньше и т. д. Я выбираю вариант в соответствии с реальными конкретными условиями. И тут еще один важный момент - я поступаю в соответствии не с условиями вообще, а с известными мне компонентами этих условий. Степень информированности об условиях и осознания последних - основа выбора.

Однако подобные рассуждения опять-таки с неизбежностью приводят к постановке нового вопроса: что такое история - наука о людях или о человечестве? Если это история людей, то сделанные выше наблюдения, видимо, имеют право на существование. Если же нет, то какое может иметь значение анатомирование моего желания проехаться на автобусе?

Но что такое человечество как субъект исторического процесса? И что такое его выбор? Об этом мы поговорим в следующем параграфе.

Сейчас же хотелось бы остановиться еще на двух аспектах данной проблемы. Во-первых, я безоговорочный сторонник положения, согласно которому народ имеет того правителя, которого заслуживает. Во-вторых, правитель, лидер делает тот выбор, который он может сделать в данный конкретный момент. С этой точки зрения он не бывает ни в чем виноват. При этом я имею в виду не уголовную, административную или какую-либо иную ответственность за совершенные деяния, а невиновность именно с исторической точки зрения. Виноват народ (правда, содержание этого понятия каждый раз требуется конкретизировать), который допускает принятие того или иного решения.

Высказывая такую точку зрения, я регулярно встречаюсь с возражением, что она справедлива только в том случае, если народ имеет реальную возможность выбора. Однако народ всегда имеет возможность выбора, если не в виде выборов как таковых, то в каком-либо ином варианте. Революции, цареубийства, восстания, импичменты - это все варианты реализации выбора правителя.

А если учесть, что под выбором правителя имеется в виду не выбор конкретного лица - Петра Первого или Владимира Путина, - а политики, то возможности для реализации выбора еще шире - на правителя можно воздействовать не только снятием его с поста, казнью или убийством, но и восстаниями, стачками и другими формами сопротивления его политике. И тогда, хотя личность правителя останется той же, изменится его политика. Поэтому можно переформулировать начальное высказывание следующим образом: народ имеет не столько того, сколько такого правителя, какого он заслуживает. Отрицание этого положения, на мой взгляд, свидетельствует о стремлении не нести никакой ответственности за события, происходящие вокруг человека.

Говоря о личной свободе выбора И. М. Клямкин отмечает: "Степень этой свободы тем выше, чем более индивидуализированным является характер деятельности, способ самовыражения человека. И она тем меньше, чем ближе он по роду занятий соприкасается с деятельностью и интересами больших масс

людей. Поэтому она является максимальной в искусстве и минимальной в политике. Особенно если политику приходится действовать в условиях, когда большинство пребывает еще в исторических границах другой, неличностной, неиндивидуальной культуры и потому несамодетерминирующей на уровне индивида".

И еще один аспект. Говоря о роли личности в истории, особенно понимая под личностью политического лидера, всегда следует различать личность и маску, конкретного человека и его политическую роль. В замечательной книге "Осень средневековья" приведено весьма тонкое наблюдение Й. Хейзинги о том, что в общественном сознании существует набор "типажей" правителя, при помощи одного из которых и опознается данный конкретный правитель. И это опознание далеко не напрямую связано с характером и личными качествами самого человека. Борис Годунов вовсе не был пожирателем детей, Александр I - властитель, конечно, лукавый, но далеко не слабый, а Николай II, по свидетельству людей, близко его знавших, был мягкосердечен и сентиментален, но далеко не кровав. В данной работе я попытаюсь показать, насколько Григорий Отрепьев не был предателем и мелким авантюристом.

При этом интересно, что личные качества лидера тут играют отнюдь не решающую роль, культ может сложиться и вопреки им.

Однако маска, приписываемая тому или иному человеку, выбирается, конечно, не произвольно. Она объясняет поступки и действия не одного только лидера, но и всего механизма власти, отчасти тем самым мистифицируя и одновременно мифологизируя последний. Стремление к персонификации власти уходит корнями вглубь веков, действительно в мифологическое сознание. Но оно живо и сегодня. И об этом мы еще поговорим.

Л. Гозман и А. Эткинд указывают на весьма важное для нас обстоятельство: "Никакая мифология не имеет конкретного творца. Картина мира тоталитарного сознания тоже не имеет автора. Тираны не могут претендовать на это авторство. Скорее наоборот, сами они, какими мы их знаем, являются ее порождениями". Говоря о том, что мифологическое сознание в частности порождает веру в бессмертие лидеров, авторы отмечают: "Не исключено, что сами лидеры разделяли эти идеи, хотя никто не узнает о том, до какой степени они осознавали их. Не случайно, наверно, что мало кто из руководителей тоталитарного толка позаботился о преемнике".

Итак, необходимо различать личность, маску и персонифицированную власть. А также учесть еще одно: механизм власти - вещь сложная, вдаваться в подробности его анализа здесь не место. Но одно могу сказать точно - лидер либо соответствует этому механизму, либо подчиняется ему, либо механизм его сминает. Роль личности, конкретного человека здесь минимальна. Она детерминирована столь существенно, что места личностному (не субъективному, а именно личностному) фактору не остается.

И в этой связи мне кажется справедливым высказывание А. С. Сенявского: "Сталинизм (в его развитой форме 30-х - начала 50-х годов) появился не потому,

что этого захотел Сталин, а потому, что с определенного момента он и не мог не появиться, хотя бы олицетворялся и иными именами".

Подведем итоги.

В рассуждениях по поводу альтернатив в историческом процессе часто встречается аргументация, состоящая в том, что субъективный фактор рассматривается как фактор определяющий или обуславливающий выбор альтернатив. При этом неизбежно следует вывод, что данный фактор следует рассматривать как нечто, не включенное в ткань исторического процесса и следовательно с ним не связанное вообще или связанное лишь частично.

Образно говоря, субъективный фактор сидит на берегу реки - исторического процесса - и, наблюдая за течением, время от времени вмешивается в последнее с целью ускорить или попытаться изменить направление. Эта позиция представляется принципиально неверной: субъективный фактор может рассматриваться только как элемент исторической реальности, как ее порождение, ею же детерминированное.

Известно, что распознавание реальной ситуации возможно только на основе имеющегося исторического опыта, так сказать, накопленного "банка" предшествующих ситуаций. С другой стороны, наличие банка предшествующих ситуаций в значительной степени создает предпосылки для возникновения альтернатив. И вопрос здесь заключается в том, являются ли накопления банка достаточными. В то же время в рамках субъективной деятельности происходит накопление банка исторически апробированных приемов и методов трансформации предшествующих ситуаций и их переосмысления.

Однако даже исторически обусловленные преобразования в рамках субъективного фактора не могут оцениваться чрезмерно высоко. Дело не только в том, что не может быть предложено ничего кардинально нового, но и в том, что поддержание дееспособности старого, хорошо отлаженного механизма требует несоизмеримо меньше усилий и затрат, чем приведение в действие и отладка нового (сравним застой с перестройкой).

В силу этого "массовидность" субъективного фактора, его активность и т. п. не может оцениваться безотносительно к степени устойчивости реализуемого варианта. Новое требует поддержки гораздо большего числа членов социума, чем старое.

Еще один полемический перекосяк в дискуссиях по проблеме альтернативности в истории - подмена субъективного фактора личностным. В то же время разница между ними значительна и, на мой взгляд, очевидна: если субъективный фактор полностью обусловлен историческим процессом, то личностный может давать и дает единичные "выбросы". Но личностный фактор функционирует только в рамках субъективного.

Однако при этом не следует забывать, что субъективный фактор может быть персонифицирован, что особенно заметно при оценке степени влияния на выбор альтернатив деятелей "верхнего эшелона власти". Здесь я предложила бы ввести понятие системности субъекта. Степень включенности человека в

конкретную систему определяет и степень его зависимости от исторического процесса.

И последнее. Говоря о выборе альтернатив и о роли в нем субъективного фактора нельзя не задаться вопросом, на чьи плечи ложилось бремя этого выбора. Субъективный фактор выбирать не может. Осознав ситуацию, выбор может сделать личность. Субъективный фактор, проявляясь через совокупность личностей, не только выдвигает альтернативы, но и порождает борьбу за их реализацию. Но об этом мы тоже поговорим позже.

1.3 "Я ТЕБЯ СЛЕПИЛА ИЗ ТОГО, ЧТО БЫЛО..."

Человек все больше и чаще подчиняет себе природу. Причем делает это настолько успешно, что мы уже почти забыли, что являемся ее частью. И все-таки это так. Мы не только рождаемся в ее лоне, она не только кормит и поит нас. Связь наша значительно интимней и глубже.

Много лет назад археологами и этнографами было проведено пилотное (пробное) исследование высокогорных народов мира. Результаты оказались поразительными: разделенные огромными пространствами, находящиеся на разных континентах, они совпадали во всех базовых показателях материальной и духовной культуры. При этом единственное, что их роднило - то, что они жили на одинаковой высоте над уровнем моря.

И прежде, чем говорить о влиянии биосферы на человеческое сообщество, рассмотрим пристальней самого человека. И прежде всего на его биологическую составляющую. Во-первых, мы - существа очень слабые и беззащитные, просто вынужденные трудиться и думать. А во-вторых, мы, сколь бы нелестным для нас ни было это определение, - трупояды. Мы - не хищники, поскольку не в состоянии ни догнать какое-либо вкусное животное, ни перегрызть ему горло. Да и не едим мы живность еще тепленькой (вспомним, кстати, о кошерной пище...). А что это значит - быть трупоядом? Прежде всего, зависеть от удачливости хищников или ждать, когда произойдет "падеж скота". Но человек уже на ранних стадиях своего развития был не только слаб, но и прожорлив, а это - серьезный стимул к прогрессу.

Ну, а что представляет собой человек как существо био-социальное? Он - эйдилон, т. е. существо, чье мышление и поведение генетически запрограммировано, или ксинедрин, т. е. существо, целиком программируемое внешней средой? Понятно, что путь эйдилон - это генетическая предопределенность. Все, наверное, помнят и знаменитые преступные типы Ламброзо, и споры о существовании гена агрессии.

Путь ксинедринов - это диктат культуры. Человек появляется в мир, не имея ничего за душой - ни врожденных способностей или склонностей, ни индивидуальных черт. Его полностью формирует та культура, в рамках которой он рожден.

И социобиологи - путем научных наблюдений, - и мы - на личном опыте - склонны считать, что на самом деле место имеет генно-культурная трансмиссия, т. е. постоянно происходят переходы от генных факторов к культурным и наоборот. Ни гены, ни культура, отдельно взятые, не могли породить человеческого разума. Он является результатом соединения генетической эволюции и культурной истории.

При этом социальная структура какого-либо сообщества относительно самостоятельна по отношению к генотипу. Более того, социальные процессы также влияют на биологическую составляющую, в результате чего каждый отдельный человек находится как бы на пересечении двух относительно самостоятельных систем - социума и природы. И если на ранних стадиях человеческой истории доминирует антропогенез, то последние тысячелетия социогенез явно играет более значимую роль для человечества.

Самым настойчивым - а иногда и назойливым, - напоминанием о нашей связи с природой являются наши естественные потребности (в отличие от противоестественных, к которым природа не имеет никакого отношения). Мы все так же, как и миллионы лет назад, хотим есть, пить, спать, дышать и не только. Причем хотим настолько сильно, что можем заплатить жизнью за отказ от удовлетворения своих потребностей.

Но наши потребности, неизменные в своей основе, заметно трансформировались и продолжают изменяться. Мы хотим уже не просто есть, но есть что-то (вкусное!), как-то (за столом, на тарелке, вилкой), приготовленное определенным способом. Мы хотим пить, но уже очень редко пьем просто воду. Мы хотим спать на удобных матрасах, с подушкой и постельным бельем. Даже дышать многие предпочитают с помощью кондиционера. И все остальные способы удовлетворения потребностей таковыми не считаем.

Более того, неприхотливость человека в отношении своих нужд вызывает скорее порицание - "он ведет себя как свинья". Напомню из Омара Хайяма:

Чтоб мудрым быть, знать надобно немало.

Два первых правила запомни для начала:

Ты лучше голодай, чем что попало ешь,

И лучше будь один, чем вместе с кем попало".

А теперь вспомним о еще одной старой, но все еще не решенной проблеме: люди мы или животные, вернее, конечно, являются ли люди чем-то принципиально отличным от животного мира. А "Люди или животные" - это название весьма поучительной книги Веркора. Напомню ее незамысловатую фабулу: группа исследователей обнаруживает в джунглях некое племя, находящееся как раз на полпути между животным и человеком. И весь остальной объем книги посвящен поискам критериев отличия.

Надо сказать, что не только в книге, но и в реальности эту грань уловить очень трудно. Использование орудий? Но это свойственно и некоторым приматам. Строительство? А бобры? Коллективная созидательная деятельность? Вспомним о муравьях и пчелах. Искусство можно увидеть в брачных танцах птиц

(и не только). Что касается речи, то и у животных есть членораздельные, информативные и эмоциональные сигналы. Даже ритуалы - казалось бы, чисто человеческое явление - знакомы биологам и понимаются ими как серии наследственно закрепленных в генотипе вида, рода, семейства и др. стереотипных телодвижений, повторяющейся последовательности и двигательных реакций, имеющих сигнальные функции. Такие действия совершаются спонтанно и имеют свой собственный механизм передачи и свое привлекательное значение.

Но, пожалуй, только человек может так старательно наносить вред себе и своим близким. Никотин, алкоголь, всевозможные излишества в удовлетворении своих потребностей - вот это истинно человеческое. Еще один признак - немотивированная агрессия. Животное убивает, но во-первых, по неким объективным причинам: потому что хочет есть или защищает свою семью и пр. А во-вторых, оно не пытается себе подобного, не издевается над ним.

Некоторые социобиологи видят в этом "ответ" природы на развитие медицины: на смену естественным способам регулирования размера популяции пришли способы противоестественные.

Однако пора вернуться к биосфере как субъекту истории. Ее влияние на тип хозяйствования настолько очевидно, что вряд ли нуждается в особой детализации. Но на некоторых моментах все же остановимся. Дело ведь не только в том, что поблизости от судоходных водных пространств развивается водный транспорт, а в пустыне нет. И не только в том, что наличие полезных ископаемых определяет отрасли производства. И тип почв и климатические условия диктуют направления развития растениеводства и животноводства.

Есть факторы не столь отчетливо просматривающиеся, но весьма значимые. Например, выход полезных веществ данного региона с учетом объема потребностей в них человека определяет максимальный размер социума, который он может прокормить. Малочисленность водных источников приводит к плотности сельских поселений, а их обилие - к распыленности.

Но биосфера влияет не только на материальные и биологические стороны жизни человека и социума. Можно различить регионы, благоприятствующие человеческой деятельности и препятствующие ей. При этом человек функционирует и в тех, и в других, но если в первых его действия гармонизированы с природой, то во вторых он постоянно находится в состоянии борьбы с ней. И из этого проистекает разница в мировосприятии - я назвала эти два типа мировоззрением и мирозерцанием. Первое активно и агрессивно, второе спокойно и приметливо.

Интересно, что к XIX в., а точнее - к полной и безоговорочной победе человека над природой в Центральной Европе - регионе второго типа - стали весьма популярны всевозможные восточные учения, а Восток - регион как раз первого типа.

Отметим также, что есть два способа получить у природы то, что тебе нужно: отнять и обменяться. Для социумов с доминантой мирозерцания

характерно понимание того, что в природе все гармонично и следовательно целесообразно. Даже если человек не понимает этих целей. Поэтому уничтожать или преодолевать ничего нельзя - результат может оказаться непредсказуемым и страшным.

Разницу двух позиций можно прояснить на такой аналогии: отношение к природе у одних как у арендаторов, а у вторых - как у наследников. Материалистическую позицию "хозяина" мы даже не станем рассматривать: мало того, что для того, чтобы быть хозяином, надо либо сделать, либо приобрести, либо получить в дар (ничего подобного с человечеством не происходило), но и всевозможные природные катаклизмы, которые мы не можем не только предотвратить, но и заблаговременно предсказать, сильно препятствуют нашему "хозяйскому" положению.

Мимоходом замечу, что если человек (или социум), занимающий позицию "арендатора", чаще всего либо не верующий, либо верящий во что-то типа Космического Разума, то христианин (возможно, и представитель другой религии, не берусь судить, поскольку недостаточно хорошо знаю) ощущает себя "наследником", соратником Христу и соучастником творения. Согласитесь, разница понятна и значительна.

Мы еще будем говорить о прогрессе, а сейчас об одном аспекте. Безусловно, регионы, препятствующие человеческой деятельности, в то же время и даже в силу этого способствовали технико-технологическому прогрессу. Человеку все время приходилось решать нестандартные задачи, суровая природа не позволяла ему расслабиться. Но по мере развития науки, техники, технологии, производства человек все реже вынужден искать оригинальное решение, т. е. неограниченный разумными рамками прогресс деятельности может привести если не к регрессу, то к существенному упрощению мышления. Современный рядовой житель мегаполиса не выживет не только в условиях дикой природы или в деревне, ему будет сложно даже в маленьком городе. Я имела возможность издали следить за процессами в Тбилиси, когда там в домах не стало воды, газа, электричества и телефона. Моральное, психическое и физическое состояние жителей очень скоро стало ужасающим, хотя еще 100 лет назад об этих удобствах никто и не слышал.

Вот и задумываешься, стоит ли побеждать природу...

А если учесть, что последние разработки - причем не только теоретические, но и экспериментально подтвержденные - социобиологов, биологов, физиков, химиков показывают, что биосфера может существовать только как целостность, все части которой теснейшим образом взаимосвязаны - не только механически или энергетически, но и информационно, - а отдельный элемент как на уровне особи, так и на уровне вида просто не выживает без существенных мутаций, то становится абсолютно ясно, насколько осторожным должно быть человечество. Ведь если причинить боль одному человеку, где-нибудь может произойти землетрясение или мутация какого-нибудь вида микробов, которые станут угрозой для жизни. Конечно, я упрощаю, но это в связи с тем, что мы пока слишком мало знаем не только о механизмах действия этих

связей, передачи информации, но и о возможных результатах влияния на один из элементов биосистемы для остальных. Собственно, сегодня мы знаем только одно: наш мир - жестко сбалансированная и гармонизированная система, и не стоит ее расшатывать.

И напоследок о еще одной теме: о нефункциональных, нецелесообразных привязанностях. Однажды к нам в храм вошел энергичный и целеустремленный человек весьма интеллигентного вида и спросил: "Так, а у вас собак в рай пускают?" Я несколько растерялась, а потом вспомнила соответствующую цитату из Евангелия и кивнула. "Хорошо, тогда запишите меня", - решил мужчина. И стал, между прочим, весьма достойным прихожанином. А суть-то была проста и знакома многим: собака стала для этого человека самым близким другом, и рай без нее казался ему не слишком привлекательным.

Может, кому-нибудь это покажется смешным, но именно наша способность совершенно бескорыстно любить животных или любоваться природой дает надежду избежать экологической катастрофы и сознательно включить в мировосприятие биосферу как весьма важный субъект истории.

2. КОЛЕСО, СТРЕЛА И ТОЧКА

2.1. КАКОЕ БЫВАЕТ ВРЕМЯ

Каким бы ни было определение истории как науки, в нем все равно будет упомянуто время - одна из основных шкал измерения реальности.

Мы редко об этом задумываемся, но время бывает разное. С точки зрения исторической науки важны время космическое, историческое и личное. И времена эти весьма существенно различаются, при этом их соотношение устанавливается также очень сложно, хотя, возможно, это не кажется очевидным.

Космическое время наиболее очевидно и объективно. Оно строится на периодичности космических явлений, в частности, на обращении Луны вокруг Земли - на нем базируются сутки и лунный календарь; на вращении Земли вокруг Солнца - оно лежит в основе года и солнечного календаря. Существует еще звездный календарь, а когда возникнет потребность, возникнет марсианский календарь, нептунский и т. д. И между ними нет и не будет прямого соответствия, поскольку каждая планета за разное время (земное) и совершает оборот вокруг своей оси и вокруг Солнца.

И сколь бы сложными ни были расчеты соотношения разных календарей, их объединяет нечто существенно общее. Космическое время - изначально циклично. Именно цикличность, построение календарей на базе повторяющихся событий, породила формулировку "колесо времени". Попытка преодоления того обстоятельства, что единого времени нет для разных небесных тел и систем, может быть сделана при помощи скорости света. (Поясню: если скорость есть расстояние, деленной на время, то время есть расстояние, деленное на скорость. При равной величине скорости появляется возможность соотносить временные

отрезки). Для астрономов и физиков это, наверное, выход, но для историков подобная мера слишком крупна и неудобна. Впрочем, равно как и другие шкалы космического времени.

За начало месяца в еврейском календаре принималась неомения - момент первого появления Луны на вечернем небе. В I в. н. э. при иерусалимском синедрионе была специальная комиссия из трех человека, которая 29-го числа каждого месяца высылала свидетелей за город, чтобы они следили за появлением серпа новой Луны. Таких свидетелей должно было быть не меньше двух. Каждый еврей был обязан при любых условиях и даже в субботу отправляться в Иерусалим для дачи показаний. Заслушав очевидцев, коллегия принимала решение считать наступающий 30-й день первым днем следующего месяца или ждать следующей ночи. А если облачность или туман?

Историческое время - это стрела. М Блок отмечал, что если для физика важно, сколько длилось то или иное физическое событие, но не важно, когда оно происходит, то для историка важен конкретный момент в жизни отдельного человека и цивилизации.

В социальных процессах только с весьма существенным упрощением можно увидеть повторяющиеся события, но в любом случае они не будут иметь общецивилизационного значения. Революция во Франции имеет сходство с революцией в России, но строить на этом основании некий календарь, наверное, нелепо. Хотя сама идея поиска таких периодических событий была свойственна разным культурам. При Юлии Цезаре каждые 15 лет собирались подати - от этого и пошел счет индиктами - 15-летиями, от 1 сентября (с 462 г.; до этого - с 23 сентября). Считали по консулам, по олимпиадам. Э. Бикерман отмечает, что в древней Греции если должностное лицо, по которому был обозначен год, служило шесть месяцев, то и гражданский год длился шесть месяцев. В древних шумерских текстах датирование по сроку деятельности лиц также охватывает годы различной величины.

Христианство принесло с собой счет по евангельским событиям, прежде всего от Рождества и от Пасхи. При этом никому не известно, когда родился Иисус, а дата Пасхи вообще является плавающей. В то же время М. Блок называет христианство религией историков: "У христиан священными книгами являются книги исторические, а их литургии отмечают - наряду с эпизодами земной жизни Бога - события из истории Церкви и святых. Христианство исторично еще и в другом смысле: судьба человечества - от грехопадения до Страшного суда - предстает в сознании христианства как некое долгое странствие, в котором судьба каждого человека, каждое индивидуальное "паломничество" является, в свою очередь, отражением; центральная ось всякого христианского размышления... разворачивается во времени, т. е. в истории".

При том, что мы пользуемся сегодня солнечным календарем, обычай измерять время неделями связан с изменением фаз Луны. Каждый день посвящен

какому-либо богу. У некоторых народов нумерация дней получилась очень любопытной. В грузинском языке получилось пятница, пять суббот и воскресенье. В персидском языке суббот даже шесть (и одна пятница). Когда-то у славянских народов воскресенье называлось "неделя" - день, в который ничего не делают. Интересно, что даже священные дни у разных социумов разные: у мусульман - пятница, у иудаистов - суббота, у христиан - воскресенье.

Поэтому нам не остается ничего, кроме как согласиться с мнением Э Бикермана: "Календарь - это такая вещь, которую не в силах объяснить ни логика, ни астрономия..."

Но каждый из нас на собственном опыте знает, что существует еще и личное время, лишь частично связанное с временами космическим и историческим. Некоторые дни тянутся бесконечно долго, некоторые годы пролетают как птицы. И если течение исторического процесса можно уловить лишь находясь вне него (о чем мы уже говорили), то изменения в жизни конкретного человека заметны и ему, и окружающим. Здесь время уходит в точку - в личность. Но взаимосвязь и синхронность миллиардов таких точек личного времени почти отсутствует. Я жду любимого человека и время тянется как резина, но в этот же момент космического и исторического времени кто-то уже дождался встречи и его время мчится с обидной скоростью. Кто-то только что родился, и его развитие идет по нарастающей, а кто-то приблизился к последнему порогу и чаще деградирует, чем развивается.

Теснее всего связан с космическим временем возраст. Он и считается в годах, месяцах и днях. Но все также знают, что личное восприятие возраста часто отличается от даты, указанной в паспорте. На это влияет и состояние здоровья, и накопленный жизненный опыт (не зря же есть понятие инфантилизм - от слова "инфант" - "ребенок"), и степень социальной востребованности. Так же хорошо известно, как вчера еще полный сил пожилой человек резко стареет, уйдя на пенсию. Субъективное восприятие возраста корректирует, конечно, зеркало, но все же...

Личное время зависит и от психологии человека. У эмоциональных людей оно течет быстрее, воспринимается интенсивней, похоже на бурную горную речку. Спокойные люди живут дольше (не по космическому времени, а по личному), почти не воспринимая время, которое у них похоже на безмятежное озеро, а то и на болото.

Еще один фактор - страх. И прежде всего страх смерти. Он ускоряет личное время не только по отношению к прошлому и настоящему, но и к будущему. Если обычно мы говорим о том, как быстро пролетел год, или как быстро летит воскресенье, то страх вынуждает с ужасом наблюдать с какой скоростью нечто приближается. И неизбежность наступления пугающего события только усиливает напряжение. Предродовые синдромы женщин связаны именно с неизбежностью родов, но как правило, они не носят патологического характера,

если не осложняются какими-то побочными обстоятельствами: ведь женщина знает, что после рождения ребенка все со временем придет в норму.

Со смертью несколько иначе. Здесь разница в позиции человека, верующего в загробную жизнь, и атеиста особенно очевидна. Как и разница между ожиданием изменения, перехода, и конца.

Единицей измерения личного времени является событие. Мы помним жизнь не по часам, не по историческому событию. Скорее наоборот, мы вспоминаем дату по событию, а историческое событие - по личным обстоятельствам. Н человек не в состоянии помнить и даже отслеживать все события своей жизни. Значит, и здесь мы сталкиваемся с понятием исторической значимости, но в данном случае в рамках истории отдельной личности. Как мне кажется, если тщательно проанализировать собственные воспоминания, можно многое понять во всемирной истории.

Но вернемся к историческому времени. Уже упоминавшийся Э. Бикерман отмечает, что для древнегреческой и ранней римской истории можно установить лишь год, изредка - время года события. Для Ближнего Востока пределы погрешности быстро увеличиваются по мере углубления в прошлое за пределы 900 г. до н. э. До XIV в. до н. э. они достигают 10 и более лет, к XVII в. - 50 лет, а дальше и больше.

И мы оказываемся в парадоксальной ситуации: время - мерило истории, но очень уж ненадежное. И вообще, мерило бессмысленно без измеряющего, т. е. без человека. Значит, он и субъект истории, и ее объект. Значит, необходимо пристальней в него всмотреться.

2. 2. "ОН МЕНЯ СОСЧИТАЛ!"

Итак, в центре круговорота времен - человек. Он и воспринимает время, и измеряет его, и изменяет. Особенно это касается исторического времени, которое вообще не существует без субъекта и объекта истории - социума.

Представим себе на минуту, что по каким-то причинам Земля осталась без человечества. По-прежнему будет по утрам всходить солнце, а по вечерам - луна и звезды. По-прежнему зиму будет сменять весна, а осенью багряные и золотые листья будут устилать землю. Будут учиться летать птенцы и строить плотины бобры. Но историческое время превратится в космическое, в колесо, бессмысленно катящееся по просторам вселенной.

Некоторые не согласятся со мной - ведь флора и фауна будут продолжать развиваться, а потом, глядишь, и Солнце потухнет, и вообще многое изменится. Да, конечно, вот только не будет того, кто сможет это заметить и "сосчитать".

Впрочем, перспектива угасания светила заставляет нас уточнить еще один аспект. Аналогия с колесом действительно вызывает представление о космическом времени как о бесконечности, что верно, но в космическом же масштабе. В человеке ежеминутно умирают какие-то клетки, но мы не говорим о

смерти всего человека. В социуме регулярно умирают его члены, но мы не говорим о смерти социума. То же самое со вселенной.

Но есть существенное различие: если вселенная бесконечна и, соответственно, состоит из бесчисленных элементов, гибель всех последних невозможна, то число клеток организма, растений определенного вида и членов социума конечно, и следовательно, их тотальное исчезновение и последующее исчезновение самих общностей вполне реально. В этом еще одна особенность исторического времени. Оно может исчезнуть.

Мы уже говорили, что мерилom исторического времени являются события, или же действия, поступки людей в их совокупности. При этом субъективность (в широком смысле) исторического времени очевидна. Да, событие действительно произошло, это объективно. А вот восприятие его как исторического и определение даты его наступления зависит уже от человека.

Субъективность исторического времени состоит еще и в том, что этих времен много, ведь то, что важно и памятно для одного социума, может быть просто не замечено другим. История победы племени ням-ням над племенем ап-чхи, вероятно, будет передаваться от поколения к поколению во всем союзе племен, но вряд ли заинтересует хоть одного француза, разве что он узкий специалист именно в этой области.

Впрочем, французы могут об этом и не узнать. Для единства и универсальности исторического времени огромное значение имеет передача информация. Даже сегодня, в век интернета и спутниковой связи, мы можем узнать далеко не о всех событиях в жизни человечества. Что же касается международных информационных агентств (впрочем, не только международных), то их отбор фактов для трансляции тоже субъективен, и хорошо еще, если эта субъективность искренняя, а не обусловленная политическими или иными интересами тех, кто их финансирует.

Что же касается более ранних времен, то информационная замкнутость социумов была столь велика, что иностранцы только недавно перестали спрашивать у россиян, как они уживаются с медведями, бродящими зимой по улицам Москвы.

В этой ситуации единым - более или менее - временем для человечества является все же время космическое. Но в основном на макроуровне. Ведь на уровне часов, дней и даже лет космическое время различается для разных социумов в зависимости от их географического местоположения. Известно, что год мог начинаться 25 декабря, 1 января, 1 марта, 25 марта, 1 сентября... Но чем крупнее масштаб, тем меньше расхождений. Правда, и применимость в истории меньше.

В учебнике по истории одной из наук я прочла, что "всем известно, что XVIII в. начался в 1715 г. и закончился в 1789 г." Почему?

Для периодов истории, от которых сохранилось мало свидетельств, мы тоже используем крупные, но очень размытые интервалы. Это эры или эпохи.

Причем их границы настолько зыбки, что часто почти не соотносимы с космическим временем.

Эры и эпохи выделяются либо по технико-технологическим параметрам - например, каменный век или бронзовый; либо по каким-то длительным политическим ситуациям - например, эпоха Селевкидов.

М. Блок говорит, что воплощение Бога положило конец Ветхому Завету, но не установило Царствия Божьего. Устремленное к надежде на этот блаженный день, время настоящее было, следовательно, всего лишь промежуточной эрой - Средними веками. Но когда они начались и когда кончились? Логично было бы думать, что начались сразу после евангельских событий и не кончились по сей день - ведь Царствие Божие так пока и не наступило. Ан нет!..

Более мелкие отрезки времен - этапы и периоды. Их границы тоже весьма размыты и критерии определения не однозначны. В истории нечасто один период резко и датируемо сменяется другим. Некое новое явление, по которому определяется начало нового этапа, возникает и постепенно распространяется.

Между состоянием его полного отсутствия и его столь же полного доминирования лежит переходный период, который по длительности вполне может быть сопоставим с самим этапом, конкретная дата начала или конца которого находится в рамках переходного периода, но точно определить ее сложно. Обычно неявным критерием для этого является "массовидность" критерия. Но какой процент или какая часть общего числа явлений должна содержать новое, чтобы считаться началом нового периода?

О том, что историческое время различается в разных социумах, мы уже говорили. Но оно различается даже внутри одного социума, однако на разных этапах развития. Где-то оно еле плетется, событий почти нет, изменения минимальны. Где-то несется вскачь, новости сыплются как из мешка, вечером нет уверенности, что утром проснешься в той же стране - вспомним и сравним хотя бы периоды застоя и начала перестройки. Но еще более важно, что разные социумы, даже пользуясь одной и той же системой измерения космического времени, могут отсчитывать начало исторического времени или его периода от разных исторических событий.

Для того, чтобы историческое время разных социумов было сопоставимо, оно должно отсчитываться от одного и того же общезначимого события. Но к этому мы еще вернемся.

А сейчас отметим еще одну "странность": историческое время различается не только для разных социумов, но и для разных областей человеческой деятельности. Выше мы уже упоминали о каменном, бронзовом или железном веках - это история производства. Если в рамках тех же социумов дать периодизацию по социальному развитию, мы будем говорить о первобытнообщинном строе или рабовладельческом или феодальном. Своя

периодизация есть в истории искусства, философии, науки, политики, дипломатии и т. п. Причем периоды как правило не совпадают.

Конечно, в реальности все социальные процессы в той или иной степени взаимосвязаны - новые научные открытия влекут за собой изменения в технологии; изменения в политической ситуации влияют на дипломатические события. Поэтому периоды истории разных сфер человеческой деятельности хотя и не совпадают в рамках космического времени, но сопоставимы в рамках исторического, т. е. относятся к одной эпохе.

Таким образом, историческое время проще представлять себе даже не в виде стрелы, а в виде тучи стрел, направленных в одну и ту же цель. Но что это за цель, и есть ли она вообще, или это не цель, а просто конец?

Об этом мы поговорим в следующих разделах.

2.3. "АЛЬФА И ОМЕГА, НАЧАЛО И КОНЕЦ"

Итак, проблема определения точки отсчета времени становится для нас уже весьма актуальной. Здесь мы, пожалуй, не будем говорить о начале космического времени - это космологическая тема, теснейшим образом связанная с мировоззрением: для атеиста (и не только) космическое время вообще не имеет начала и конца, для христианина начало времени - сотворение мира, конец - Страшный суд. И хотя христианство на богословском уровне в этом вопросе достаточно осторожно, кое-какие моменты мы рассмотрим в следующем разделе, а пока вернемся к времени историческому.

Если историческое время, как мы уже сказали, существует только в человеке, то, видимо, его начало - возникновение человечества. Но - и об этом мы тоже уже говорили - само возникновение, его момент, определяется очень сложно. В одном из следующих разделов мы вернемся к теме, а сейчас я предлагаю попробовать уточнить этап возникновения человечества, который можно было бы взять за точку отсчета: возникновение исторического сознания или, что одно и то же, самосознания социума. Это, как мне кажется, наиболее целесообразный подход. Но вот беда - в каждом конкретном социуме этот момент настаёт в свой период космического времени и для универсальной точки отсчета не годится.

То, что с этим нужно что-то делать, было понятно уже в древности. В середине III в. до н. э. в греческом мире ввели летоисчисление от первых Олимпийских игр, которые проводились с 11-го по 16-й день после новолуния в период летнего солнцестояния.

Римляне, а затем и европейцы вплоть до XVII в. использовали в качестве начальной точки дату основания Рима. Однако вокруг самой этой даты велись ожесточенные споры, существовало около десяти версий. В конце концов приняли дату основания Города - 21 апреля 753 г. до н. э.

Победное шествие христианства повлекло за собой почти повсеместное распространение новой точки отсчета - от сотворения мира. Логичный вопрос - откуда известна его дата. Изначально было около 200 различных исчислений - от 3483 до 6984 лет перед Рождеством Христовым. Ход рассуждений был приблизительно таким: в Псалме 89 и во 2 послании Петра говорится, что у Бога 1000 лет как один день. Из этого следует, что сам акт сотворения мира длился 6000 лет. Но, как и мы, богословы считали, что для нас важен не весь процесс творения, а именно появление человека. Это произошло в середине пятого дня - т. е. через 5500 лет после начал творения.

Поскольку Иисус - Новый Адам, то и от Адама до рождения Христа должно было пройти столько же времени, т. е. 5500 лет. Однако подобная "датировка" возможна только с точностью до "полудня" - 500 лет. В котором именно "часу" был сотворен человек, Библия не сообщает. Тогда на помощь должны придти подсчеты библейских событий.

Но вот беда: разные тексты сохранили разные хронологические сведения. Между Вульгатой и Септуагинтой расхождения достигают 100 лет. Например, согласно одной версии от Адама до Сифа прошло 130 лет, а по другой - 230; от Сифа до Еноса - или 105, или 205. Иисус Навин правил то ли 14 лет, то ли 32 года, и Кир - то ли 9, то ли 32. А со времени Вавилонского пленения цифровые данные из Библии вообще исчезают. Поэтому подсчеты тоже не совпадали. Было бы несколько проще, если бы нам была известна хотя бы дата рождения Иисуса по действовавшим в тот период хронологическим системам. Но и здесь ясности никакой.

В 525 г. римский монах, папский архивариус и скиф по происхождению Дионисий Малый предпринял попытку вычислить ее. У него получилось, что Иисус родился 25 декабря 753 г. от основания Рима, 43-го года правления Августа, 4-го года 194-й олимпиады. Однако епископ Иринеи, Евсевий Кесарийский и Тертулиан считали, что это было на 42-й год правления Августа. Другие авторы склонны считать, что от основания Рима прошло 752 года. Но это противоречит Евангелию от Матфея, говорящем о рождении Младенца во время правления Ирода, который умер в 750 г. от основания Рима, т. е. в 4 г. до н. э. В общем, когда именно родился Иисус и от какого события мы отсчитываем "нашу эру", - вопросы по-прежнему спорный. (Кстати, поэтому я, человек верующий, обозначаю даты все-таки "до н. э.", а не "до Р. Х.").

Но нет худа без добра. Как вы помните, богословы считали возможным, во-первых, понимать один день в Библии как 1000 лет, а во-вторых, историю сотворения равной по длительности истории человечества от изгнания из рая до Страшного Суда, что означает Второе пришествие Христа в 7000 г. от сотворения мира. Об этом писал еще Григорий Нисский в 375 г. Но на какой год по новой эре приходится эта дата?

На Руси были знакомы в основном с несколькими эрами - антиохийской, считающей датой сотворения человека 1 сентября 5507 г. до н. э.; александрийской - 29 августа 5493 г. до н. э.; византийской - 1 сентября 5509 г. до

н. э.; болгарской - 5504 г. до н. э. и константинопольской, иногда называемой древнерусской - 1 марта 5508 г. до н. э.

Тогда 7000 лет от сотворения мира - это где-то между 1491 и 1507 г. н. э. Захват в 1453 г. турками Константинополя, казалось, подтверждал худшие опасения. В 1408 г. закончился 532-летний пасхальный цикл, но никто не решался расписать следующий цикл, ограничиваясь расчетами на ближайшие годы, но не позже 1492 г.

Но вот наступило 1 сентября 1491 г., потом 1 марта 1492 г., а затем и 1 сентября 1492 г...

Кстати, есть такой всем известный период истории - Ренессанс, или Возрождение. Возрождение чего? Кого? Говорят, интереса к античности. А вот исихасты - приверженцы одного из христианских течений - считали, что Страшный Суд свершился, но в душе каждого отдельного человека. Так, наверное, и было. Современники неизбежно примеряли грядущие события к себе, к своей судьбе. И тогда Возрождение - это возрождение после мистической смерти в 7000 году. Еще один аргумент здесь - взлет атеизма и радостный настрой Ренессанса. Что немудрено после мрачных лет ожидания.

Может показаться, что для отечественной истории после Рождества Христова расхождения в определении начальной точки отсчета исторического времени не имеют большого значения - ну, договорились же в конце концов как-то, какая теперь разница, как. Но вся загвоздка в том, что на Руси еще очень долго даты указывались от сотворения мира, а поскольку летописцы пользовались при составлении сводов самыми разными источниками, то и принципы, по которым надо пересчитывать даты в новую эру, каждый раз нуждаются в уточнении. Приведу несколько примеров.

В Повести временных лет о крещении княгини Ольги сообщается под 6463 годом. Казалось бы, все ясно: отнимаем 5508 лет и получаем 955 г. Но согласно западноевропейским источникам крещение произошло не при императоре Константине Багрянородном, а при императоре Романе, который воцарился только в 959г. Такое могло быть, если летописец пользовался болгарской эрой - $959 + 5504 = 6463$ г. Но все не так просто.

Император Константин Багрянородный описывает пребывание Ольги в Константинополе, но не в 959 г. и не в 955 г., а в 957 г. При этом о крещении ничего не сообщается. А в свите Ольги состоит некий священник Григорий, что дает определенные основания предположить, что Ольга была уже крещена. Есть версия, что крещение состоялось все же в 957 г., а упоминание Романа, который еще не был императором, связано с тем, что он, возможно, был соправителем отца...

Не прибавляет ясности и романтическая история о сватовстве Константина Багрянородного к Ольге, тесно связанном с крещением последней. Напомню: император влюбился в княгиню, а та, не желая открыто ему отказать, предложила потерявшему голову Константину стать ее крестным отцом, ибо негоже ему жениться на язычнице. А когда крещение состоялось, императору

напомнили, что крестный отец не может вступать в брак с крестницей. И все бы ничего, но Ольге в то время было 67 лет, да и монарху около 55. Как-то поздновато для романтических историй...

Похоже, ситуация становится безвыходной. Противоречий чересчур много, от каких-то свидетельств надо отказываться, но как решить, какие из них признать достоверными?

А тут еще средневековые французские анналы упоминают некую княгиню Ольгу, сестру (а не бабушку!) князя Владимира, вышедшую замуж во Францию и там признанную святой за свое милосердие к умирающим. Может быть, это ее крестил император Роман, и с ней связана романтическая история? По крайней мере, по возрасту действующих лиц эта гипотеза более правдоподобна. А подмена Романа Константином произошла позднее, когда Русской православной Церкви потребовались свои равноапостольные святые и произошла замена одной княгини, практически неизвестной в России, другой, чья история для Руси была значима, но которая с Романом не пересекалась. Мне кажется, что именно так и произошло.

Тогда остается понять, была ли вообще крещена старшая Ольга. Видимо, да, поскольку ее деятельность по уничтожению капищ и воспитанию внука, впоследствии крестившего Русь, позволяет сделать именно такой вывод. Но как это было возможно? Здесь надо посмотреть, что нам вообще известно о христианстве на Руси в середине X века.

Константинопольский патриарх Фотий еще в 866 г. писал, что россы сменили свою языческую веру на чистое христианство. В договоре с греками 944 г. говорится: "мы же, елико нас крестилися есмы, кляхомся църкввию святого Илие в съборней церкви". Как уже упоминалось, в составе свиты княгини Ольги в 957 г. был священник. Таким образом, нет никаких оснований отрицать возможность крещения старшей Ольги вне зависимости от посещения Константинополя и встречи с Константином.

Но что же тогда произошло при Владимире Святом? Псковская летопись датирует крещение князя со всей возможной точностью: "в 9 лето княжения Володимира, купно же от Адама до крещения Русаго лет 6496, индикта 1, в лето 6497, ключ границ Р, круг Солнца 28, вруцелето 3, а Луне круг 17". Если летописец использует византийскую эру, то $6497 - 5508 = 989$ г.

Согласно византийским, арабским и некоторым русским источникам, Корсунь Владимир действительно взял в 989 г., но "Память и похвала князю Владимиру" относит его крещение к 987 г. Один из первых биографов Владимира Иаков Мних также считает, что князь взял Корсунь через два года после своего крещения.

А вот Летопись Иоакима вообще считает, что Владимир крестился сам и крестил своих сыновей и всю русскую землю после победы над болгарами в 985 г.! И согласовать данные не получается...

Есть и другие примеры, уже не связанные с крещением Руси. Так, по Повести временных лет Святослав одержал победу над хазарами в 6473 г., т. е. в

переводе с византийской эры - в 965 г. Но из арабских источников известно, что это произошло 1 мухаррама 358 г. хиджры, т. е. 14 ноября 969 г. Значит, в данном случае летописец использовал болгарскую эру: $969 + 5504 = 6473$.

Или же: Лаврентьевская летопись сообщает дату смерти полоцкого князя Всеслава таким образом - в лето 6609 месяца апреля в 14 день, в 9 час дня в среду. Но в $6609 - 5508 = 1101$ г. 14 апреля было не в среду, а в воскресенье. А в среду оно было в 1109 г. - значит, летописец использовал вообще редкую для Руси эру - Секста Юлия Африканского - 5500 лет...

Естественно, важно знать и то, когда начинался год. До XV в. чередовались мартовский и ультрамартовский год. Что это такое? Из Византии на Русь пришел сентябрьский цикл начала года, но летописцы еще почти пять веков придерживались мартовского начала года. Иногда при пересчете мартовского года в сентябрьский мартовский начинался на полгода позже, а иногда - на полгода раньше сентябрьского, и тогда он назывался ультрамартовским. Поясню: 1 августа 6500 г. по сентябрьскому циклу могло быть либо 1 августа 6499 г. по ультрамартовскому, либо 1 августа 6500 г. по мартовскому.

В Лаврентьевской летописи за 1110 - 1304 гг. из 165 статей 101 статья датирована мартовским стилем, 60 - ультрамартовским, а еще 4 - годом позже мартовского. В Ипатьевской летописи за 1118 - 1198 гг. мартовский стиль используется в 46 случаях, а ультрамартовский - в 35, причем вперемешку.

Досталось ученым и при определении даты битвы на реке Калке. Ипатьевская летопись сообщает, что она произошла в 6732 г. ($6732 - 5508 = 1224$) на восьмой день после вторника (видимо, в среду). Лаврентьевская летопись говорит о 6731 г. месяца мая в 30 день на память святого Еремия (память упомянутого мученика Церковь отмечает 31 мая). Никоновская и Густинская летописи датируют битву 6733 г., а Рогожская - 6743 г. В летописных сводах XV в. дата - 16 июня. В не дошедшем до нас источнике Н. М. Карамзин прочел, что битва состоялась в пятницу. А арабский источник говорит, что она состоялась в 620 г. хиджры, т. е. в 1223 г.

Кстати, знаете ли вы, какой ныне год на дворе? 2000 год по привычному нам летоисчислению - это 5761 год по иудейскому или 1421 год ходжары. А ведь есть еще восточные системы измерения времени.

Не правда ли, не такая уж это мелочь - день рождения истории?..

2.4. ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА НАЧАЛАСЬ В 1914 ГОДУ

Уже упоминавшийся историк М. Блок отмечал, что для большинства исторических реальностей начало как-то удивительно неуловимо. Возможно, задавался он вопросом, под истоками события нужно понимать причины его наступления?

Это кажется парадоксальным: ну, ладно, когда речь идет о событиях седой старины, но что касается даже XVIII в., не говоря уже о более поздних временах, то

здесь мы, как правило, знаем точные даты - начала войны с Наполеоном, вступления на престол царевны Софьи и т. д. Но что стоит за этими датами?

Выше мы уже говорили о том, что любое событие имеет свою предисторию. Возьмем в качестве примера памятный многим период - перестройку. Когда она началась? С прихода к власти М. Горбачева? Но и при Ю. Андропове были сделаны определенные шаги в этом направлении. Может быть, новую страницу открыла смерть Л. Брежнева? Но какие-то программы перестройки разрабатывались еще при его жизни. Возможно, простой и однозначной окажется датировка по времени появления понятия? Вот когда был провозглашен курс на перестройку, тогда она и началась. А как тогда быть с разницей во времени между провозглашением курса и достижением первого результата? Нам хорошо известно, что декларация не просто может значительно опережать реализацию, но и последней может и вовсе не наступить.

Таким образом получается, что есть следующие этапы воплощения события: замысел - декларация - достижение результата (которое тоже может иметь свои этапы). Теперь за пределами внимания остались только так называемые истоки. Их действительно можно понимать как причины. Что являлось причиной перестройки? Глубокий экономический кризис? Да, конечно. Но есть множество других стран, чье экономическое положение еще хуже, однако это не приводит к перестройке.

А вдруг правы те, кто говорит, что причиной перестройки стало "тлетворное влияние Запада"? Ну, что ж, не без этого, конечно. Но на Польшу, например, это влияние было еще сильнее. И почему именно в этот момент, а не раньше и не позже?

Предлагаю спорную интерпретацию. Перестройка началась в период оттепели при Н. Хрущеве. Именно тогда формировалось мировоззрение тех молодых людей, которые спустя 20 лет пришли во власть. Но львиную часть этого периода СССР возглавлял Л. Брежнев, а мы уже говорили, что поддержание старого требует значительно меньших усилий, чем внедрение нового. Поэтому действительно смерть Л. Брежнева была одной из существенных причин начала перестройки.

Как человек немолодой, я должна с некоторым унынием заметить, что существенный рывок в развитии нашей страны по новому пути будет реален тогда, когда властные структуры любого уровня покинут те, чье мировоззрение было сформировано до оттепели и, что печальней, после нее, но до начала перестройки.

Запас революционного энтузиазма социума на сей день исчерпан именно потому, что доля его носителей в населении невелика. А к тому времени, когда к власти придет поколение, сформировавшееся после начала перестройки, путь, на который мы встали после смерти Л. Брежнева, уже не будет революционным.

Кстати, отчасти этим объясняется смена периодов реформ периодами застоя. Но об этом мы поговорим чуть позже.

Однако из всего вышеизложенного следует, что основой реального события является событие ментальное. Ведь в конце концов из любой ситуации объективно, без учета специфики конкретного социума, может существовать множество выходов. Реализуется тот, который существует в ментальности, в представлении социума. Проще говоря, для того, чтобы увидеть выход, надо знать о его существовании и считать его приемлемым. Самый очевидный пример - способы борьбы с оппозицией. Можно просто перестрелять всех оппозиционеров; можно арестовать их и направить на тяжелые, но необходимые социуму работы; можно ущемить их в правах; можно стремиться переубедить; можно постараться дискредитировать их в глазах общества и тем самым лишить его поддержки (о том, как это повлияет на дальнейший ход событий мы уже говорили в предыдущей главе - общество должно либо поддерживать, либо хотя бы быть индифферентным властную группу или личность).

В результате конкретный социум выбирает тот способ решения проблемы, который, во-первых, допустим для него с точки зрения нравственности, а во-вторых, власть умеет применять. А это опять-таки значит, что "модель" события должна предварительно существовать на интеллектуально-психологическом уровне.

Но датировать по подобному основанию реальное событие настолько хлопотно и сложно, что становится просто нереальным.

Несколько проще определять дату зарождения события, если она связана не с постепенным изменением ситуации, как в случае с перестройкой, а с другим конкретным событием.

Например, истоки Второй мировой войны безусловно следует искать в несправедливом мирном договоре по окончании Первой мировой войны. С этой точки зрения Вторая мировая война действительно началась в 1914 г.

Наверное, понятно, что ничуть не легче обстоит дело с определением конца события. Ход рассуждения здесь аналогичный. Только роль замысла несколько иная: можно предположить, что концом события становится исчерпанность замысла. Иначе говоря, когда достигнуто все, что было задумано, событие завершилось. Однако это не совсем так, вернее, очень редко так.

Замысел рождается в «голове» одного социума, но реализуется в соприкосновении с другим. И этот другой социум может иметь (и как правило, имеет) другой замысел, который и стремится реализовать. М. Горбачев явно задумывал не ту перестройку, которая получилась. «Молодые реформаторы» стремились к совершенно иным результатам проводимых реформ.

И уж совсем очевидно это в случае со Второй мировой войной. Германия, конечно же, совсем по-другому "задумывала" и ход событий, и результат войны. Здесь об исчерпанности замысла вообще говорить невозможно. Реализовался - да и то частично - замысел СССР, возникший уже после начала Великой Отечественной войны. Почему отчасти? Потому что в замысел входило превратить мировую войну во всемирную революцию. Но эта идея натолкнулась на конкретное противодействие союзников.

Кстати, о союзниках и трансформациях их замыслов можно было бы тоже говорить долго и интересно.

Так или иначе, видимо, датой окончания события можно считать достижение некоего оптимального компромисса в реализации замыслов социумов - субъектов события.

На этом мы, пожалуй, завершим разговор об историческом времени, хотя некоторых моментов будем еще неоднократно касаться. Но прежде, чем вообще закрыть тему, вспомним о личном времени. Выше мы лишь вскользь упомянули о нем, теперь же попытаемся соотнести его с временем космическим и историческим.

Но тем, кто равнодушен к богословской антропологии и космологии, советую следующий раздел пропустить.

2. 5. ВРЕМЯ И ВЕЧНОСТЬ

Мне хотелось бы ввести изучение исторического процесса в контекст космологических категорий христианства.

Уникальность Христа как события в мире и в истории в гуманитарно-культурном, этическом, социальном, наконец, эсхатологическом аспектах настолько очевидна, что даже не обсуждается (не дискутируется). Гораздо реже эта уникальность рассматривается в метафизическом смысле. Причин, вероятно, несколько, и все они субъективны. Метафизика как таковая – равно как и космология – не поле для поиска «гуманитарных» умов. Еще одной причиной, связанной с первой, является некая робость гуманитариев перед лицом бурного развития естественных наук, техники и технологии: Христос в виде формулы или, по крайней мере, жестко определенного термина представляется чуть ли не богохульством.

Однако прежде, чем перейти к конкретной теме, необходимо определиться в терминах. В данном контексте в ряде случаев я буду называть Бога просто "нечто". По сути это абсолютно верно, поскольку Бог - Тот, к кому неприменимы никакие позитивные определения, кроме превосходных степеней - Тот, кто бесконечен и безначален, неизменен и невидим, т.е. не-что. При этом - существующее нечто.

Первое и основополагающее для нас понятие – «вечность». Вот как определяет ее Ф. Шид: «Вечность Бога означает, что Он обладает целостностью Своего бытия не в последовательных актах, как мы, а в одном акте... Он бесконечная активность и одновременно всецелая неизменность». Это означает, что в вечности ничто не изменяется, она не имеет начала и конца, в нее невозможно войти и из нее нельзя выйти. Именно поэтому вечность – атрибут Бога и, вообще-то, только Бога.

Мир создан из ничего. В ничто сошло нечто, привнесшее сущность и, следовательно, существование. Именно в этом источник мистического ужаса, о котором пишет, в частности, Хайдеггер, страха Божьего. Именно поэтому поиск смысла жизни (сути, сущности жизни) – глубинная потребность человека. Человек, висящий на ниточке Божественной воли над бездной ничто, "инстинктивно", как ребенок, хватается за все, чтобы укрепить свою связь с нечто, чтобы избежать возвращения в ничто, возвращения, которое по сути страшнее смерти. Таким образом, тварный мир находится между нечто и ничто. Поскольку мир возник в результате "процедуры" изменения ничто, основная его характеристика – изменчивость (в отличие от неизменности нечто и неприменимости этого понятия к ничто). Изменчивость проявляется прежде всего в двух основных всеобщих измерениях: времени и места.

Однако это означает, что никакое действие Бога не может быть одноразовым и даже более того, дискретным. Если Бог сотворил мир, то Он творит его вечно. Тогда если Христос воплотился, умер и воскрес, то и это происходит всегда. Как подобное утверждение соотносится с историческим событием Воплощения и вообще с историческим процессом, мы поговорим позже.

Понятие вечности часто употребляется также по отношению к духовным существам и душам. Но это некорректно. Во-первых, духовные существа и души тварны, т.е. они имеют начало, во-вторых, они совершают отдельные действия, ограниченные во времени. Для временной протяженности такого рода – имеющей начало, но не имеющей конца – можно употребить понятие присносущности. Ф. Шид определяет его несколько, на мой взгляд, причудливо: «Существует специальный термин – «присносущность» – обозначающий длительность духа, сущность или субстанция которого неизменна, хотя сам дух может испытывать привходящие изменения и в этом отношении он также находится во времени, но в так называемом дискретном времени, а не в непрерывном времени материальных объектов». Если пользоваться всегда по определению ущербными аналогиями, то вечность – как Солнце, светящее вне зависимости от того, видим мы это или нет, а духовные сущности – как лампы, которые включаются время от времени, но не перестают существовать, будучи выключенными. Однако для нас важно то, что присносущность – это не вечность, и войти в нее или выйти из нее можно, хотя вопрос о соотношении присносущности и вечности особо сложен именно потому, что мы можем лишь строить о нем гипотезы, которые нам не дано проверить в ходе земной жизни.

Третий и последний термин этого ряда – «время». Время – это длительность, имеющая начало и конец, внутри которой возможны изменения и действия, как дискретные, так и непрерывные. В потоке времени пребывают материальные объекты. «Неизменности Бога соответствует Вечность; непрерывной изменчивости материи соответствует Время. Время – это длительность того, что изменяется, как вечность – это длительность того, что не изменяется». Вопрос о возможности перехода из времени в присносущность и в вечность, а также обратно по сути есть вопрос о возможности перехода материи в дух, в том числе и Божий. К этому мы еще вернемся.

Аналогично определяется триада «вездесущность – бесконечность – пространство». Вездесущность – атрибут Бога, связанный с отсутствием в Нем составных частей, с одной стороны, и тем, что Он пронизывает все бытие всех вещей, с другой. Это тоже весьма важный и интересный момент, вновь отсылающий нас к тезису о сотворении мира из ничего. «Абсолютно все вещи поддерживаются в существовании не чем иным, как непрекращающимся желанием Бога, чтобы они продолжали существовать». При этом, вероятно, следует говорить не только обо всех вещах, но обо всех их составных частях. Таким образом, если воспринимать желание Бога как силу, то Бог вездесущ в том смысле, что в любой вещи присутствует божественная составляющая. Иначе говоря, совершенно «материальных» (в рамках противопоставления «духовным») вещей не существует. Но и к этому мы еще вернемся.

Бесконечность – как и присносущность – атрибут тварных существей, имеющих начало. Интересно заметить, что если разговор о присносущности духовного воспринимается спокойно, то разговор об их ограниченности вызывает протест. Стала более, чем привычной мысль, что протяженность имеют только материальные объекты, только они могут занимать место в пространстве. И если второе верно, то первое – спорно. Эта спорность имеет право на существование в рамках разговора о форме как еще одном атрибуте материи. Именно по этому пункту современной физикой был нанесен сокрушительный удар. Выяснилось, что есть вещи, совершенно очевидно не являющиеся духовными в общепринятом смысле, но не обладающие формой. Если же форма не есть необходимый атрибут материи, то, возможно, протяженность тоже может оказаться свойственной духовности. Что, например, мешает нам представить себе ангела по аналогии с той же лампочкой, включающейся по воле Бога и имеющей свой радиус освещенности? Или же мы должны говорить о «псевдодуховных» объектах – волнах, энергиях и т.п. – или же о «квазиматериальных» объектах, обитающих в бесконечности, например, об ангелах?

Согласно "Краткому словарю философских терминов" форма налагает на вещь определенный способ бытия, является принципом ее упорядоченности, структурированности, качественной определенности, завершенности. У Аристотеля и Аквината форма организует материю вещи, дает индивидуальной вещи реальное бытие. В этом определении речь идет о взаимосвязи формы и материи. Но что тогда определяет духовные творения?

Таким образом, форма - сущность вещи. Если у духа без материи нет сущности (поскольку нет формы), то он, очевидно, не существует. Если действительность не имеет сущности - она не существует. Чтобы попытаться это понять, посмотрим, что такое материя. По Аристотелю это нечто, способное обретать форму, по Аквинату - то, что нуждается в форме, чтобы дать вещам бытие и индивидуальность, по Бергсону - "нечто протяженное в пространстве, непрерывно начинающееся заново настоящее".

Если все верно, то тварный дух для обретения сущности и существования действительно нуждается в форме, т.е. в определенности и, следовательно, в материи. Тогда можно начинать размышлять о воскрешении прославленной плоти, телесном взятии на небо Девы Марии и, наконец, о воскресении Христа. Иначе говоря, о неразрывности духовного и материального в тварном мире - как видимом, так и невидимом.

Подобный подход вызывает протест потому, что явно или имплицитно мы различаем духовное и материальное как сознательное, воспринимающее и перерабатывающее информацию, и «глухое». Сюда же относятся воля и ее свобода, самосознание и пр. Но рассматриваемые в таком аспекте, духовное и материальное никак не связаны с теми метафизическими проблемами, о которых мы говорим. Нет никаких оснований утверждать, что нечто, имеющее волю, не может иметь пространственное и временное измерения (не в качестве части духовно-материального субъекта, а само по себе). Тогда волны материальны, ангелы духовны, но это никак не отражается на их месте в пространственно-временном континууме.

Пространство как «место обитания» материи характеризуется сосуществованием «чисто материальных» объектов, имеющих несотворенную духовную (в варианте желания Бога) и материальную (занимающую место в пространстве) составляющие; а также объектов, имеющих еще и тварно-бесплотную составляющую (обладающих телом и душой), и объектов бесплотных, чья материальная составляющая не занимает места в пространстве.

Подобные утомительные попытки разграничения духовного и материального на метафизическом уровне заставляют меня отказаться от них и предложить рассматривать материю как одну из форм существования духовного. На мой взгляд, это достаточно перспективное направление размышления. Так же для упрощения заменим понятие материи на «плоть», а тварного духовного на «бесплотность», употребляя понятие «дух» только по отношению к Богу.

Тогда в вечности/вездесущности пребывает Бог, в присносущности/бесконечности – тварные объекты, не обладающие плотью, во времени/пространстве – тварные объекты, обладающие плотью. При этом Бог присутствует на двух других уровнях Своим непрекращающимся желанием как составной частью всего сотворенного, тварные бесплотные объекты присутствуют на «плотском» уровне как составная часть одушевленных существ.

Казалось бы, стало чуть понятнее. Но это только иллюзия. Возникли новые и весьма сложные вопросы:

- если в вечность нельзя войти и из нее нельзя выйти, то либо человека не ждет вечная жизнь, либо она у него и так вечная. Во втором случае становится профанацией вопрос о спасении;
- если Бог не подвержен изменениям, то Он либо вечно совершает акт творения, либо никогда его не совершал;
- если мир поддерживается в существовании вечным желанием Бога, а Бог неизменен, то мир – в том числе и плотской – вечен;
- если Иисус Христос – Бог, то Он вечен и неизменен. Тогда либо Он постоянно рождается, умирает и воскресает, либо этого никогда не происходило. Существует еще ряд «дурацких» вопросов, но пока хватит и этих.

Для первого из сформулированных недоумений путь к решению лежит через Божественный замысел (естественно, вечный) и его воплощение. Спасение – адекватное воплощение Божественного замысла, слияние тварного и нетварного. Тогда речь должна идти не столько о вечном творении, сколько о вечном и все более полном воплощении. Это же касается и материи: наиболее полное воплощение Божественного замысла о материи – дух. Именно поэтому мы ожидаем воскресения плоти, преображенной в соответствии с замыслом о себе. Поскольку бесплотное еще не есть духовное, то спасения требуют и тварные бесплотные существа.

Если вспомнить историю творения, то человек был создан как синтез двух начал – плотского и бесплотного, что изначально предопределило для него возможность осознанно существовать в двух мирах – пространства/времени и присносущности/бесконечности. Если чисто плотские тварности не могут по собственной воле стать бесплотными, а бесплотные – плотскими, то человек может актуализировать обе свои составляющие. Однако хотя в любом творении присутствует духовная составляющая, актуализировать ее значительно сложнее. Бесплотные существа и бесплотная составляющая в человеке обладают способностью сознательного выбора и осознанного стремления. Однако осознанное стремление означает наличие идеала. Только в воплощении, смерти, воскресении и вознесении Иисуса Христа были соединены все миры и слиты в едином замысле все составляющие. Как только через человека плотской мир может, преображаясь, присутствовать в мире бесплотном, а мир бесплотный – в плотском, так только через Сына Божьего человек может присутствовать в мире духовном. При этом Сын Божий воплощен и постоянно воплощается, проходя те же ступени, в каждом из нас, но в Иисусе Христе воплощение достигло своего идеала, т.е. полного соответствия замыслу. В любом человеке воплощается Сын Божий и, в соответствии с его свободным выбором, либо преображает, либо нет его плотскую и бесплотную составляющие.

Еще одно. Ничто как противоречие в определении не является абсолютным. Две пересекающиеся параллельные прямые – противоречие в двухмерном пространстве, снимаемое в пространстве трехмерном. Снятие противоречий – путь к воплощению Божественного замысла не только для человека, но и для

всего мира, включая ничто. И этот путь метафизически лежит через Иисуса Христа.

Но история имеет дело не с отдельными личностями, а с социумами. Социум сам по себе является весьма парадоксальным образованием. Состоя из пространственно определенных элементов, он сам таковым не является. Время его существования не совпадает с временем существования ее элементов. Можно было бы сказать, что его нет, если бы мы по собственному опыту не знали, что он есть. Замечу, что сравнение с ульем или косяком рыбы не корректно, поскольку социум многомерен, и человек является одновременно членом нескольких социальных групп, состав которых не пересекается. Как и человек, социум имеет плотскую и бесплотную составляющие, но бесплотная доминирует. Но если человека сотворил Бог, то социум - результат разделения и противопоставления, он возник как плод грехопадения в широком смысле - нарушения воли Бога. Вспомним хотя бы историю с Вавилонской башней. Это важный нюанс, к которому мы еще вернемся.

Но обратимся вновь к соотношению космологических категорий. Есть ли во времени что-то, чего нет в присносущности и в вечности? Да, изменчивость, а вслед за ней - конец, смерть. Как я уже писала, в идеале изменения должны вести ко все более адекватному воплощению замысла. Но это в идеале. В реальности изменения ведут к распаду. Должны ли мы предполагать, что распад и есть наиболее адекватное воплощение замысла? Видимо, да, но не всеобщий распад, а уничтожение разделений, возникших в результате отображения во времени вечного образа. Этот вечный образ - Царство Небесное. Существование реального социума основано на разделении. Преодоление этого разделения приводит к смерти соответствующего социума. В этом и состоит суть исторического процесса. Однако страх смерти, распада порождает прежде всего инстинкт самосохранения со всеми вытекающими последствиями - борьбой за выживание любой ценой.

Но ему также должно соответствовать нечто в присносущности. Все многочисленные противоречия реального исторического процесса сведены здесь в борьбу добра и зла, света и тьмы. Но в чем смысл этой борьбы? Проблеме возникновения зла посвящено такое множество богословских трудов, что даже поверхностный их обзор увел бы нас вдаль от рассматриваемой темы. В абсолютном измерении добро - это соответствие замыслу, зло - противоречие ему. Но в измерении конкретном - тварном - все несколько сложнее. Замыслу Божьему противостоят личные умыслы, лишь в некотором смысле соответствующие ему. Любое действие несет зло одному своему субъекту и добро - другому. Война планируется как причинение зла одной стороне ради блага другой. Снятие разделения вынуждает зло конкретизироваться. Именно это соответствует присносущности.

Но в вечности - в Царстве Небесном - нет уже и этого противопоставления, ибо в вечности невозможна динамика, а следовательно, и победа.

Вездесущность, бесконечность и пространство могут быть проанализированы аналогично. Смерть личности (в частности) есть прежде всего распад ее пространственного воплощения. Смерть социума - бесконечного. Но здесь речь идет не столько о преодолении разделения, сколько о преодолении отделения, ограничения.

Тогда суть исторического (в широком смысле) процесса состоит в преодолении двух атрибутов, противоположных божественным: ограниченность и составной характер.

И, следовательно, вопрос о возможности перехода "материи" в "дух" и исчезновение связанного с ней пространственно-временного мира решается однозначно: это не только возможно, но и необходимо. Вероятно, столь же необходимо исчезновение, переход присущности-бесконечного мира в вечно-вездесущий, но об этом нам сложно судить обоснованно.

Однако есть ли у всех этих размышлений прикладное значение? В методологическом аспекте - да, поскольку они позволяют по-иному осмыслить вопрос "что?", что именно происходило в некоем месте в некое время.

Это становится возможным в связи с введением в исследование исходной точки и конечного пункта земной истории. Появляется как бы эталон, с которым можно сравнивать реальные события. Правда, этот эталон имеет умоглядный характер, поскольку все сведения о Царстве Небесном получены из мистического опыта.

Я думаю, что вряд ли кто-либо будет спорить с тем, что традиционная история как наука никого и ничему не учила (я имею ввиду практическую - политическую и социальную - сторону). Предлагаемый подход придает науке моральное измерение и прогностическую функцию. Ведь в конце концов, в чем смысл изучения истории, если не в том, чтобы понять наш путь, цель, смысл происходящего. По сути именно соотнесение постоянного воплощения Замысла с историческим Воплощением и есть смысл истории.

Тогда мы имеем две триады: "Замысел - Богочеловек - человек" и "Замысел - Царство Небесное - общество". Богословие учит, что воплощение Царства Небесного на земле - это Церковь. Здесь не место для дискуссии на подобную тему, отмечу лишь, что если это так, то далеко не все согласятся пребывать в Царствии Небесном - слишком уж много пороков у его земного воплощения. Церковь объясняет такое положение тем, что она - не только святая, небесная, но и грешная, земная. Но это утверждение несколько удивляет - не помешала же Богочеловеку Его земная составляющая оставаться безгрешным... Видимо, пора вернуться к тому важному нюансу, о котором я уже упоминала - происхождение социума из грехопадения. Если Богочеловек - Сын Божий, рожденный прежде всех веков, то социум - "сын греха". И тогда если Богочеловек сошел от Отца на землю, то социум должен подняться к Нему. И в принципе этот процесс давно начался - с того исторического момента, когда на смену разделению пришло объединение. Точнее, такая тенденция существовала всегда - объединение родов

в племя, всевозможные империи, затем союзы, блоки... Параллельно, но в том же направлении идет размывание различных социальных категорий.

3. СУЩЕСТВУЮТ ЛИ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ

3. 1. "ПОСЛЕ РАДОСТЕЙ НЕПРИЯТНОСТИ..."

В предыдущей главе мы говорили о том, есть ли цель у исторического процесса, и я старалась показать, что есть, что история человечества - это не бесконечное и бессмысленное кружение бесчисленных судеб. Но если я права, то, по-видимому, должны существовать исторические закономерности.

Осознание специфики гуманитарной науки и ее методов, как известно, относится к к. XIX - н. XX вв. В неокантианской школе формулируется тезис, что "науки о культуре" изучают индивидуальные явления, а "науки о природе" - общие законы.

М. Вебер писал: "Для естественных наук важность и ценность "законов" прямо пропорциональна степени их общезначимости; для познания исторических явлений в их конкретных условиях наиболее общие законы, в наибольшей степени лишенные содержания, имеют, как правило, наименьшую ценность... В науках о культуре познание общего никогда не бывает ценным как таковое...".

Правда, при этом он отмечает, что в области наук о культуре познание общего, образование абстрактных родовых понятий и знание правил, попытки формулировать "закономерные" связи вообще не имеют научного оправдания, но они - не цель, а средство познания. То есть на самом деле их нет, но с их помощью легче проводить исследование. Честно говоря, я бы сказала, что проще придать историческому произведению, по сути относящемуся к искусству, наукообразный вид.

Но со временем все же победила точка зрения, согласно которой исторические закономерности все же есть. И среди всех критериев определения конкретно-исторических закономерностей наибольшее внимание привлекает пространственный.

Собственно исторические законы подразделяются на три группы. Первую составляют закономерности универсального (надрегионального) действия. Их, по вполне понятным причинам, очень мало, и они очень общие. Например: производственная деятельность человечества начинается с обработки камня и кости, затем глины и бронзы, затем железа и т.д. Это действительно общая закономерность, но важна она в основном в общетеоретических разработках, когда мы говорим о человечестве в целом.

К закономерностям второй группы относятся закономерности, повторяемость которых ограничена пределами одного стадийно-формационного региона. Например, в эпоху феодализма в Европе после периода раздробленности постепенно побеждает тенденция к образованию централизованного государства. Таких закономерностей уже больше и они более конкретны. Их изучению посвящена где-то половина исторических исследований, и в частности, сюжетов из второй части данной книги. В них тоже нет места отдельной личности, да и конкретному социуму как правилу тоже.

Закономерности третьей группы - закономерности сугубо регионального действия. Им посвящена вторая половина исторических исследований и конкретных сюжетов данной книги. Особенности истории конкретной страны вызывают на сцену и людей - лидеров, создателей произведений искусства, ученых и пр.

Если закономерности первого типа оперируют понятиями на уровне социума, то они относятся скорее к области социологии, а не истории. История занимается все же скорее конкретикой - мы говорили об этом в самом начале: она отвечает на вопросы "кто", "где", "когда" и "что сделал". А если это "человечество" "на Земле" "в ходе своего развития", то это уже не история.

Пространственно-временную ограниченность исторических закономерностей отмечают многие исследователи. Однако немало и тех, кто считает не существующими закономерности второго и третьего типа и предлагает как раз ограничиться общесоциологическими законами, поскольку история вообще есть наука об уникальном. (об этом мы еще поговорим.) И максимум того, что она может сделать - конкретизировать, уточнить проявление общесоциологических законов в конкретном месте в конкретное время.

В результате такого подхода, то есть упования только на конкретизацию общесоциологических законов и отказа от поиска специфических исторических закономерностей, сфера потенциального выявления конкретно-исторических закономерностей оказывается существенно уже реальной практики, реального фактического материала исторических исследований. Есть, например, типы хозяйствования, традиционные для конкретного региона, но не свойственные цивилизации в целом. Они развиваются по своим законам. Кто будет их изучать?

Общесоциологические законы необходимо, но остается выяснить, на основании каких социологических законов должен решаться вопрос о том, кто был автором Повести временных лет - Сильвестр, Нестор или еще кто-нибудь? Как выглядел протограф Повести 1606 года? Где пролегали караванные пути? и так далее, то есть как решать традиционные, повседневные исторические задачи, особенно не ориентированные на классовую борьбу, экономику и тому подобное.

Представляется, что сфера действия общесоциологических законов глобальней, глубже, но одновременно и уже, чем сфера действия конкретно-исторических закономерностей. Уже, потому что не учитывает и не может учитывать всего исторического многообразия.

Кроме того, если конкретно-исторические закономерности есть только конкретизация общесоциологических законов для данных условий, то о какой прогностической функции исторической науки может идти речь? М. А. Розов же считает (и я в этом с ним солидарна), что "анализ прошлого позволяет нам исследовать закономерности настоящего и наметить пути развития будущего". Впрочем, об этом мы уже говорили и еще будем говорить.

Но каково же содержание этих специфических конкретно-исторических закономерностей? Представляется, что закономерности передачи от поколения к поколению унаследованной деятельности (например, традиционного землепользования), закономерности изменения деятельности в связи с изменением ее условий (например, развитие производства в связи с новыми научными открытиями), закономерности взаимовлияния и взаимообусловленности различных видов деятельности (например, стили в искусстве) и деятельности в целом и конкретных условий (например, то, о чем мы уже говорили - влияние биосферы на мировидение социума) - это и есть специфические конкретно-исторические закономерности.

Есть одна загвоздка. Если закон - это внутренняя существенная и устойчивая связь явлений, обуславливающая их упорядоченное изменение (а это стандартное его определение), то для его формулирования необходимо хотя бы определить, что понимать под явлением в историческом исследовании, иначе сложно представить себе внутреннюю существенную и устойчивую связь между чем и чем предстоит выявлять историку. Связь между Словом о полку Игореве и первой мировой войной? Между битвой на реке Калке и созданием Российской академии наук?

И здесь опять-таки наиболее рациональным мне кажется обращение к конкретным историческим исследованиям. В последнем разделе этой главы мы еще поговорим о том, что такое "элементарное историческое событие" или "исторический факт", на основании сопоставления которых только и могут выявляться исторические закономерности.

Однако в основе любого анализа фактического материала лежит некая гипотеза. Краткий обзор мнений историков, в основном отечественных, по поводу содержания понятия "конкретно-историческая закономерность" приводит к выводу, что она имплицитно представляет собой элемент некой картины мира, основным смыслом которой является передача образцов деятельности и ее продуктов от поколения к поколению, т.е. во времени, а также в пространстве. И об этом мы тоже еще поговорим в одной из следующих глав.

А сейчас сосредоточим свое внимание на проблеме, волнующей как сторонников наличия исторических закономерностей, так и его противников. Это вопрос об альтернативности в истории. К нему мы и перейдем.

3.2. "НАЛЕВО ПОЙДЕШЬ..."

Прежде всего отмечу, что я занимаю следующую позицию: случайность - это непознанная закономерность. В силу этого ни о каком абсолютно случайном повороте событий я говорить не считаю возможным.

В то же время это не означает, что я отрицаю саму возможность вариативности исторического процесса, однако понимаю ее следующим образом: исторический процесс в целом состоит из совокупности процессов более частного характера. По каким-то законам развивается все человечество, по другим - европейские страны, отдельные регионы, социальные группы, науки, виды искусства, семьи и отдельные личности.

Каждый из этих процессов закономерен в рамках самого себя и процессов более низкого уровня общности, однако по отношению к процессам более высокого уровня общности он может выступать как случайный. Ход военных действий закономерен внутри себя и определяет закономерности действий отдельных дивизий и даже бойцов, но в рамках всей войны именно такой ход событий не является единственно возможным.

Но не эта вертикальная шкала - источник альтернатив. Но сначала посмотрим на проблему в целом.

Усиление интереса к альтернативам привело к существенному размыванию этого понятия. Сегодня под альтернативой понимается все, что угодно: и реальная развилка на пути исторического процесса, и способность мышления к оценке вариантов (действительных или воображаемых), и потенциальная возможность выбора, и некая противостоящая победившей сила. И если в ряде случаев подразумевается некая ситуация в исторической реальности, то в других - чистая игра ума, обращенная как в прошлое (у историка), так и в будущее (например, у политика).

В то же время некоторые исследователи считают, что альтернативы могут быть использованные и неиспользованные (хотя во втором случае чему они альтернативы?); что они могут качественно изменяться в ходе исторического процесса (но почему тогда это одна и та же альтернатива?); что может наличествовать или отсутствовать возможность их реализации (в этом случае, видимо, речь может идти об альтернативе только как об игре ума).

Для начала приведем некоторые взгляды на исторический процесс в целом. Ю. Лисовский отмечает: "Мне представляется, что исторический процесс

движется некими спазматическими толчками, этапами развития и определяется собственной системой парадигм - условий развития.

Развитие в данном направлении продолжается до тех пор, пока не истощаются его ресурсы и не возникают новые условия, требующие новой парадигмы. Этапы развития завершаются обычно ломкой, взрывами, мутационными сдвигами.

Именно в узловых точках происходит вызревание альтернативных направлений развития. Таким образом, исторический процесс можно условно представить себе в качестве своего рода бесконечной дихотомической цепочки, где каждая точка мутации выбрасывает по меньшей мере две альтернативы, из коих одна - реально осуществившаяся, а другая - эвентуальная, но в силу тех или иных причин не реализовавшаяся. Каждая из альтернатив представляет собой синтез тех или иных, основанных на опыте прошлых концепций, национальных традиций, сложного переплетения старого и нового, формируется под влиянием идеологий и под воздействием исторических личностей".

В этом фрагменте весьма показательна тенденция к "одушевлению" абстрактных понятий, наделение их способностью действовать: исторический процесс движется, условия возникают и требуют, точка мутации выбрасывает альтернативы. Это весьма распространенный тип изложения, и в данном случае не он главное. Главное, что скрывается (не только в данном фрагменте, но и в любых текстах с аналогичным принципом изложения) за ним - теологичность восприятия исторического процесса, при котором что-то как-то происходит, кто-то что-то выбирает, кто-то кое-где у нас порой... Но об этом мы еще поговорим отдельно.

Еще одно мнение, которое высказал Ю. А. Левада: "Рассматривая альтернативы - сбывшиеся и несбывшиеся, - не стоит все же подходить к истории как к сети железных дорог с узловыми станциями, от которых расходятся predetermined маршруты.

История - поле, где возможны самые различные направления движения, более или менее вероятные. А вероятность эта в конечном счете зависит от соотношения социальных сил в тот или иной момент... Место Клио в образной системе историка заменяет поезд, движение которого можно лишь ускорить или затормозить...

Мне кажется, идея однолинейности укрепилась в умах потому, что отечественная история представлялась серией "задач", которые надо было "решать".

Мне очень близка идея, что исторический процесс сам по себе не может ни иметь цель, ни решать задачи. Это удел людей, а не безликой силы. Может ли иметь цель поезд? Или электрический ток?

Но, как вы заметили, эти мнения весьма существенно различаются, и вот в чем. Ю. Лисовский считает, что каждый "шаг" исторического процесса вызывает к жизни новую пару альтернатив, а Ю. Левада предполагает, что движение между "узловыми станциями" является периодом неодолимости хода событий. Но и тот, и другой рассматривают исторический процесс как некий монолит. А мы уж несколько раз говорили о том, что это не так.

Представляется важным, что в целом по историческому процессу сложно говорить о каких-либо периодах неодолимости исторического процесса или же его вариативности. Альтернативы присутствуют постоянно, но на разных уровнях общности процессов, являющихся составной частью исторического процесса в целом. И постоянно на каких-то уровнях наступает период неодолимости хода событий. Человек "неодолимо" летит самолетом из Москвы в Варшаву, но все равно у него есть альтернатива - поспать или почитать газету.

Причем это появление альтернатив - явление не хаотическое, а упорядоченное при помощи механизма выбора. Так, принятие решения или осуществление выбора альтернативы на некоем достаточно высоком уровне общности (быть или не быть войне) порождает вариативную ситуацию на более низком уровне (где быть, когда, какими силами). Принятие решения на этом уровне приводит к возникновению альтернатив на следующем уровне (кто возглавит, в котором часу и пр.) и так далее.

Естественно, подобное снижение уровня общности альтернативных ситуаций неизбежно приведет нас к альтернативам на уровне деятельности отдельного субъекта, отдельной личности. И здесь можно задаться вопросом о критерии историчности альтернатив. Этот вопрос может и должен решаться только в рамках вопроса о критериях исторической значимости вообще. А об этом разговор ниже.

Здесь же важно другое. В момент реализации принятого решения - на любом уровне - альтернатива исчезает. Если человек решил пойти в театр, вышел из дома и раздумал, то изначальная альтернатива (остаться дома) уже не существует. Возникает новая - вернуться или нет, но сама ситуация выбора уже иная - прошло какое-то время, человек по-другому одет, у него иное настроение. Это все - условия другого, нового выбора. В этом смысле ход событий всегда неодолим.

Что же касается зависимости вероятности от соотношения социальных сил, о которой говорил Ю. Левада, то ведь это соотношение тоже неслучайно, следовательно, не произволен и процесс реализации альтернативы.

Гораздо ближе мне позиция И. М. Клямкина: "Неприятие концепции альтернативности не означает того, что большие и малые социальные группы

лишаются исторического выбора. Более того, они, как и отдельные люди, обречены выбирать.

Выбирают же они в соответствии со своими объективно обусловленными интересами, которые сталкиваются с другими интересами, тоже объективно обусловленными. Но какой из этих интересов окажется доминирующим, системообразующим на данный момент, в данной точке истории, предсказать невозможно; соотношение исторических сил выявляется только в их деятельности, в их непосредственном соприкосновении.

В этом - драматизм истории, который, если угодно, в том и заключается, что есть выбор желаемого результата и нет альтернативности результата".

Условием возникновения альтернативной ситуации выступает пересечение двух и более закономерных процессов. Человек вполне закономерно идет на работу. Расшатавшийся кирпич вполне закономерно падает от порыва ветра ему на голову. И порыв ветра вполне закономерно возник в рамках данных метеорологических условий. Но вот то, что эти три закономерности пересекаются - уже случайность. Случайность не в том смысле, что могло произойти иначе, а в том, что просчитать, предвидеть это пересечение невозможно. А если учесть, что в реальности каждый миг в любом месте пересекаются отнюдь не три, а бесчисленное множество независимых (по крайней мере, напрямую) друг от друга закономерностей, то становится понятно, что случайность есть непознанная закономерность.

Есть и еще более усложняющие ситуацию обстоятельства. Уже упоминалось, что исторический процесс в целом состоит из совокупности более частных процессов. Эти процессы протекают с разной скоростью и обладают разными пространственно-временными особенностями. Особенно велика разница между скоростью возникновения экономической ситуации, политической динамикой и осознанием их обеих.

Как мне кажется, в этой разнице скоростей кроется, в частности, причина неудачи реформ 60-х гг. прошлого века и неизбежность периода застоя. Должна была не только возникнуть ситуация экономического кризиса, но и произойти его осознание, а осознание всегда отстает, особенно если речь идет не об отдельных личностях, но о совокупности членов общества.

И еще одно. За последний век в истории нашей страны прошла полоса выбора "не тех" альтернатив. В чем дело? На мой взгляд - в уже упомянутой выше сакрализации этой процедуры. "Явное противоречие между непрестанной борьбой за торможение прогресса и провозглашаемыми целями всестороннего развития убеждает нас в том, что борьбой этой движет глубоко бессознательная, иррациональная система верований, надежд и предпочтений". Уже цитированные мною авторы совершенно справедливо замечают: "Вместо анализа

подлинных причин наших трудностей идет активный поиск врагов. Бюрократы и гидростроители, сионисты и кооператоры, масоны и неизвестно кто еще".

Есть ли выход из создавшегося положения? По-моему, да. Он прежде всего в десакрализации понятий, в постановке реальных целей, в однозначной аргументации выбора, в создании атмосферы размеренного, планомерного, осмысленного всеми продвижения вперед. Пора стремиться не к "светлому будущему", а к гарантированному настоящему.

Ну, а что касается исторической науки, то для нее анализ альтернатив - один из рядовых, хотя пока еще слабо разработанных и распространенных методов исследования, имеющий чисто прикладной характер. Он позволяет определить не то, что могло бы быть, а почему не могло быть иначе, чем было.

3.3. ПОЧЕМУ РОССИЯ НЕ ВХОДИТ В СОСТАВ ФРАНЦИИ

В разговоре об альтернативной истории в ряде случаев забывается вопрос о дальности действия альтернатив. Если бы Наполеон завоевал Россию, это еще не значит, что мы до сих пор жили бы во Франции. Абсолютизация роли выбора альтернатив приводит к ослаблению внимания к тому обстоятельству, что они возникли в ходе пересечения закономерных процессов, которые могли быть трансформированы, приторможены, но не могли исчезнуть вообще.

И тогда разговор о "дальности" действия альтернативы снова становится разговором о том, что такое исторический процесс. Выше я уже говорила, что, во-первых, альтернатива существует только до момента реализации принятого решения, а во-вторых, исторический процесс есть на самом деле пучок разнообразных процессов.

Есть общесоциологические законы, которые описывают наиболее общие закономерности развития человечества (когда я говорю, что они есть, я не имею в виду, что мы их знаем). И даже если в некий момент исторического времени будет выбрана альтернатива, не соответствующая генеральному направлению исторического процесса, то через какой-то период - возможно, весьма длительный - будет выбрана альтернатива, возвращающая все на круги своя. Что же касается и других процессов по отношению к процессам более частным.

Поясню. Я уверена в том - и об этом мы еще будем говорить, - что основное направление истории - к формированию единого социума: человечества. Да, в мире то и дело вспыхивают конфликты, но они не могут навечно определить ход событий. Была война с Францией при Наполеоне - ну, и что? Сколько продлилось это противостояние? А с Германией?

Первое время после развала СССР казалось, что Россия - как слон среди злых мосек. Но прошло совсем немного времени и ситуация изменилась... Поэтому альтернатива войне есть всегда.

Или другой пример - правда, гипотетический. Похоже на то, что социализм - по крайней мере, в той форме, в которой мы с ним знакомы, - не входит в число необходимых ступеней исторического процесса. Но в 1917 г. мы сделали свой выбор. Прошли долгие десятилетия и Россия вернулась к нормативному ходу событий. Ее история как бы сделала петлю. Будем надеяться, это пошло нам на пользу.

Я имею в виду, что есть некий генеральный путь развития - та самая стрела исторического времени, - а вокруг него, то сближаясь, то удаляясь, а иногда даже откатываясь назад, клубятся конкретные процессы. Тогда дальность действия альтернативы - понимая под ней сохранение возможности сделать иной выбор - бесконечна, если была выбрана "не та" альтернатива, или близка к нулю, если выбор был сделан "правильно".

Почему я ставлю в кавычки такие формулировки, как "правильно", "не та альтернатива" и прочее? Очень просто: потому что мы не знаем, что правильно, а что нет. Мы можем только надеяться, что догадываемся правильно. Ведь на самом деле никто не хочет плыть против течения, где-то подсознательно все понимают, что будет так, как должно быть, и пытаются ускользнуть бессмысленно, только хуже будет.

Этот вопрос позволяет сформулировать вопрос о том, что есть альтернатива в историческом процессе, несколько по-иному: альтернативные варианты - это формы проявления одного и того же закономерного процесса. И тогда выбор альтернативы превращается в процедуру нравственную. А это уже за пределами истории как науки.

Еще одно замечание. Утверждение, что в целом исторический процесс неодолим, имеет ту ценность прогностическим амбициям исторической науки. Если на анализе опыта прошлого нам удастся приблизиться к пониманию законов нашего существования, появится шанс избежать ошибочных выборов.

Поэтому когда что-либо в истории кажется нам случайным, вспомним: случайность - это непознанная закономерность.

3. 4. "ЭТО БЕРЕМ, ЭТО НЕ БЕРЕМ"

Возвращаясь к разговору об исторических закономерностях, обратимся теперь к вопросу о том, что же надо сопоставлять, чтобы выявить закономерность. Сопоставлять надо элементарные научные события.

Элементарное научное событие определяется как минимальный фрагмент объективной реальности, сохраняющий все существенные черты и свойства, изучаемые данной наукой. Таким образом, в элементарном научном событии совмещаются онтологическое и гносеологическое начала: с одной стороны,

данный фрагмент обладает реальным существованием, а с другой стороны, он рассматривается в строго определенном аспекте, акцентирующим внимание на одних его характеристиках и отбрасывающим другие. Битва на реке Калке произошла в реальности, но когда мы рассматриваем ее как научное событие, мы должны отвлечься не только от того, какая рыба в этот момент плавала в реке, но и от того, о чем думал конкретный воин, хотя и то, и другое присутствовало в реальности.

Естественно, что аналогичное элементарное научное событие должно быть в обществоведении в целом и в исторической науке в частности. И действительно, такие словосочетания, как "историческое событие", "социальное событие" встречаются в литературе, однако, как правило, не определяются.

Исключением является следующее высказывание: "исторические события - это прежде всего уникальные действия, происходящие в определенном месте, в определенное время и при определенных обстоятельствах". Но и это определение не слишком функционально. Мало ли что происходило в определенном месте в определенное время и при определенных обстоятельствах... И далеко не все, что происходило, стало историческим событием. Критерий же уникальности вообще очень расплывчат. Любой человек уникален, но не любой - объект исторического исследования.

В то же время необходимость выявления элементарного исторического события явно назрела. Если учесть, что большинству имеющихся определений истории свойственна модификация следующей формулировки: "история - это наука о прошлом, изучающая объективные закономерности человеческой деятельности", то понятно, что без такого "атома" исследования историку просто не обойтись.

Что же должно представлять собой "элементарное историческое событие"? Единой точки зрения на это пока не выработано. Более того, употребление словосочетания "историческое событие" носит, как правило, характер обыденного - сейчас чуть реже, а раньше радио, телевидение и другие СМИ то и дело сообщали об очередном историческом событии. Правда, наука тут была ни при чем, даже на элементарном уровне.

И тем не менее в исторической науке давно и активно идет дискуссия по сути именно об элементарном историческом событии, а по форме - об историческом факте.

Дискуссия по поводу исторического факта уходит корнями еще в к. XIX в., когда историческим фактом считалось документированное событие, выступающее как объективный и единственный источник исторических знаний, неделимый, обособленный от других фактов, неизменный по содержанию. Пример - описание в летописях крещения Руси.

В н. XX в. исторический факт стал отождествляться с фактом культуры, а затем произошло разделение фактов действительности и фактов науки.

На сей день можно выделить три основные трактовки исторического факта: 1 - как объективного события, явления прошлого; 2 - как следов прошлого, образов, запечатленных в исторических документах; 3 - как гносеологической категории, то есть некой чисто исследовательской конструкции. Первая не имеет отношения к науке, вторая - имеет, но к конкретной ее области - источниковедению, а вот о третьей надо поговорить отдельно.

Знаменательно, что исследователями очень редко фиксируется внимание на критериях выявления исторического факта. Упоминается лишь его хронологическая завершенность. Но что такое "хронологическая завершенность"?

Введение такого критерия предполагает взгляд на исторический процесс как дискретный ряд исторических фактов, взаимосвязанных, правда, и взаимообусловленных, но тем не менее жестко отграниченных друг от друга. Уточним, что полной и абсолютной хронологической завершенности некоего явления или процесса во всех его проявлениях в реальности быть не может, события плавно перетекают одно в другое.

Если же понимать такую завершенность как категорию познания, науки, то тем более необходимо ее определение. Но именно его мне не удалось найти ни в одной работе. Вспомнив, что история вообще рассматривает все события только как абсолютно или относительно завершенные, надо признаться, что конец события - категория из числа сущностных. Но о ней мы уже говорили в предыдущей главе.

Однако, сколь бы не расходились мнения историков по другим вопросам, в одном они почти единодушны: исторический факт - результат действия человека или группы людей.

Имеющаяся путаница в терминах связана с неразличимостью исторического как элемента реального процесса и исторического как элемента построения науки. Исторический факт отличается от исторического события своей включенностью в науку, а от элементарного исторического события - связью с реальностью.

Постараюсь пояснить на примере. Историческое событие - пожар на Останкинской телебашне - станет историческим фактом только тогда, когда будет включено в ткань исторического исследования, станет объектом изучения. А когда этот исторический факт будет очищен от не-исторических составляющих, он превратится в элементарное историческое событие.

Что касается требования сохранения в элементарном историческом событии существенных свойств, изучаемых историей, то оно присутствует чаще

всего чисто прагматически: исторический факт и есть именно историческое событие.

Однако при этом остается открытым вопрос о том, почему же все-таки данное понимание элементарного исторического события не становится общепринятым. Как кажется, причины этого кроются в устоявшейся традиции определения исторических фактов как уникальных. К рассмотрению правомерности такого определения мы и перейдем.

Традиция фиксировать внимание на уникальности исторических событий и, более того, только уникальные события считать историческими, идет из глубины веков. Н. И. Кузнецова отмечает, что "Геродот дал образец записи в социальную память неповторимого события гражданской жизни". Если учесть, что Геродот - отец истории, то можно сказать, что история с пеленок связана с понятием неповторимости. Правда, понятия неповторимости и уникальности существенно различаются, однако часто происходит осознанная или имплицитная подмена первого вторым. Историческое событие действительно абсолютно неповторимо, в том смысле, что его нельзя повторить. Но совсем не факт, что оно уникально, в том смысле, что нигде и никогда не происходило ничего подобного.

А может ли вообще быть осуществлено историческое исследование, если его элементарные события уникальны? По всей вероятности, нет. Во всяком случае, все методики исторического исследования построены на сопоставимости и сопоставлении исторических событий.

Авторство уникальной Повести временных лет устанавливается либо на основании сопоставления ее с Житием Феодосия, написанного Нестором, либо на сходстве идейных позиций автора Повести временных лет и первого киевского митрополита Илариона. Вопрос о подлинности уникального Слова о полку Игореве решается, в частности, на базе его сравнения с летописями, сохранившими аналогичные обороты и даже сходные ошибки переписчиков. И уж совершенно обычным делом является анализ влияния рассматриваемого исторического события на все последующие.

В. Ю. Вернадский пишет: "историк не может выдвинуть вперед изучение фактов или идей, по существу более важных, широких или глубоких даже в тех случаях, когда он может уловить их значение, если только эти факты не оказали еще соответствующего влияния на развитие научной мысли. Он должен явиться строгим наблюдателем происходивших процессов, он должен останавливаться только на тех явлениях, которые уже отразились определенным, явно выразившимся образом, влияние которых может быть прослежено во времени".

Речь здесь идет об истории науки, но высказывание может быть распространено и на всю историческую науку. Имплицитно требование, чтобы историческое событие служило образцом для последующей деятельности,

присутствует в дискуссии о значимости исторического факта. Но об этом - в следующих главах.

Таким образом, в размышлениях историков представляется исторический процесс в следующем виде: происходит некое уникальное историческое событие, которое становится образцом для ряда последующих событий, историка уже не интересующих. Затем происходит новое уникальное событие и так далее.

Как я пыталась вкратце показать, такая ситуация отсутствует в конкретных исторических исследованиях, целиком построенных на сравнении и сопоставимости событий. Однако заметно и то, что упор в них делается все-таки на функционировании данного события как образца для последующих, но не как воспроизведение образца событий предшествующих.

Как кажется, причины этого хорошо указал В. И. Вернадский, который дал объяснение появлению "уникальных" открытий в науке: "эти открытия делались в среде, далекой и чуждой обычным организациям ученой или общественной работы. Они делались людьми, находившимися вне общества того времени, вне круга тех людей, которые, казалось, строили историю человечества, создавали его мысль. Они делались простыми рабочими, ремесленниками, почти всегда не получавшими обычного в то время образования... делались людьми - изгоями общества, выбитыми из колеи...

На смену погибавшему мировоззрению шло новое и несли его люди, имевшие свои корни в незаметно выросших, наряду с тогдашними научными организациями, формах".

И опять-таки это наблюдение можно распространить на всю историческую науку.

Следовательно, даже в тех случаях, когда некое явление представляется нам не имеющим корней, не имеющим предшественников, это означает всего лишь, что мы их не знаем.

4. ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ

4.1. ПОМНИШЬ ЛИ ТЫ..?

Летописи, хроники, истории... С какой целью в них было описано то или иное событие? Этот вопрос занимает особое место и имеет важное значение для методологии исторической науки. И не случайно. Свидетельства древних авторов являются историческими источниками, на основании которых современные историки строят свои концепции.

В то же время хорошо известно, что любое описание, в том числе и описание исторических событий, в большей или меньшей степени субъективно, причем эта субъективность во многом определяется целями создания описания и проявляется в принципе отбора фактов для фиксации. История же как наука

стремится к выявлению объективной реальности, к изучению тех событий, которые действительно имели место в прошлом. Путь достижения этой цели - выявление в историческом источнике истины - лежит через преодоление его субъективности, а оно возможно лишь при условии знания целей создания тех или иных описаний.

Если для периода с середины II тыс. н.э. до настоящего времени эта задача, как правило, может быть решена на основании сопоставления различных исторических источников, то чем дальше вглубь веков, тем меньше у нас данных и тем сложнее, следовательно, ее решение. На помощь историку приходят косвенные доказательства, логические умозаключения, различные ассоциации и т.п.

Я хочу предложить еще один подход к реконструкции целей и принципов описания исторических источников через анализ истории в рамках личности, т.е. на уровне обыденного сознания. Возможно ли это?

С этой точки зрения можно построить такую цепочку: история - генеалогия (история в рамках рода) - биография (история в рамках личности). Правомерность этого сравнения, вероятно, очевидна, а значит есть возможность изучения общих черт исторического на любом из уровней обобщения.

Но несмотря на очевидность, приведем некоторые аргументы. И история, и генеалогия, и биография отвечают на одинаковые вопросы - те самые, о которых мы говорили во введении: кто, где, когда и что делал. И история, и генеалогия, и биография ориентированы на особо значимые, исторические события. А также на поиск причинно-следственных связей между последними.

Даже комплексы источников получения информации у них схожи, с одним весьма любопытным различием: если в истории вещественные источники, максимально значимые, более того, единственные дошедшие до нас на начальных этапах развития человечества, со временем теряют свою значимость, то в генеалогии и биографии они сохраняют важность. С этим знакомо большинство из нас: почти в любом доме хранятся милые мелочи - свидетельства значимых для домочадцев событий.

Если это так, то вопросы о целях создания и принципах отбора фактов для фиксации исторического описания также могут решаться на любом из уровней вплоть до обыденного. Преимущество здесь в том, что мы можем с помощью рефлексии, размышлений над причинами и целями собственных действий попробовать выявить самые общие закономерности.

Правда, мы неизбежно останемся субъективны, но субъективны были и создатели большинства исторических источников. Однако и субъективность подчиняется некоторым закономерностям.

Теперь необходимо определить метод решения поставленной задачи. Основываясь на предположении, что во всех этих случаях мы имеем дело со следованием одному и тому же (в целом) образцу, выберем на любом из уровней обобщения тип источника, в котором наиболее ярко прослеживаются цели создания описания, выявим последние, а затем проверим результаты проведенной реконструкции на источниках более высокого уровня обобщения.

Если они найдут себе подтверждение или хотя бы не вступят в противоречие с результатами анализа других источников, будем считать выявленные цели и принципы имеющими право на существование.

Использование в этих целях результатов самоанализа несколько хлопотно - каждый может сам заняться этим на досуге. Надо поискать некие варианты объективизации: произведения художественной литературы.

4.2. СВОЙ СРЕДИ СВОИХ

Итак, какова могла быть изначальная цель создания исторического описания? Если учесть, что время появления исторических описаний близко (в историческом масштабе) ко времени возникновения письменности, а также широкое распространение исторической тематики в фольклорных произведениях, следует предположить, что историческое сознание зародилась на очень ранних стадиях развития человеческого общества.

Значит, в этом была потребность. Какая? Так сразу и не ответишь. Попробую предложить свою гипотезу.

Известно, что человек начинает воспринимать свое "я" через сопоставление его с неким "ты". Для развития личности нужна другая личность. Почему бы не предположить, что аналогичная ситуация складывается с социумом? Что люди начинают понимать себя как единое сообщество через сопоставление с другой группой людей? Правда, тут есть нюанс. Сопоставления могут носить разный характер. Можно воспринимать "ты" как второе "я", как "иного" и как "чужого". Вариант второго "я" не продуктивен, поскольку в этом случае "ты" не активизирует самопознание. Вариант "иного" нейтрален, так как тоже позволяет отвернуться, но позволяет и заинтересоваться, соотнести с "я". Но интерес к нейтральному "иному" - не для того, кто вынужден бороться за выживание. Мне кажется, что актуализация варианта "чужого" была неизбежна на ранних этапах.

Противопоставление "свои - чужие" известно на всем протяжении существования исторических описаний. Но при этом совершенно менялся смысл, вкладываемый в понятие "чужой". По письменным источникам нам известны противопоставления этнические (древляне - вятичи), культурные (греки - варвары), религиозные (мусульмане - неверные), расовые (европеиды - низшие расы) и т. д. Знаем мы также сословно-классовые и социально-политические

противопоставления. Уже одна только живучесть этой характеристики в истории способна утвердить нас во мнении, что мы на правильном пути и что цели описания могли основываться на противопоставлении "свои - чужие".

Итак, кажется, такое предположение о возможности решать вопрос о целях создания и принципах фиксации исторического описания имеет право на существование. Но, может быть, это вообще универсальное положение не только для исторического, но и для любого другого описания, а также для обыденных ситуаций? Может быть, здравый смысл играет здесь определяющую роль? Продолжим рассмотрением художественной литературы в этом аспекте.

Рассказ Э. Ф. Рассела "Пробный камень" предлагает такую ситуацию: на некую планету, населенную разумными существами, прилетают земляне. Местные жители встречают их настороженно. Выясняется, что задолго до этого времени на планете уже побывал корабль с Земли, космонавт которого подружился с местным населением, остался на планете и перед смертью оставил завет - не допускать на планету людей, которые увидев определенную вещь, скажут определенную, непонятную аборигенам фразу. Успешно выдержав испытание, земляне вступают в контакт с аборигенами и узнают, что они не имели права сказать при виде фотографии космонавта: "Проклятый ниггер". Таким образом, отличие их от общества, которого опасался космонавт, реализовывалось через незнание прилетевшими определенной социальной ситуации, которая выступала в данном случае в качестве пароля.

Но примеры из литературы могут быть отчасти и некорректными, т. к. фиксируемые в них факты подчинены вполне осознаваемой художественной задаче. Обратимся к бытовым ситуациям.

С кем из нас не случалось - приходит незнакомый человек и говорит: "Здравствуйте, я - племянник дяди Семена, который женат на тете Маше, ну, помните, той, у которой кошек вечно полный дом?" И мы, вспоминая, радуемся (или огорчаемся) и причисляем неизвестного, в общем-то, человека к "своим". Аргументом при этом служит знание им истории нашей семьи или ее окружения.

Теперь попробуем суммировать результаты сделанных наблюдений. Итак, я предполагала, что изначальная цель создания исторического описания - дать основу для различения, опознавания принадлежности носителя к данному социальному организму. Иначе говоря, историческое описание дается всегда в рамках определенного общества, которое соотносится с другими.

В этом проявляется единство двух противоположных функций исторического сознания - соединение более мелких социальных организмов в более крупное и сопоставление последнего с другими соединениями. Конкретное историческое описание в разной степени определяется каждой из этих функций, но наличествуют в нем все равно обе. При этом функция различения проявляется

уже в выделении некоего социального организма в качестве объекта описания из окружающей среды ("История Франции", например), а функция соединения - в анализе этого организма как единого целого.

Однако пора поставить вопрос о конкретной значимости результатов подобных наблюдений. Я считаю, что последние позволяют обратиться к изучению ранних форм и уточнению времени возникновения исторического. Для этого обратимся к обряду инициации.

Во время тайного исполнения обрядов инициации юношам, вступающим в разряд взрослых, поведывалась, в частности, история их общества (как правило, мифологическая). Знание ее служило чем-то вроде пароля, аргумента в доказательстве своей принадлежности к данному сообществу. В этой тайной передаче исторических сведений - ключ к ответу на вопрос: на каком этапе развития человеческого общества возникло историческое описание (первично устное)?

Тайная передача сведений заставляет нас думать, что общество должно было быть уже слишком велико, чтобы все его члены знали друг друга в лицо (то есть требовалось как-то узнавать своих), а также что границы его все же были достаточно узки, так как допускали проникновение неопознанного чужого. Сам же выбор "пароля" свидетельствует о том, что чужие были людьми того же облика и той же культуры, то есть не явно отличающиеся от представителей данного общества. Все это заставляет предположить, что речь идет о времени формирования племенных союзов.

Обратимся теперь к современным историческим исследованиям. Одним из аргументов в пользу утверждения, что автором Повести временных лет является Нестор, служит знание им истории Киево-Печерского монастыря. По аналогичному принципу определяется принадлежность автора к некоему месту, сословию, кругу и так далее. Что это, как не скрытое признание того, что исторические описания несут функцию опознавания и что нормативные системы играют важную роль в ее выявлении?

Мы еще будем говорить о том, как влияет эта функция на принцип отбора фактов для фиксации их в исторических произведениях. Но есть еще один аспект.

Если сделанное предположение верно, и историческое сознание действительно возникло на самых ранних этапах развития социума, то есть в то время, когда доминировало мифологическое сознание, то в истории должны сохраниться следы этой мифологизации. Вот к этой теме мы сейчас и перейдем.

4. 3. ВЕЛИКАЯ БОГИНЯ КЛИО

Я уже упоминала о том, что еще в древней Греции одна из муз, богиня Клио, покровительствовала истории. Упоминала и о том, что мифологические корни этой науки существенно повлияли на многие ее черты - настолько существенно, что они ощутимы и по сей день.

Все в мире имеет начало - такое утверждение можно считать аксиомой древности. Любой народ, любая семья и даже любой человек имеет некий миф о собственном происхождении, в той или иной степени правдоподобный. В рамках истории это миф о сотворении человека. Мысль о естественном происхождении людей, особенно от животных, широкого распространения не получила, возможно, в силу ее некоторой унижительность. Как говорила моя бабушка: "Вы как хотите, а лично я - не от обезьяны".

Не спасали положение и гипотезы о внеземном происхождении человека - типа "опыления" Земли из космоса- или даже экспериментальном - это когда некие инопланетяне создали человечество в порядке эксперимента. И в том, и в другом случае основной вопрос не решается, а во втором случае речь идет о разновидности сотворения.

Сакрализация начала человеческой истории должна была породить и сакрализацию ее конца. Но это уже более поздний этап, когда возросла скорость исторического времени, то есть стали чаще и заметнее происходящие в социуме изменения. Идея конца может не появиться в ситуации, когда ситуация в обществе долгое время остается стабильной, почти неизменной.

Конец истории возможен в двух вариантах - гибели социума и его перехода либо в некий иной мир, либо в какое-то другое состояние. Здесь важный нюанс - неизбежность наступления конца. Любопытно, что уверенность в неизбежности гибели очень отрицательно сказалась бы на психологической атмосфере сообщества - у него бы "опустились руки". Но столь же вредна уверенность в "благополучном исходе" - она бы "развязала руки", и неизвестно, чем бы это закончилось и для человека, и для окружающего мира. Значит, "тот, кто сотворил, может и уничтожить" - психологически оптимальное убеждение.

Раз был акт творения, значит, есть и Творец - это понятно. Но для истории более важно, что не только Творец, но и Правитель, который не ограничился созданием мира, а продолжает пристально следить за своим творением. Однако это взгляд верующего. Как ни странно, взгляд атеиста отличается незначительно: просто вместо персонифицированного Бога, Бога - личности, у него миром правит неодолимая историческая закономерность или жесткая причинно-следственная связь. Как и в случае со смертью, атеисту хуже, чем верующему: Бога - личность можно упросить, умилоустивить, а вот с закономерностью не договоришься.

Но идея неумолимой закономерности тоже значительно моложе исторического сознания. Впрочем, не это главное. Важнее то, что в любом случае есть кто-то или что-то, держащее в руках нити судьбы человечества.

У любого мало-мальски приличного бога есть на земле свои представители - жрецы, или священники. Они лучше всех знают, что угодно божеству, и действуют от его имени. Есть они и у Клио: это правители, вожди, цари. Интересно, что их связь с миром божественного понималась часто даже на физиологическом уровне: их здоровье было залогом здоровья и благополучия народа. В древней Руси полноправным князем мог стать только тот, кто родил сына. Но об этом мы в деталях поговорим в одной из следующих глав. Конечно, такому положению вроде бы противоречат случаи цареубийства, если под "царем" понимать все разновидности единоличной власти. Но противоречие не будет выглядеть столь уж вызывающим, если вспомнить, что и самих богов время от времени наказывали.

Но со временем у богини Клио появилась новая ипостась - историческая закономерность. Это не менее удобный объект для сакрализации: ее не так уж легко понять, еще сложнее угадать, как следует действовать, чтобы вписаться в нее. Псевдорациональный подход требовал от всех каких-то ритуальных действий. Я называю их так потому, что смысл их ускользал от участников. Тогда же произошла сакрализация некоторых понятий.

Что я имею в виду? "Общественное благо", "справедливость" - это понятно. Но есть нечто мифологическое и в более научных понятиях - "феодализм", "национальность", "народ" (впрочем, об этом мы уже говорили), "цивилизация". Возникает уже целая иерархия субъектов истории, весьма сложно опознаваемых в реальности.

Вопрос о "представителе" богини Клио сущностно изменяется, когда власть становится коллективной, а тем более выборной. Тут уже сложно говорить о знании божественного предопределения: к власти приходят обычные люди, известные по своей "до-властной" жизни. Да и смешно звучит - "парламент - наместник Бога на земле" или, еще лучше, "ЦК КПСС".

Выход - в изменении акцента. Бог действует при помощи земных властей, которые могут и не знать Его замысла. Помните ведь - "Власть - от Бога". (Когда у одного священника, арестованного на заре советской власти, спросили, как это высказывание соотносится с его отношением к последней, он ответил: "Советская власть тоже от Бога, но за грехи").

Правда, это никогда не мешало бороться с властью, если она вела себя слишком уж не по-божески. Впрочем, сакрализацию власти не стоит напрямую связывать с какой-либо религией: она, как правило, стремится прикрыться авторитетом доминирующего вероисповедания. И это уже дело чести и совести, если хотите, последнего, будет ли оно ее прикрывать.

Интересно, что несмотря на то, что люди участвуют в выборах, критикуют правительство, само понятие власти мифологизируется, становится обозначением некой безличной силы. Впрочем, об этом мы уже говорили.

Ссылки, сделанные на современность, не случайны. История и по сей день остается чем-то потусторонним, непонятным, неуправляемым. Причем не только в восприятии реальности, но и в исследованиях историков. В наш сущностно безбожный век это удивительно. Когда Церковь отделена от государства, а президент получает благословение у патриарха, когда по телевидению можно увидеть молящегося лидера коммунистической партии, кандидата на пост президента, когда все ругают Думу, которую сами же и избрали, это свидетельствует о глубинном стереотипе (а также и нежелании нести ответственность). Кстати, не те ли же самые корни у убежденности, что любая кухарка может управлять государством: не все ли равно, кто будет пешкой в руках всемогущего Закона истории?.. И не отсюда ли повальная политическая и экономическая безграмотность среди власть предержащих?

В советское время самым распространенным ритуальным действием была борьба. Борьба "с" и "за": с внешними и внутренними врагами, с безграмотностью, с беспризорностью; битва за урожай, драка у пивного ларька... Это очень удобное ритуальное действие - борьба застит разум и активизирует стадный инстинкт. По-моему, многие наши беды происходят именно от этого - от непрерывной борьбы за смутно понимаемые ценности.

Жрецы - правители нашего времени по большей части даже не нуждаются в аргументации своей "божественной" сути: Ленин, Сталин, Мао... Даже теперь мы то и дело поминаем некую харизму - Ельцина, Путина, Жириновского. Причем скинувшие с себя по большей части цензурный гнет средства массовой информации позволяют воочию наблюдать процесс мифотворчества. Я не знаю, насколько много пил Ельцин, но согласитесь, только у русского народа, очевидно гордящегося своей склонностью к алкоголизму (вспомним хотя бы серию кинофильмов о том, в чем наши национальные особенности), президентом мог стать человек, способный падать с букетом с моста.

Но один "пережиток прошлого" мы успешно преодолели: представление о зависимости здоровья народа от здоровья вождя. Хотя, как знать, может, и зря (последнее время, похоже, мы к нему возвращаемся: теннис, борьба...). В этом смысле было забавно слышать, как люди - россияне - реагировали на скандал с Моникой Левински: "Вот юмористы эти американцы, чем они недовольны? Да если б наш мог с кем-то там в Кремле .., мы бы гордились!"

Та же советская власть породила и версию цели Исторического процесса - коммунизм, этакую разновидность Царства Божьего на земле. И это тоже очень удобный вариант: цель вынесена за пределы жизни данного поколения,

ориентиры на пути к ней весьма туманны, и, как верно было отмечено в русском анекдоте, "в дороге кормить никто не обещал". Правда, что будет после того, как мы доберемся до цели, не оговаривалось, но в пылу борьбы об этом никто не задумывался. Как там? "До основанья, а затем..."

Это на сей день мы вроде бы преодолели. Но оказалось, что и без цели плохо. Время от времени предпринимаются попытки найти очередную русскую идею, наметить какие-то перспективы. Наверное, так и надо, важно лишь, чтобы цели и перспективы были реальными и понятными.

Но "десакрализация" истории вновь - и с новой остротой - ставит вопрос о смысле последней. И опять-таки - в который раз! - христианину проще: он знает, кто правит миром, что нужно делать, как нужно жить и чем дело кончится.

4. 4. ЦАРСТВО ТЕНЕЙ

Сакрализации истории очень способствовало то, что объекты ее изучения не существуют - уже - в реальности. Нам остается только верить источникам, доверять источниковедам... Тень Клио неотступно следует за историком по пятам.

Среди студентов - историков ходит страшная байка. Как известно, летописные списки - свитки - хранятся намотанными на палки, и "пролистать" их с начала до конца сразу невозможно. И разворачивать их нужно с величайшей осторожностью, медленно и сразу же реставрируя. В архивах есть до сих пор еще не развернутые свитки, до которых не дошли руки.

И вот над одним из них трудился молодой аспирант. Летопись оказалась потрясающей: в ней сообщались уникальные факты, совершенно неизвестные подробности. Исследователь защитил дипломную работу, потом - по новой развернутой порции - кандидатскую диссертацию, через несколько лет - докторскую, по ней же. И вот список наконец полностью развернут. И в последней строчке приписка настоятеля того монастыря, где создавалась летопись: "Сему не верить, се поклеп"!..

И всем, наверное, попадались на глаза заметки и статьи о том, что Жанну д'Арк не сожгли на костре, Наполеону удалось бежать с острова Святой Елены, а Александр Первый тайно отрекся от престола, уехал в Сибирь и жил там под именем старца Феодора Томского. И с судьбой царской семьи не все однозначно, и Чапаева, говорят, лет двадцать назад обнаружили живым... Тут поневоле почувствуешь собственную исследовательскую беспомощность.

Но это касается, в основном, историка - фаталиста, почитателя Клио. Историк, склонный к гиперболизации роли человеческого фактора, может впасть в другую крайность: примерить на человека мантию Творца. Это уже не сакрализация истории, а ее субъективизация. Но мы знаем, насколько сложно анализировать поведение даже одного человека, не говоря уж о миллионах.

Таким образом, историческое исследование возможно только при некоторых условиях. И прежде всего при наличии убежденности в том, что история изучает объективную реальность, что исторические события происходили. Да, может быть, и Наполеон, и Александр Первый, и Чапаев выжили - как частные лица. Но как исторические персонажи, как люди, влияющие на ход событий, они кончились.

В этом смысле сходную позицию занимают христианские богословы. Как известно, в Библию входят так называемые канонические тексты. И если даже завтра будет обнаружено, например, какое-то новое послание апостола Павла, и более того, будет однозначно доказана его подлинность, оно все равно не войдет в состав канонических текстов, поскольку не оказало влияние на развитие христианства.

Есть еще одно условие. Необходима убежденность в том, что исторический процесс в том или ином смысле закономерен. Если же он абсолютно случаен и хаотичен, то его не только невозможно, но и не имеет смысла изучать. Мы уже говорили несколько раз о прогностической функции истории. Ее стоит изучать, чтобы лучше понять настоящее и суметь предугадать что-то в будущем. В противном случае история превращается в сборник анекдотов - этот жанр имеет право на существование и в свое время был весьма распространен, но к науке он не имеет никакого отношения.

Необходима и убежденность в том, что история познаваема. Ее познаваемость базируется на двух предыдущих пунктах: на признании историческими только тех явлений и процессов, которые оказали влияние на будущее, и на убежденности в закономерности истории. Что-то может отслеживаться по последствиям, что-то может вычисляться по закономерностям.

Приведу сравнительно злободневный пример. На одной из первых конференций после провозглашения гласности и лавинообразного потока публикаций по эпохе сталинизма, один из выступающих сказал, что наконец-то мы узнали так много нового, о чем мы и не подозревали. Я не знаю этого человека лично и не могу судить о степени его искренности, но все мои коллеги конечно же все знали и понимали - пусть не в деталях, но общий ход событий не был тайной, несмотря на закрытые архивы и глобальные искажения в источниках. Другое дело, что открыто публиковать объективные работы возможности не было...

Да, чего-то мы, скорее всего, никогда не узнаем, в чем-то никогда не будем до конца уверены, что-то все равно не сможем предвидеть. Но - если неисчерпаем (в познавательном смысле) атом, почему мы считаем, что должна быть исчерпаема человеческая история?

К тому же историческая методология и методика не стоят на месте. В одной из следующих глав я покажу, как развивались методы исследования Повести временных лет.

Есть определенные перспективы и у применения в исторической науке статистико-математических методов, методов моделирования и распознавания образов. Это касается, конечно, прежде всего массовых однородных источников - например, анкет социологического обследования, кремневых орудий, личных объявлений в прессе и тому подобное. Но и уникальные источники имеют какие-нибудь повторяющиеся черты - например, возможен частотный анализ букв или длины слов и предложений. Так что если сегодня мы бессильны нечто узнать, это не означает, что мы останемся бессильны и завтра.

Еще Платон дал замечательный образ исторического исследования: помните его аналогию с пещерой? Это когда люди сидят в темной пещере и только по теням на ее стенах могут догадываться о том, что происходит снаружи. Тени отличаются от своих хозяев и размерностью, и размером, и цветовой гаммой. Искажает их также поверхность, на которую они падают. Да и люди, рассматривающие тени, не всегда правильно опознают увиденное.

Здесь представлены три вида проблем исторического исследования: искажения, привнесенные самим создателем источника, искажения, связанные с материальным носителем источника, и искажения, связанные с видением историка.

Искажения первого типа изучает источниковедение. И они делятся на несколько видов: определяемые имеющейся у создателя источника информацией, целями создания источника, сознательным искажением информации, мировоззрением создателя источника. Классический пример - ошибка Колумба, опознавшего Америку как Индию просто потому, что ничего не знал об Америке и стремился достичь именно Индии. М. Блок, говорил, что историк играет роль следователя, пытающегося по показаниям свидетеля восстановить картину преступления.

Искажения второго типа изучают вспомогательные исторические дисциплины. По материалу источники могут быть каменные (например, топоры, постройки), костяные (иглы, украшения), деревянные (постройки, мостовые), металлические (орудия, оружие), глиняные (керамика, скульптура), стеклянные (украшения), берестяные (грамоты), бумажные и прочее.

Понятно, что на камне высекать летопись сложно. Не менее сложно построить бумажное жилище. Есть очень наглядный пример: один и тот же стиль в искусстве совершенно по-разному отразится в различных материалах, хотя общие черты безусловно будут.

Третий тип искажений изучает историография - история исторической науки. А виды искажений совпадают с искажениями первого типа. Здесь также важны и информированность, и идеологическая ориентация, и личные способности историка. Поэтому весьма любопытно - с точки зрения методологии - было бы корректировать источниковедческие исследования с помощью историографических наблюдений.

На заре перестройки и гласности, когда были открыты многие архивные материалы, в одном историческом институте прошло заседание Ученого совета. Все с энтузиазмом обсуждали, что теперь наконец можно говорить и писать правду - до тех пор, пока один весьма опытный ученый не спросил: "А кто-нибудь звонил сегодня в отдел по науке (имелось ввиду ЦК КПСС)?" Когда его спросили, зачем, он пожал плечами: "Узнать, что у нас теперь правда"...

Но есть еще один весьма важный тип искажений - связанный с используемой знаковой системой. Выше мы уже говорили о системах счета времени. Общеизвестна такая знаковая система как язык. Но и ритуал - это тоже знаковая система, и искусство. При этом каждая система имеет свои ограничения, свой "словарный запас", свою "грамматику". Поиск принципов "дешифровки" этих знаковых систем - задача сложная и безмерно интересная.

В споре о том, наука история или искусство, безусловно одно: историческое исследование - процесс творческий. Историк творит историю, причем иногда в самом прямом смысле слова. Он может актуализировать некие события и процессы прошлого, рассказать о них своим современникам так ярко и талантливо, что они повлияют на реальную ситуацию.

Вспомним такой безобидный пример как Нефертити: вот уж, казалось бы, совсем не историческая по значимости личность, вряд ли существенно повлиявшая на ход событий в свое время. Но растиражированный ее портрет плюс талантливые исторические романы сделали ее звездой на небосклоне двадцатого века.

Итак, историк - ловец теней. Последуем же за ним.

5. СЛЕДЫ НА НЕДОМЫХ ДОРОЖКАХ

5. 1. СЛОЕННЫЕ ПИРОГИ И ЛЕПЕШКИ

Археологически источники - отдохновение для души историка, измученного необходимостью преодолевать субъективность письменных данных. Археологические источники, во-первых, точно существуют, а во-вторых, - и это основное - цель их создания объективна и реальна: они сделаны для удовлетворения конкретных потребностей. Жилища - чтобы жить. Миски - чтобы из них есть. Топоры - чтобы рубить деревья или головы. А украшения - чтобы украшаться.

Конечно, потребности могут быть (и были, естественно) не только физиологические. Существуют и культовые сооружения, и произведения искусства. Есть среди археологических находок корабли, дороги, колесницы; очень важны орудия труда и производственные комплексы.

Типология археологических источников очень сложна и временами спорна. Самый общий уровень - комплексы: основные - поселения и могильники, по мнению некоторых исследователей, к ним же относятся дороги, сельскохозяйственные угодья, судоходные реки и тому подобное.

Последние действительно достаточно важны и могут содержать весьма важную информацию. Речь идет не только об орудиях труда, которые могли быть потеряны или выкинуты на этих территориях. А техника мощения дорог и их направление? А культивируемые растения и домашние животные? А кораблестроение?

Но есть и проблемы. Поиск археологических комплексов - дело весьма сложное. Самое легкое - крупные постройки, которые видны на поверхности земли. Следы каменных сооружений - пусть даже разрушенных - тоже более или менее очевидны: над ними плохо растут деревья, трава часто немного другого цвета и менее сочная.

А вот комплексы, в которых камень не играет существенной роли, найти труднее. Здесь особое значение имеет так называемая "массовидность" находок, то есть их количество на единицу площади. Чем больше фрагментов керамики, орудий, бус и так далее расположены на одном квадратном метре археологического памятника, тем больше вероятность того, что при вспашке, рытье ям или канав или просто в следствие естественной эрозии почвы хоть несколько из них появится на современной поверхности. А тут уже есть шанс, что их заметит археолог.

Тогда понятно, что дороги, поля, пастбища, не говоря уж о реках, обнаружить очень сложно.

Следующий уровень - тоже комплексы, но более мелкие: отдельные постройки, погребения, корабли, клады. А потом уже - конкретные находки, вещи, инвентарь.

Посмотрим внимательней на типы археологических источников. Начнем с поселений. Естественно - хотя, впрочем, почему? - самое крупное подразделение типа - городские и сельские. Правда, иногда провести между ними грань отнюдь не просто. Но суть критерия все же понятна.

Сельские поселения различаются по типу хозяйствования, как, впрочем, и городские. Среди последних есть и торговые центры, и производственные, и религиозные, и политические. Конечно, речь идет о доминирующей функции.

Изучение поселения в целом говорит исследователю прежде всего о сообществе в целом, на уровне государства. Структура поселения, его районы,

улицы, приусадебные участки - все это о многом свидетельствует искусственному взгляду.

Отдельные постройки - а это могут быть жилища, мастерские, лавки, святилища, монастыри, общественные здания, театры и так далее - помогают изучить отдельные направления социальных процессов. Здесь важны не только строительная техника, планировка, интерьер. Отнюдь не помешает изучение декора.

Но для поселений есть еще одна очень важная черта. Многие из них представляют собой так называемые "слоенные пироги". Когда поселение существует достаточно долго, год за годом на его территории образуются культурные слои, насыщенные продуктами жизнедеятельности людей - потерянными и выкинутыми вещами, сломанными и разрушенными предметами. Иногда эти слои четко различаются - когда поселение время от времени оставляется своими жителями (тогда между культурными слоями образуются прослойки земли без следов человеческой деятельности) или есть какие-то регулярные строительные работы (например, деревянные тротуары в Новгороде).

В тех случаях, когда жизнь на поселении шла без перерыва, слои различаются по несколько формальному признаку - составу находок.

"Слоенные пироги" имеют огромное значение в археологии: они позволяют проследить последовательность смены и форм предметов, развитие техники и технологии, изменения в социальной и политической жизни населения.

Но есть, конечно, не только "слоенные пироги", но и "лепешки" - однослойные поселения, жизнь на которых длилась недолго: например, сезонные стоянки.

Если поселения свидетельствуют прежде всего о материальной жизни социума, то могильники - о его духовной и религиозной направленности. В одной из следующих глав мы будем говорить об этом подробнее.

Но, конечно, самый массовый материал - это инвентарь, предметы, вещи. Их многообразие неисчерпаемо и очень сложно поддается сущностной классификации.

Я имею ввиду, что основания для классификации можно выбирать разные - по региону, времени создания, технике изготовления и прочее. Наиболее распространена изначальная классификация по материалу: керамика, бронза, камень, кость... Потом, уже внутри этих групп, происходит классификация по форме, технике изготовления, составу сырья. Хотя лично мне кажется самой перспективной классификация по удовлетворяемым потребностям: то, где живут, из чего едят, чем копают. Это позволяет перейти от изучения процессов производства к изучению человека и общества. Ведь если вещь сделана, то она

сделана не только как-то, но и для чего-то. Изучение потребностей, их появления, изменения и исчезновения, дополненное изучением способов их удовлетворения - увлекательнейшая задача. И об этом мы еще будем говорить.

Предлагаю еще один ракурс. Мне кажется, что есть любопытный подход к анализу археологических находок. Относительно легко вычислить облик "протовещи": она должна, с одной стороны, оптимально удовлетворять соответствующую потребность, а с другой - не иметь ничего лишнего. Например, для того, чтобы пить, нужна всего лишь на всего емкость на 200 - 300 грамм (стандартный объем одноразового приема жидкости) с верхним диаметром, соответствующим ротовому отверстию, и формой, удобной для того, чтобы ее держать.

Но однажды возникла необходимость пить горячее - и появилась ручка. Какие-то детали определялись действительно материалом: скользкое стекло, например, усложнило форму выступами, тормозящими скольжение.

Зная - хотя бы приблизительно - хронологическую последовательность изменения протовещи, можно узнать о человечестве массу интересного.

А теперь коснемся других типов археологических источников - более редких, но содержащих специфическую информацию. Это, так сказать, одноразовые комплексы. Самые очевидные из них - погребения и клады. Они были созданы для того, чтобы один раз их использовать (не всегда, правда, - в склепы иногда хоронили других членов семьи). К тому же типу источников относятся корабли. Они, конечно, создавались отнюдь не для того, чтобы использовать их лишь однажды, но после того, как корабль затонул, состав находящихся на нем предметов уже не изменяется. Подробнее мы будем говорить об этом позже.

Сейчас же нам важно то, что они представляют собой, можно сказать, точки на хронологической оси. Это, вместе с выявленными на "слоенных пирогах" последовательностями форм, позволяет всерьез надеяться на достаточно четкие результаты изучения археологических источников.

Таким образом, археологическое исследование ориентировано на выявление закономерностей эволюционного характера. И это, в общем-то, продиктовано реальной ситуацией. Хотя, конечно, речь не может идти о некоем монотонном процессе. Его монотонность нарушают, во-первых, научные и технические открытия, а во-вторых, взимовлияние социумов - как просто соседних, так и тех, которые вошли в политический конфликт. Всем известно, что, например, римские завоевания существенно влияли на местную культуру, но и последняя многое изменяло в Римской империи.

Это утверждение - о взаимовлиянии социумов - может показаться странным, поскольку часто завоеватели принадлежат к более развитому сообществу. На самом деле редко случается так, что один социум абсолютно во

всем превосходит другой. О том, что прогресс некоего начала всегда сопровождается регрессом противоположного, мы еще поговорим в одной из следующих глав.

А теперь, когда у нас составилось некоторое представление об археологических источниках, и мы, может быть, даже поверили в то, что они и позволят хоть что-нибудь в истории узнать точно, пора познакомиться со сложностями их изучения.

5. 2. И ЭТО, ПО-ВАШЕМУ, МЕДОРЕЗКА?

Мы уже говорили, что раз вещь была сделана, значит, она для чего-то была нужна. Цель, с которой создавалась вещь, определяет очень многое в археологическом исследовании. Во-первых, она позволяет узнать, чем занимались люди данного социума. Находка стрел свидетельствует об охоте, а зернотерок - о земледелии. Во-вторых, она отражает некие духовные и эстетические ценности. В вещи нет ничего бесцельного, ничто не делалось просто так.

Причем последний тезис тем достоверней, чем дальше вглубь веков мы погружаемся. Это сегодня мы носим одежду или украшения с орнаментом, смысла которого не понимаем. В прошлом все было значительно больше пропитано смыслом, понять который - и есть задача археолога.

Поэтому мало найти вещь, надо еще понять, что это. Казалось бы, что тут сложного? Но спросите у любого археолога, и он расскажет, сколько бессонных ночей провел, размышляя над тем, почему внутри этого горшка копоть или зачем нужен тот нож со странным лезвием.

Но если с такими предметами, как орудия труда, оружие или посуда, все более или менее просто, - можно в конце концов попробовать поставить эксперимент и выяснить, что удастся сделать тем или иным предметом и от чего остаются такие следы (именно так в свое время исследовали палеолитические орудия, изучая микроследы на их поверхности), - то произведения искусства или его элементы типа орнаментов, декора и тому подобное интерпретации поддаются очень сложно. Вот, например, спираль - то ли знак змеи, то ли символ Солнца... Да и цель создания изображения отнюдь не очевидна.

И уж совсем трудно "расшифровать" сакральные предметы. Ведь для начала хорошо бы знать хотя бы, в кого данные люди верили, как поклонялись, на что надеялись. Но как раз об этом никакой информации у нас нет. Если сосуды для питья или ножи незначительно изменялись с течением времени, то верования менялись существенно не только с веками, но и от племени к племени.

Этнографы и культурологи выявили основные формы первобытных верований, но так и не смогли договориться, в какой последовательности они

выходили на историческую сцену. Впрочем, и сама типология этих форм все еще не однозначна.

Кроме того, изучение проводилось на базе племен так называемых дикарей, сохранивших первобытный уровень развития техники и социального устройства. Но где гарантии того, что реальные первобытные племена были во всем аналогичны современным отсталым сообществам? Нет таких гарантий. Более того: современные "первобытные" племена сохранили свой облик по неясным причинам в то время, как все остальные социумы пошли вперед. Возможно, в них есть некая аномалия пути развития, это изначально искривленная ветвь социальной эволюции. Но тогда тем более спорны попытки распространить полученные в ходе их изучения выводы на древние сообщества, шедшие "нормальным" путем.

Таким образом, понимание смысла находок - задача совсем непростая. А ведь от понимания вещи зависит не только понимание цели и смысла самой вещи, от этого зависит интерпретация всего памятника. В могильниках долины Сумбара часто находят пустые могильные ямы. Исследователь выдвинул предположение, что это кенотафы - символические погребения людей, погибших вдали от дома. Тогда значительное их количество может пониматься как свидетельство дальних и опасных походов. Хотя, надо заметить, это отнюдь не единственная возможная интерпретация пустых могильных ям.

Наличие цели предполагает стремление к ней, а это, согласитесь, уже очень важная характеристика социума. Более того, совокупность целей и есть самое главное для понимания общества.

Однако и это еще не все. От отдельной вещи зависит не только интерпретация, но и выводы всего археологического исследования. Одно из режущих орудий древнего Новгорода было одним исследователем опознано как медорезка, и из этого он сделал вывод о наличии в хозяйственной деятельности новгородцев бортничества. А второй археолог увидел в нем скребло для очистки шкур и сделал вывод о развитии скорняжьего дела. Надо признаться, что других данных ни для первого, ни для второго вывода обнаружено не было.

И тут мы сталкиваемся с обратной стороной проблемы: отсутствие письменных источников лишает нас надежды узнать из них, насколько правильной была предложенная интерпретация. Ведь не стоит забывать, что далеко не все используемые материалы: солома, дерево (кроме редчайших исключений), ткани, кожи, как правило, не сохраняются в земле. Поэтому у нас почти нет шансов обнаружить пасеки или обработанные кожи.

И здесь начинается субъективизм. Упомянутая выше гипотеза о кенотафах, с одной стороны, недоказуема, а с другой - неопровержима. Равно как и опознание ножа как медорезки или скорняжьего скребка. В наскальных рисунках можно увидеть магический охотничий ритуал или зарождение искусства как

такового. В стеклянных браслетах - обереги или украшения. И как узнать, где истина? Мы уже говорили, что нет подтверждающих гипотезу данных. Но нет и данных, однозначно опровергающих ее.

Путь, дающий надежду снизить субъективизм, есть - через системность. Если действительно было бортничество, то от него не могла сохраниться только медорезка - должны были быть сосуды для хранения меда, изделия из воска - например, свечи и соответственно подсвечники. Если скребок для кож, то должны быть изделия из кожи. И не только. В древности любое действие имело сакральное измерение - значит, должны были быть соответствующие небесные покровители, ритуалы, символические изображения, жертвенники...

И даже если все сойдется, у исследователя все равно остаются сомнения, для того ли использовалась та или иная вещь. Более того, сомнения будут живы всегда, потому что всегда останется то, чего мы не понимаем. Не просто не понимаем - не знаем.

Это известно давно: мы можем опознать только то, что знаем, что было дано нам в нашем конкретном опыте. Поскольку я понятия не имею ни о бортничестве, ни об обработке кож, мне не удалось бы решить вопрос о новгородском ноже. Но эти знания по крайней мере живы в нашем социуме. А где гарантии, что мы знаем все? Мир со временем существенно меняется, многое отмирает, исчезает. Поймут ли наши внуки, что такое керогаз?.. А такая область применения продуктов птицеводства, как создание летописей (путем затачивания гусиных перьев и превращения их в письменные принадлежности), сегодня, в эпоху компьютеров, уже почти непредставима. Конечно, знание конкретного человека вообще ограничено, решающее значение имеет знание общества. Поэтому знание социума о себе определяет его знание о прошлом и будущем.

И тогда пора задаться вопросом: но что, собственно, мы знаем? Не вообще, а о себе? Знаем ли мы, что нас роднит и что отличает? Бывает так, что мы не столько знаем, сколько "нутром чуем", но это мало помогает в археологическом исследовании. Чутье нутром - не аргумент в научном исследовании. А аргументировано и в словесной форме мы редко можем определить свои предпочтения.

И даже когда мы правильно определяем сферу применения предмета, это еще не гарантирует понимания сути. Что такое одежда, мы знаем и можем ее опознать. Но есть еще один вопрос. Зачем вообще она была нужна? Не в холодных странах, естественно, а в жарких. Когда я училась в университете, на лекциях по этнографии профессор объясняла нам это так: "Чтобы насекомые не там, где надо, не ползали". Понятно, что эта интерпретация наивна: ведь у животных, даже короткошерстных и кожистых, такой проблемы не возникает.

Еще одна гипотеза - у людей появилась стыдливость. Но откуда она появилась? В связи с чем? Просто однажды человек проснулся, посмотрел на себя и ему стало стыдно? это какая-то сверх-христианская гипотеза: Библия по крайней мере выдвигает некую причину возникновения стыда.

Еще одна гипотеза - в связи с распространением половых табу племени потребовалось обуздывать сексуальную возбудимость в сообществе. С этой целью и придумали одежду. На первый взгляд логично. Однако все (по крайней мере, все женщины) знают, что искусно прикрытое тело возбуждает больше, чем обнаженное.

А ведь, казалось бы, как просто - трусики...

5. 3. НЕОПОЗНАННЫЙ ПРЕДМЕТ КУЛЬТОВОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Есть в описях находок у археологов странное обозначение: "неопознанный предмет культового назначения". Это такая профессиональная шутка - так обозначается в описях предмет, предназначение которого установить не удалось и даже выдвинутую вменяемую гипотезу не получилось.

Как бы мы ни старались, в археологических комплексах всегда есть то, что не опознается. И тогда удобнее всего считать это элементом некоего культа - мы уже говорили, что сакральные элементы опознаются и интерпретируются сложнее всего.

Правда, есть еще, например, игры и игрушки - их тоже почти невозможно опознать. Вот представьте себе, что в раскопе обнаружены кегли или игральные карты... Или оборудование для бильярдной. Или шашки, или домино, или кости. Если мы не знаем о существовании такой игры и не знакомы с ее правилами, мы вынуждены будем занести находки в опись под наименованием "неопознанный предмет культового назначения".

Мы не можем опознать ту или иную находку потому, что мы это забыли. Не в том смысле, что это забыла я или Иван Петрович - забыл социум в целом. Помните, мы говорили о дате крещения князя Владимира? Там же что ни слово, то недоумение - "индикт", "вруцелето"... Из 1000 человек, которых спросят, что это такое, 999 затруднятся ответить. А может быть, и вся тысяча.

Но это касается письменных источников. Если их сохранилось от данного периода много, то может быть, хоть в одном станет понятным употребление того или иного слова. С археологическими источниками сложнее, даже когда мы говорим о периодах, в которые письменность уже существует и распространена.

Допустим, мы нашли какую-то металлическую закорчку. И еще какую-то глиняную кругляшку. И костяной стерженек. А в летописи упоминается "тюнька", "хлопик" и "грусение". Вполне возможно, что это названия найденных нами предметов, но во-первых, не факт - может быть в тексте речь идет о чем-то, нами

еще не обнаруженном, а во-вторых, знание названия предмета совершенно не способствует пониманию его предназначения...

С течением времени в нашей жизни возникает много нового, но что-то и исчезает. Сначала исчезает из повседневной жизни, потом забывается название, а потом и вовсе стирается из памяти. И тогда находка неопознаваема в принципе. Иногда это кажется не слишком большой потерей, а иногда десятилетиями будоражит умы. Как же все-таки удалось построить пирамиды? Поставить статуи на острове Пасхи? Создать Стоухендж? Не знаем. Забыли.

(Однажды на вступительном экзамене на исторический факультет Тбилисского университета некий абитуриент проваливался со свистом; наконец, преподавателю надоело его слушать и он спросил, где похоронена царица Тамара; абитуриент, прижав руки к груди, закаялся: "Знал, честное слово, знал, - но забыл!" "А вот за это тебе двойка: единственный человек в мире это знал - и посмел забыть!")...

Ситуация почти безнадежна. Но - почти: путь к решению этой проблемы - через список потребностей. Если составить список потребностей жителей данного городища или селища, включая те, которые продиктованы их хозяйственной деятельностью и природными условиями, а потом соотнести этот список с составом сделанных на памятнике находок, однозначно интерпретируемых, то обнаружатся лакуны - те строки списка потребностей, которым не найдено соответствия в материале.

Тогда имеющиеся "неопознанные предметы культового назначения" можно попробовать "примерить" к пустым строкам.

Конечно, на самом деле это огромная, почти неподъемная работа. Но как методологический прием данный подход интересен. По крайней мере, он дает надежду перестать говорить о производстве и начать говорить о жизни людей.,

Правда, если говорить о потребностях человека, то надо говорить в том числе и о духовных. А это, как уже неоднократно отмечалось, штука тонкая и сложная. Да и есть ли они вообще - духовные потребности? Я имею ввиду их автономное существование, вне зависимости от идеологической нагрузки или давления окружающей среды.

Разделим сначала эстетические потребности и религиозные и поговорим о тех и других отдельно.

Эстетические потребности - штука странная, ведь искусство в целом абсолютно нецелесообразно. Если изобразительное искусство еще можно воспринимать как способ передачи информации и в этом видеть его смысл, то пение, танец и так далее вообще не имеют оправдания своего существования. Спев песню, человек не насыщается, не согревается и так далее.

Именно поэтому в свое время была выдвинута гипотеза о магическом происхождении искусства. Мол, если бог отличается от человека, то и способы

общения с ним должны отличаться от повседневных. Но наверное, на собственном опыте мы не согласимся с тем, что песенка, которую мы напеваем, готовя обед, мы напеваем для того, чтобы что-то сказать Богу... И уж тем более скачем на дискотеке.

Конечно, можно сказать, что сегодня мы имеем дело с выродившимся явлением. Но тогда потребность эстетическая - потребность благоприобретенная. А как же танцы птиц и песни зверей?

Еще есть мнение, что эстетические потребности появляются у тех, кому делать нечего. Конечно, что-то в этом утверждении есть - во всяком случае, сильно уставшему человеку не до искусства. Вот только акцент я бы поставила другой: усталому человеку не до искусства потому, что искусство тоже труд - я имею в виду не создателя произведения, а зрителя. Естественно, не все произведения искусства требуют духовного труда для своего восприятия, но серьезные - да.

Религиозные потребности выводят обычно из страха человека перед природой, из стремления обожествить силы, неподвластные людям. И опять-таки, почему не религиозны животные? Ведь они тоже зависимы от природы, да и от нас. Правда, на 100% мы не можем быть уверены, что животные действительно не знают веры...

Что же касается человека, то его отношения с природой сегодня таковы, что пора, пожалуй, природе начать его обожествлять. А вера все жива. Почему? Кажется, уже умер миф о том, что религия - удел темных и необразованных людей - не станут занимать ваше время и внимание перечислением прославленных имен.

Советская власть поставила уникальный эксперимент по уничтожению религиозного сознания. Ну и что? Мы уже говорили, что богом стала историческая закономерность, персонифицируемая в очередном вожде.

Так или иначе, при составлении списка потребностей учитывать эстетические и религиозные устремления необходимо. Вопрос только в том, как их конкретизировать.

Впрочем, потребности тоже могли исчезнуть: например, ткать, заниматься гончарным производством, вязать, плести корзины... Да мало ли что еще нам больше не требуется делать?.. Если прогресс в области техники будет дальше идти с той же скоростью, то скоро у нас исчезнет потребность уметь писать, а наличие в компьютере программы проверки орфографии, то не будет и потребности писать грамотно. Впрочем, я надеюсь до этого не дожить.

Возвращаясь к списку потребности скажем: все вещи можно рассматривать как знаки, указывающие на некое социальное явление или на процесс. А знак

можно попробовать понять именно в его значении. Или применить методику распознавания образов.

При таком подходе археологический памятник может восприниматься как текст, повествующий о людях, его населяющих. Вот только читать его надо уметь. И в следующем параграфе мы посмотрим, как это непросто. А чтобы понять это на собственном опыте, попробуйте представить себе, что говорит о вас ваша квартира...

5.4 АРХЕОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

Несмотря на то, что археологические источники содержат уникальную информацию, по традиции роль археологии резко уменьшается с появлением письменности, а в дальнейшем, с нарастанием объема дошедших до нас письменных источников, вообще практически исчезает. По каким-то не совсем ясным причинам нижней хронологической границей археологии считается 1700 год. Хотя, конечно, иногда, в отдельных случаях археологические раскопки производятся на более поздних памятниках.

Археология современности как таковая - достаточно редкое явление в отечественной исторической науке. А жаль. Исключение составляют практически только раскопки на местах боев Отечественной войны, но их целью является не столько реконструкция исторических событий, сколько уточнение личных судеб бойцов.

То, что историки остаются равнодушными к археологическому изучению поздних этапов истории вплоть до современности, лично мне кажется большой проблемой. Вопрос не только в том, что о многих сторонах жизни общества мы можем узнать исключительно из вещественных источников. Сопоставление информации, полученной из письменных источников и из вещественных, может позволить взглянуть на историю в совершенно неожиданном ракурсе.

В частности, археологов давно занимает вопрос о том, каким образом соотносятся закономерности изменения и сочетания вещевого материала и социально-демографических характеристик. Как правило, решается этот вопрос просто: разница в погребальном инвентаре - это разница в имущественном положении населения, смена одних форм керамики другими - изменение в этническом составе. Однако, поскольку археология занимается дописьменными периодами, проверить эти построения зачастую не представляется возможным.

Археологи часто употребляют понятие "археологическая культура". По поводу его содержания шла в свое время оживленная дискуссия, однако чаще всего оно определяется как устойчивое сочетание видов археологических источников в хоро-хронологическом континууме. Чтобы было понятнее: если на

памятнике обнаружена керамика типа А, орудия типа Б, бусы типа В,.. , то это памятник археологической культуры Я-я. Но какой социальной общности соответствует археологическая культура, совершенно непонятно.

Если учесть, что памятники, принадлежащие к одной археологической культуре, должны идти "сплошняком" как в территориальном, так и в хронологическом плане, то носители этой культуры, видимо, принадлежат к какому-то крупному социальному образованию. Возможно, это политическое образование типа государства. Возможно, национальная общность. А может быть, вероисповедание.

Кроме археологической культуры есть еще ее локальные варианты, памятники которых немного отличаются по составу находок. То есть, археологическая культура, как правило, имеет некий центр, который характеризуется "чистым" вариантом. По мере удаления от него, вариант размывается, приобретая новые черты.

Но общество - сложное по структуре образование. Люди различаются по полу, социальному статусу, роду деятельности, национальности, вероисповеданию, образованию и так далее. Как эти параметры отражаются в вещественных источниках?

Несколько лет назад я попробовала выявить "археологические культуры" на материале современных выселенных домов, идущих на снос или капитальный ремонт. Такое уточнение необходимо, так как при выезде из дома по причине обмена или покупки новой жилплощади, но из дома, который будет далее заселен другими жильцами, психология покидания дома совершенно иная, работают иные образцы действия. Последние не свойственны собственно археологическим памятникам.

Эта работа носила чисто "прикидочный" характер, а ее результаты - сугубо предварительные.

5 000 квартир были обследованы сугубо традиционным археологическим способом: на чертежах отмечалось место расположения находок, затем последние описывались и классифицировались. По устойчивым сочетаниям видов источников была сделана попытка выделить "археологические культуры".

Вполне понятно, что огромное многообразие предметов быта сегодня сделало наше исследование на порядок сложнее исследования археологического памятника, например, бронзового века.

Тем не менее, выделить две "археологические культуры" и по два их "локальных варианта" удалось. Для одной из них свойственны прежде всего старинные мебель и посуда, а также фарфоровые фигурки животных. Квартира после вывоза имущества, как правило, убиралась и даже иногда подметалась.

Для второй - современная не очень дорогая мебель, "хрустальные" осветительные приборы (люстры, бра) и ковры. Оставленные вещи намеренно портились.

Один из локальных вариантов первой культуры характеризовался бережным отношением к раритетам, которые, кстати, были, как правило, достаточно ценными (в момент их создания), а второй - наоборот, вплоть до того, что старинный буфет мог быть покрашен масляной краской (в первом варианте он был бы натерт воском).

Один из локальных вариантов второй культуры выражался в вывозе практически всех вещей, а оставшиеся были сломаны или разбиты. Во втором варианте вещей оставалось много, но уничтожались не только они, но и вся квартира носила следы немотивированного разрушения - об стены разбивались банки с соусом или пузырьки с чернилами, глаза на фотографиях - даже в газетах - выкалывались, в глаза на ликах икон вбивались гвозди, диваны вспарывались и так далее.

После завершения этого этапа были взяты данные о жильцах квартир в соответствующих ЖЭКах или ДЭЗах. Эти данные были обработаны также стандартными методами, но теперь социологическими, то есть заполнены анкеты по социальным параметрам и сделаны группировки.

Однако при сопоставлении состава квартир выделенных культур и их вариантов с данными о владельцах квартир выяснилось, что почти никакой социально-демографической группировки, аналогичной "археологическим культурам" или "локальным вариантам" не получается.

Работают только два признака, и то не на всем массиве - давность проживания в Москве (обследовались только московские квартиры, хотя корректирующие наблюдения делались и в других регионах) - первая культура, и военная профессия главы семьи - вторая культура.

Это значит, что устойчивое сочетание видов вещевого материала не характеризует однозначно какую-либо социальную группу, выявленную по стандартным параметрам - пол, возраст, образование, специальность и прочее.

Однако этот сюжет интересен как пример того, что каждый человек является носителем пучка характеристик, как перекрещивающихся, влияющих друг на друга, так и существующих совершенно независимо. Важен и еще один аспект: целый ряд образцов реализуется нами неосознанно. Мы не можем, как правило, толком объяснить, почему выбрали в магазине чашку с красным цветком, а не синим, тарелку с "гофрированным" краем, а не гладким. И тем не менее мы в этом действии следуем некоему образцу.

Поэтому за "археологическими культурами" стоят, безусловно, некие социальные группы, но вот чем объединены их члены? Я не готова сегодня

ответить на этот вопрос, но искать ответ, видимо, необходимо. Он поможет нам разобраться в реальной структуре общества, псевдомонолитного на уровне стандартных параметров.

Но заметим еще два момента. Первый - выявленная нами тенденция некой социальной группы к немотивированному разрушению. Эта группа составила около 14% всей совокупности обследованных квартир. Интересно, что в этих же пределах психиатры фиксируют скрытую склонность к агрессивным состояниям. В них же - число немотивированных преступлений. И здесь же - доля "садистских" стишков в детском фольклоре. При этом следы разрушений в квартире довольно четко районированы: больше всего их в спальне, меньше всего - в кухне. Мне кажется, здесь есть о чем задуматься.

Второй момент - наблюдения за тем, кто и что выбрасывает, а также за сроком жизни вещей, за изменением их функций с течением времени. Здесь, конечно, было бы невероятно интересно провести серьезное и грамотное обследование городской вещевой свалки. Но это - увы! - не под силу одному человеку, а единомышленников мне пока найти не удалось.

6. БЛИКИ В КРИВЫХ ЗЕРКАЛАХ

6.1. ТЫ СКАЖИ, ТЫ СКАЖИ, ЧЕ ТЕ НАДО, ЧЕ ТЕ НАДО...

Теперь поговорим немного о письменных источниках, более того - об источниках, характерных для недавнего прошлого.

Источники для изучения социально-бытовых проблем советского человека накануне перестройки можно условно разделить на четыре группы: официального происхождения (документы партии и правительства, редакционные материалы в СМИ и прочее), источники-рекомендации, экстравертно-личные и интравертно-личные источники.

Последние две группы различаются весьма существенно. Если источники первой из них направлены на создание в обществе определенного мнения о личности автора и тем самым ориентированы на моральные нормы и правила, принятые в данном социуме, то вторые отражают субъективные потребности автора.

Правда, источники интравертно-личного характера - явление достаточно редкое и малоизученное в историографии. К их числу относится прежде всего огромный массив личных объявлений самого различного типа, особенность которых - создание с целью удовлетворения потребностей автора. Понятно, что

эти источники обладают особой ценностью. О них мы поговорим в следующем параграфе.

Изучение социально-бытовых потребностей советского человека накануне перестройки требует источниковой базы, характеризующей все уровни их оценки от партийно-правительственного до субъективно-личного.

В данном контексте под потребностями я понимаю состояние, вызываемое дефицитом чего-либо, как биологического, так и социального происхождения.

Поскольку спрос лишь относительно определяет предложение, то исследование потребностей стоит, видимо, вести в этих двух аспектах, формируя два блока информации и делая соответственно сопоставление данных как внутри каждого из блоков, так и между ними.

В принципе, упрощенно структуру блока спроса можно представить так: существуют некие декларативно высказанные ценности, интересы, потребности; они входят в соприкосновение с традициями, поведенческими нормами и тому подобное и трансформируются под их воздействием. Помните, в самом начале я задавалась вопросом, чья цель - коммунизм?..

При этом следует учитывать, что ассимиляция декларативных высказываний традицией состоит в наполнении формы декларативных высказываний иным содержанием. Именно поэтому анализ подобного рода информации требует особо тонкой и точной методики.

Однако и после ассимиляции декларативные высказывания остаются внешними относительно личных потребностей отдельного человека.

Аналогично обстоит дело с блоком предложения, в котором также есть декларативно сформулированные предложения, есть рекомендации по удовлетворению потребностей в виде журналов мод, поваренных книг и прочее, есть и личные объявления граждан типа "продам", "сдам" и так далее.

Имеет, видимо, смысл обратить внимание на то, что во всех этих видах источников содержится принципиально разная информация: если первые - официозные - часто акцентируют внимание на том, что не пользуется спросом, то вторые - рекомендации, - безусловно также учитывая это, пытаются включить не пользующиеся спросом предложения в круг "популярных", например, модные платья из неходовой ткани, вкусные блюда из черствого хлеба и прочее.

Третьи же источники практически полностью обусловлены спросом и ориентированы на конкретное, вполне достижимое удовлетворение существующих потребностей. Действительно, трудно себе представить, что на прилавках появляется книга "Сто блюд из паюсной икры". Да и на объявление типа: "Продам рваные женские сапоги 43 размера" вряд ли скоро кто-нибудь откликнется.

Своеобразным текстом-рекомендацией является отрывной календарь. Своеобразие его в том, что функция рекомендации в нем выражена имплицитно и направлена на духовные потребности - стихи, слова песен, репродукции картин,

популярные материалы на научные темы. Изучение отрывных календарей может вестись, во-первых, по рубрикам, а во-вторых, по их содержанию и составу. Это дает информацию на тему, что принято знать в данном сообществе, чтобы считаться культурным человеком.

Если в кулинарных книгах 2 трети XX в. расчет ведется на 4 порции, то в начале века - на ведра, литры и тому подобное, что безусловно свидетельствует прежде всего о распаде большой семьи и разрушении связей между людьми.

Определенным показателем материального положения в обществе являются советы в журналах мод по перелицовке, переделке старой одежды, использованию лоскутов и прочее. Конечно, то, что я здесь пишу, выглядит совершенно очевидным, но, как мне кажется, историческому исследованию очень часто недостает именно очевидности информации и житейского здравого смысла.

Еще один источник типа рекомендаций - правила поведения. Основная их информация - перечень ситуаций, характерных для данного общества в данный период. Интересным мне кажется подход "от противного" - если есть указание на недопустимость какого-либо действия, значит, имели место прецеденты, причем не единичного характера, а следовательно, мы можем судить не только о том, какое поведение было предпочтительно, но и о том, какое имело место в реальности. Сравнивая "Юности честное зерцало" с учебниками и правилами поведения конца XX в., мы получаем представление о разнице в общем уровне культуры поведения.

Еще один аспект касается правил обращения со столовыми приборами, рассаживания гостей, состава блюд и выбора одежды, подарка и прочее. По собственному опыту знаю, что минимальному числу советских людей удастся побывать за столом, накрытым шестью приборами на каждого, и выбирать между фужерами для шампанского и для коктейля - что дают, из того и пьют.

Таким образом, источники-рекомендации содержат информацию о стандартных ситуациях, материальных возможностях населения и - правда, косвенно - о социальной структуре общества.

Есть еще один специфический вид источников по истории современности - материальные комплексы или, иначе говоря, источники по археологии современности. К ним могут быть отнесены свалки, кладбища, интерьеры квартир, дачные участки и прочее. С некоторой долей условности здесь же можно рассматривать личные библиотеки и коллекции. Специфика данного вида источников не только в том, что он традиционно не принимается в расчет при изучении современности, но и в том, что в русле данного разговора он отображает не только наличие потребностей и потенциальных возможностей их удовлетворения, но и сам результат удовлетворения. Впрочем, об этом мы уже говорили.

В принципе, для удовлетворения каждой потребности существует круг возможностей, так сказать, круг возможных реализаций. Понятно, что не все они с равной степенью полноты отвечают потребностям. Более того, в данном конкретном обществе в данный конкретный период может вообще не оказаться возможности адекватно удовлетворить некую потребность. Но хотелось бы сказать о другом.

По мере удаления человека от животного, уменьшения в нем доли "гомо" за счет увеличения доли "сапиенс" его потребности приобретают все более сложную структуру. Хочется уже не просто пить, но пить из чего-то, что-то и где-то, и все остальные виды питья не воспринимаются как адекватное удовлетворение потребности. И это, как правило, учитывается исследователями. Но обычно они оперируют вербально предъявляемыми требованиями, в то время как значительную часть критериев, по которым производится выбор возможности удовлетворения, вообще не поддается вербализации.

Ну действительно, почему я покупаю чашку с синим цветком, а не с желтым листком? И здесь анализ данных о реализации потребностей, а ими являются вещественные комплексы, необычайно перспективен. Что именно выбрасывается, продается или реставрируется и хранится? Что и для чего используется? Как соотносится выбор с теми или иными социальными характеристиками? Это только первый круг вопросов, призванный обратить внимание читателей на данный вид источников.

6. 2. КУПЛЮ РВАННЫЕ ЖЕНСКИЕ САПОГИ

Самыми достоверными письменными источниками являются личные объявления, потому что они, как и археологические источники, отражают реальные потребности людей. К ним мы сейчас и перейдем.

Социально-бытовая сфера общественной жизни чрезвычайно сложна и многопланова. И есть аспекты, прямое вмешательство государства в которые в принципе невозможно или предельно ограничено. К этим аспектам относится целый спектр межличностных контактов, которые в определенных условиях и формах приобретают деловой характер, выступая фактически в виде рыночных отношений, а в советский период во многом подменяя их.

В чистом виде это отношения купли - продажи и оказания услуг через рынок, формируемый прежде всего путем газетных объявлений. С некоторой натяжкой к этой же категории можно отнести и брачные объявления, рассматриваемые в определенном ракурсе. Они не носят характер товарно-денежного обмена, но тем не менее подчиняются законам спроса и предложения, то есть фактически законам рынка.

Данные отношения не являются универсальными, охватывающими все общество, но весьма важными для решения проблем целых социальных групп, что представляется очень значимым, поскольку гармоничное общество должно учитывать все интересы, в том числе и специфические, всех слоев населения.

Межличностные деловые контакты - МЛДК - является сложным и многосторонним социальным явлением. Среди важнейших аспектов его изучения представляется необходимым выделить, с одной стороны, состав участников МЛДК и их социальные характеристики, а с другой - типологию контактов. Без раскрытия этих вопросов невозможно выявить закономерности функционирования сферы МЛДК.

Важность изучения состава участников МЛДК определяется тем, что в эти отношения вступают специфические группы населения, в частности, обладающие потенциально повышенной социальной активностью. Множество людей никогда не давало объявлений и не пользовалось ими для решения своих проблем.

Типология МЛДК должна отразить как общее с некоторыми другими видами социальных отношений, так и их весьма большую специфику. В частности, эта типология может вскрыть одну из важнейших характеристик МЛДК, а именно то, что они не являются сугубо дополнительными, покрывающими пробелы в профессионально организованных формах социальных отношений, а представляют собой самостоятельную ценность для целого ряда социальных групп и являются незаменимым каналом удовлетворения некоторых их потребностей.

Причиной этого, в частности, является присущий, как правило, МЛДК характер быстрого реагирования и ориентированность на социально-психологические характеристики их участников. Официальные, прежде всего государственные структуры слишком громоздки и не могут сразу перестроиться в связи с изменением ситуации. И отсутствие "кровной" заинтересованности в результатах своего труда приводит к ориентации на "среднего" потребителя.

В то же время практически во всех типах объявлений нет никаких или почти никаких социальных привязок, что существенно снижает их ценность и уж во всяком случае требует разработки специальной методики их анализа. Как узнать, что за социальные группы стоят за массивом объявлений?

Наиболее удобными в этом смысле представляются брачные объявления. Они, в отличие от остального массива, содержат социально-демографические сведения об авторах - подателях объявлений. Но именно они и наиболее сложны для анализа, так как их текст многословен и многие его элементы детерминированы социальной психологией. Изучение брачных объявлений "с лету", поверхностно, не может дать ничего, кроме самой простой и к тому же недостоверной демографической статистики.

При изучении брачных объявлений имеет смысл ориентироваться на психолингвистические приемы анализа текстов, причем анализируя преимущественно не текст, а подтекст. Но о них мы поговорим отдельно.

Личные объявления граждан существуют в двух основных видах - помещенные в специальных витринах или просто на стенах или столбах и опубликованные в прессе. Сегодня мы будем говорить об объявлениях в прессе.

Один из наиболее популярных видов объявлений - о купле-продаже. В сумме они составляли около половины всех объявлений граждан. При планировании их изучения бросается в глаза возможность изучения состава предметов купли-продажи, их количественное соотношение и тому подобное. Здесь же общая ориентация региона, данные о дефиците и прочее.

Но кроме того возможны и такие подходы, как анализ состава каждого объявления - продаваться и покупаться могут отдельные вещи, наборы различных предметов (я назвала их распродажами) и наборы однотипных вещей, например, видеотехники. Понятно, что это принципиально разные акты деятельности и принципиально разные потребности (в качестве практической рекомендации исследователям отмечу, что нужно иметь ввиду и возможность подачи одним и тем же лицом нескольких объявлений с разным составом предметов, предлагаемых к продаже или купле - корректность исследования требует их выявлять).

Другой чрезвычайно интересный аспект - районирование объявлений. Поскольку в них указывается адрес или телефон, этот анализ вполне возможен. Таким образом можно выйти на территориально-социальную структуру города, а если брать объявления в прессе различных городов, то и шире.

Абсолютно аналогично можно изучать объявления вида "сдам - сниму". Правда, в них значительно меньше разнообразия рубрикатора, так как сдаче-найму подлежат, в основном, жилые помещения, дачи, машины и гаражи. Однако районирование этого вида объявлений также содержит интересную информацию. В определенном смысле перспективно изучение и характеристик сдаваемой жилплощади с целью определения типа застройки и тому подобное, но, видимо, рациональней с этой целью использовать объявления об обмене.

Кстати, там тоже можно почерпнуть данные о системе ценностей, вернее, определенной ее части: об оценке района, типа застройки, близости магазинов или зеленых массивов и прочее. Если раньше объявления об обмене состояли исключительно из объявлений об обмене жилплощади, то накануне перестройки они существенно разбавились объявлениями об обмене гаражей, машин, садовых участков и предметов коллекционирования.

Еще один вид объявлений, перспективные для изучения - приглашаю-предлагаю услуги. Здесь опять-таки на поверхности информация о дефиците услуг, то есть о пробелах в организации службы быта и школьного образования

(последний вывод - на основании того обстоятельства, что весьма существенная часть объявлений о предложении услуг - "даю уроки").

Появились и другие объявления - об оказании медицинской и психологической помощи, о даче консультаций по патентным вопросам и в области компьютеризации. Получили распространение и новый вид объявлений - "приглашаю компаньона для совместной трудовой деятельности".

Наблюдения именно за этими объявлениями, кроме их районирования, позволяют подтвердить сделанное выше предположение о характере быстрого реагирования этого вида источников - стоит сравнить объявления, сданные в газету за неделю до опубликования закона об индивидуальной трудовой деятельности, с объявлениями, сданными через неделю после этого.

Таким образом, по некоторым существенным характеристикам объявления похожи на археологические источники: они не врут и не лукавят в основном: если уж я даю объявление о том, что хочу купить рваные женские сапоги, значит, они мне действительно зачем-то нужны.

Правда, может быть, мне нужен сам факт подачи объявления или тот, кто на него откликнется. Но это уже не столько история, сколько уголовный кодекс.

6.3. ЗНАЧИМОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ

Мы уже много раз упоминали о значимости события как критерии его историчности. Но здесь есть два аспекта. То, что некое событие оказало воздействие на дальнейший ход истории, можно узнать только спустя большой промежуток времени. Летописец же, создавая свое произведение, описывал в нем то, что ему казалось значимым. Так каким же образом отбирались факты для фиксации их в историческом произведении? Есть ли здесь какие-нибудь закономерности или работает только субъективный фактор, только личные вкусы автора?

Я предлагаю к рассмотрению гипотезу, что значимыми казались только необычные, непривычные события.

Что касается принципа отбора фактов, то приведу такой пример: в Повести временных лет всего один раз встречается запись "Мирно бысть". Что это - просто летописцу больше нечего было сообщить про этот год, и он отметил обычное явление? Но в таких случаях он, как правило, просто ничего не писал. Видимо, дело все-таки в том, что для данного периода русской истории мирный год являлся событием значимым и экстраординарным и нуждался в силу этого в фиксации.

Или: в романе А. и Б. Стругацких "Понедельник начинается в субботу" герой при помощи машины времени попадает в описываемое будущее, где сталкивается с людьми, одетыми в одни черные очки или пестрый галстук. Это

писатель - их создатель - отметил только характерные черты их одежды. Способность человеческой памяти фиксировать в первую очередь необычное прекрасно продемонстрировал один из героев фильма "Джентльмены удачи": "Мужик в пиджаке и дерево во-от такое".

И еще. Я просила как-то студентов описать, как прошел их день. Что они отметили в первую очередь? Когда, где, с кем и сколько. События же типа "умывание", "одевание" и тому подобное были всеми пропущены. Это опять-таки часто встречается в детективах: при проверке алиби человеку сложнее всего бывает вспомнить свои повседневные действия, особенно те, которые доведены до автоматизма. Все это не противоречит выдвинутой на рассмотрение гипотезе целей создания и принципов отбора фактов для фиксации.

Не менее важна для нас реконструкция самих принципов отбора фактов для фиксации. В рамках данной гипотезы этот принцип заключается в фиксации необычного для данного общества при знании, которое проявляется в деталях, повседневного. Естественно, опять-таки, что в конкретных исторических описаниях этот принцип будет выдерживаться более или менее строго, но общая направленность кажется мне именно таковой.

Каков практический смысл данного подхода, становится ясно из следующего хода рассуждений: в историческом произведении (летописи, хронике) отмечено некое событие - значит, оно не было повседневным, привычным. Если по каким-то другим источникам (например, археологическим, сфрагистическим, нормативным) мы узнаем о каких-то явлениях, не указанных в летописи, значит, это было привычное явление.

Естественно, в реальности ход рассуждений и самого исследования гораздо сложнее, необходимо учитывать и идеологические установки (о чем мы будем говорить в одной из следующих глав), и степень информированности автора, и многое другое, но общее направление таково.

Еще одно направление применения данных рассуждений - датировка исторических (и не только) описаний и определение места (в широком смысле) их создания. Так, например, в былине о Вольге указывается, что его дружина добывала себе пропитание охотой. Некоторые исследователи на этом основании относят ее создание к ранним этапам истории, когда охота действительно была основным способом добычи пропитания. Но в контексте сделанных выше наблюдений необходимо существенно приблизить эту дату к нашему времени, так как в момент создания былины охота как способ добычи пропитания должна была быть редкостью, явлением экстраординарным.

Попробуем проверить сделанное предположение на конкретном материале.

Реальные исторические источники не подходят нам в качестве базового материала в силу уже указанной сложности их исследования. Проще всего работать с описаниями в рамках личности. Но и научные биографии также не содержат в явном виде нужные нам сведения.

Видимо, имеет смысл обратиться к художественной литературе, но не к той, в которой сам автор является создателем описания, так как и в этом случае интересующие нас сведения не будут сформулированы четко, а той, в которой излагается создание описания событий в рамках личности, причем этот род литературы должен быть массовым и иметь определенный жанровый канон, что снизит влияние на наши выводы стиливых особенностей конкретного автора.

Как это ни удивительно, но лучше всего отвечает нашим требованиям и проще всего решать интересующие нас вопросы на основании произведений одного из достаточно популярных жанров - детективов о разведчиках.

Разведчик собирается проникнуть в чужеродную среду и укрепиться в ней. Что необходимо для этого в первую очередь? Составление "легенды" - рассказа о "своем" происхождении, детстве, событиях "собственной" жизни, о "близких родственниках и друзьях". Причем чем полнее и точнее "легенда", тем больше у разведчика шансов на успех операции.

Но для чего создается "легенда"? Чтобы выдать себя за "своего", а вернее, чтобы другие воспринимали разведчика как человека своей среды. Иными словами, "легенда" несет в себе функцию опознавания индивидуума как члена некоего коллектива. А для этого он должен вписываться в соответствующую нормативную систему и следовать соответствующим образцам.

Но "легенда" не может вмещать в себя все детали жизни того, за кого выдает себя разведчик (отметим: как и любое описание не может вместить все детали описываемого). Какие же фрагменты прежде всего выбираются для фиксации?

Место, время и персонажи составляют костяк "легенды", без которого она просто немыслима. Но не это делает "легенду" убедительной. Нужно нарастить на нем мелкие и крупные факты, характеристики, детали.

Существуют две основные категории событий - повседневные, обыденные, и экстраординарные, редкие. Каким из них отдать предпочтение? С одной стороны, если разведчик не знает, например, что в России кредитными картами можно расплачиваться только в крупных городах и туристических центрах, да и то не во всех магазинах и барах, или сколько стоит проезд на общественном транспорте, шансы на выживание у него минимальные.

С другой стороны, если он начнет перечислять все "свои" школьные отметки или цитировать наизусть прейскурант цен, ему грозит в лучшем случае

вызвать недоумение и подозрительность окружающих. Следовательно, обыденное нужно знать, но не демонстрировать это знание.

Убедительность "легенде" придают детали необычные, обращающие на себя внимание. При этом необходимо учитывать не свою нормативную систему, а систему того социума, членом которого необходимо предстать. Значит, детали должны быть необычными не для разведчика, а для того общества, в которое он стремится "врасти".

Но вполне правомерен вопрос о том, что историческое описание существенно отличается от "легенды" хотя бы тем, что фиксирует абсолютно реальные события в их реальной взаимосвязи. Это так. Но цели и принципы отбора фактов у них могут быть общими именно потому, что построены на единой основе - следовании сходным образцам, элементарной логике и адаптации к обыденному.

И последнее направление - реконструкция событий по описаниям чужеземцев. Известно, что в ряде случаев мы можем получить информацию о некоем дописьменном народе только через описания путешественников-чужеземцев (не считая археологических данных).

Однако как правило, исторические реконструкции на этой базе не получаются. Если же учесть, что путешественники фиксировали только необычное для их общества, то пропущенные ими детали можно реконструировать на основании аналогичных деталей их родины, поскольку именно совпадающие детали должны были быть опущены ими при описании.

Здесь же уместно вспомнить некоторые сделанные выше наблюдения за несовместимостью археологических и социологических данных. К ним можно добавить принципиальную несовместимость (на механическом уровне) данных археологических и письменных источников. Ориентированности на необычное письменных источников противостоит повседневность (в абсолютной доминанте) археологических. Они фиксируют две стороны одного и того же социального процесса.

Конечно, это далеко не все, что можно сказать о письменных источниках. Но меня извиняет то, что почти весь остальной материал этой книги - именно о них.

7. ЕЩЕ ОБ АРХЕОЛОГИИ

7.1. КАК ПОЛЕЗНО ЧИСТИТЬ КАРТОШКУ

При изучении верхнепалеолитического кремневого материала археологи сталкиваются с положением, при котором основной объект изучения - кремневые

орудия - составляют лишь малую долю в общем объеме материала. Остальное - "отходы производства" - каменные сколы (пластины и отщепы) и нуклеусы – то, что осталось от камня после того, как с него сделали все возможные сколы, - материал массовый, но слабо поддающийся научному осмыслению и, казалось бы, не содержащий никаких уникальных данных. Однако это не совсем так.

Однажды мы со свекровью сидели и чистили картошку. Чистили мы ее по-разному: свекровь – «чешуйками», а я – «змеюками». И тут меня осенило: если кто-нибудь решит выяснить, кто какую картофелину чистил, то это будет очень просто сделать – по следам срезов. Более того, можно узнать и то, кто оставил эту кожуру.

Выдвинем гипотезу, что сколы, получаемые при обработке нуклеуса, несмотря на все разнообразие форм, должны иметь нечто общее. При этом допустим, что имелись некие стадии обработки желвака - исходного кремневого фрагмента. Тогда сколы, сделанные на разных стадиях, будут отличаться друг от друга – как, при наличии терпения и свободного времени, можно собрать обратно в картофелины нарезанную картошку.

Однако эти допущения не указывают на методику анализа сколов. Здесь возможен такой подход: брюшко любого скола идентично по формам и размерам грани нуклеуса, появившейся в результате получения скола (как очистки и картофелина). Тогда измерив и описав грани имеющихся в материале нуклеусов, можно отобрать группу сколов, параметры брюшка которых совпадают с параметрами граней нуклеуса, и таким образом восстановить последнюю стадию в обработке нуклеуса, или же первую в нашей реконструкции.

Далее ситуация несколько сложнее, поскольку грани сколов, сделанных на последнем этапе, - только часть исходной грани нуклеуса, с которого был сделан скол. Ну, как если бы мы очищенную картошку нарезали, а потом решили собрать обратно. Поэтому чтобы узнать размеры брюшка сколов предыдущего этапа, размеры грани сколов удваиваются. Далее следует аналогичная процедура выбора сколов с подходящими параметрами брюшка. И обе процедуры повторяются до тех пор, пока на гранях сколов не появятся остатки желвачной корки, свидетельствующей о том, что это сколы первого этапа обработки. Трудоемко, да, но это дает возможность все же использовать тот материал, который, в противном случае, нужно было бы просто выбросить. А мне, как, уверена, любому историку и археологу, безмерно жаль терять даже кроху из и так скупого наследия дальних веков.

Но вернемся к кремневым сколам. Такая реконструкция позволила установить последовательность в обработке нуклеусов и параметры сколов, сделанных на разных ее стадиях. При этом оказалось, что, во-первых, пластины с сильно вогнутым брюшком делались на ранних стадиях обработки желвака. И вообще, этот параметр - один из определяющих при отнесении скола к той или иной стадии: чем больше вогнутость, тем на более ранней стадии сделан скол.

Во-вторых, выявилось два разных образца очистки нуклеуса от желвачной корки - чешуйчатыми сколами и удлиненными. (Помните картошку?)

А теперь введем в наше исследование сами кремневые орудия. Кстати, кремневые орудия далеко не всегда легко отличить от кремневых сколов. Как правило, отличительным признаком является так называемая ретушь - мелкие наклонные сколы по краю кремневой пластины, делающие этот край острым. Но иногда сама пластина имеет достаточно острые края, вполне пригодные для определенных работ. Тогда понять, что это уже орудие, а не просто кремневый скол, можно только по следам использования - царапинам, затупленностям и прочее. Кстати, интересный методологический аспект: орудие от не-орудия может отличаться только тем, что первое использовали, а второе - нет. Это хорошо понятно криминалистам, знающим, как камень без всякой обработки становится орудием преступления. Более того, орудием преступления может стать, например, и гитара - тоже, конечно, орудие, но совсем другого труда. И это заставляет сделать еще одну методологическую зарубку в памяти: предмет становится орудием не столько потому, что его как-то специально обрабатывают или даже изготавливают, не столько потому, что его изготовили в определенных целях, сколько потому, что он в этих целях используется. А использовать любой предмет можно в самых разных целях. Камень может быть просто камнем, молотком, грузилом, прессом, строительным материалом, элементом декора и даже орудием убийства.

Но вернемся к нашему археологическому комплексу. Как мы уже определили, в нем есть и удлиненные пластины, и так называемые чешуйчатые сколы - они более округлой формы. Из первых удобно делать орудия типа шила, игла, проколки - для этого надо заострить угол между гранями. Или же ножи, наконечники копий, дротики - заостряя одну или две, или даже три грани. А из вторых удобно делать скребки и скребла: для этого надо заточить их по дуге.

Не менее важным оказалось установить среднее число сколов, сделанных на каждой стадии с одного нуклеуса и с каждого нуклеуса в целом. Это позволило определить первоначальный "объем производства".

Понятно, что кремневый материал, найденный на стоянке, - далеко не все, что было обработано: сколы терялись и выбрасывались, в том числе за пределами стоянки. Однако казалось важным определить, не сколько сколов и нуклеусов найдено, а сколько было создано.

Для этого проведем простейшую операцию: сопоставим число граней нуклеусов с числом сколов, отнесенных нами к последней стадии обработки нуклеуса, и уточним данные по максимуму (это требование понятно, если учесть, что нуклеус, с которого были сделаны "лишние" сколы, или сколы с "лишнего" нуклеуса могли быть утрачены, а вот появиться "лишние" сколы и нуклеусы ниоткуда не могли).

Например, если граней нуклеусов у нас 60, а сколов - 96, следовательно, 36 сколов не могли быть сделаны с этих нуклеусов. Если при этом нуклеусов 10, т.е. среднее число граней нуклеуса - 6, то на основании числа "лишних" сколов мы

должны реконструировать число первоначально обработанных нуклеусов как 16 ($10 + 36 : 6$).

Та же операция продельвается на каждой следующей стадии, причем при выявлении нового максимума пересматриваются данные анализа всех предшествующих стадий. Дело в том, что орудия было удобнее делать на сколах определенных этапов – не слишком изогнутых (то есть не на ранних этапах) и не слишком маленьких (то есть не на последних этапах). А значит, именно эти сколы чаще всего ломались и терялись. И именно о них нам важно узнать как можно больше – ведь гипотеза, что такие утраченные сколы были орудиями, представляется вполне обоснованной.

В результате мы получаем более достоверные данные о первоначальном объеме производства – то есть отделить объем производства от отходов производства. Но не менее важна информация о том, сколы каких стадий менее всего (относительно первоначального объема) представлены в реальном материале. Можно предположить, что уносились со стоянки прежде всего сколы, имеющие функциональное значение или превращенные в орудия. Они и должны были чаще всего теряться и ломаться.

Следующая задача, которую можно поставить, связана с количеством людей, занимающихся обработкой нуклеусов. Достаточно часто в ходе археологических раскопок по толщине культурного слоя, его насыщенности, по следам сезонных паводков и пр. можно определить длительность существования стоянки. По размерам жилищ, а также по выходу полезных веществ биосферы (наличие и количество съедобных рыбы, птицы, животных – потенциальных объектов охоты, растений, грибов, орехов; уточнить эти данные помогают найденные на раскопках кости, семена, скорлупа и прочее) региона можно определить число ее обитателей и поло-возрастную структуру населения. Подобные нормы разработаны биологами и антропологами. Эти данные позволяют выдвинуть гипотезы о количестве людей, занимавшихся обработкой кремня.

Так, на стоянке Сванта Саване, существовавшей 10 - 15 лет, где проживало около 50 человек, найдено 60 нуклеусов. Значит, в среднем обрабатывалось максимум 6 нуклеусов в год. Если этим занимались все взрослые мужчины стоянки – около 18 человек, – то получается, что каждый из них обрабатывал максимум 1 нуклеус за 3 года.

Эта гипотеза заведомо неверна, ибо при такой частоте действия приобретение устойчивых навыков, обучение, а тем более совершенствование техники невозможно. В то же время кремневый материал данной стоянки свидетельствует о высокой технике обработки кремня. Если что-либо делать раз в три года, то ни о какой технике и тем более ее прогрессе речи идти не может. Особенно когда речь идет о таком достаточно сложном и тонком деле, как верхнепалеолитическом кремневом производстве – чтобы достичь в нем мастерства, надо работать изо дня в день. Попробуйте сами и убедитесь.

Следовательно, занималось этим не все население, и даже не все мужское население, а весьма незначительная его часть, по всей вероятности, старики, вернее, мужчины преклонного возраста, которые уже не принимали участия в охоте. Только тогда была реальная возможность передачи навыков обработки кремня.

Вот такие любопытные и полезные наблюдения можно сделать в процессе чистки картошки, если при этом думать о чем-то возвышенном – например, о кремневых орудиях...

7. 2. СУНДУК МЕРТВЕЦА

Если первый материал данной главы относится к "пещерной" археологии, то этот - к подводной. Не вдаваясь сейчас в подробности изложения специфики подводной археологии и ее места среди других наук, обратимся к двум аспектам изучения ее источников.

Прежде всего, это относительно редко встречающийся в "сухопутной" археологии вид источников - корабли. Дело в том, что для археологии в целом не характерна мгновенная гибель и "консервация" памятника - все-таки памятники типа Помпей исключение, а не правило. Значительно чаще памятник постепенно и складывается, и разрушается. При этом в процессе разрушения воздействие антропогенного фактора очень сильно. Даже после сильного пожара на пепелище приходят люди, уносят сохранившиеся предметы и т.п. Таким образом, состав "мертвого", дошедшего до археолога памятника никогда не бывает идентичен по составу памятнику (тому же самому) "живому". А это значит, что археологи не имеют информации о реальном составе, наборе инвентаря на изучаемом ими памятнике. Причем речь идет именно о наборе, т.к. в целом по памятнику картина, конечно, иная - условно говоря, все вещи, бытовавшие на памятнике, рано или поздно теряются, ломаются и выбрасываются (если не увозятся и не уносятся) - так что по памятнику в целом информация более или менее адекватна. Но на вопрос, "сосуществовали" ли данные вещи в пределах одного набора, ответить значительно труднее. Даже если пройтись по собственной квартире (а особенно, если еще и заглянуть на антресоли!), то можно обнаружить массу «реликвий» - вещей, уже давно вышедших из употребления, но хранимых как память о каком-то событии или человеке. У каждого типа предметов есть свой срок «жизни» - некоторые ломаются или устаревают очень быстро, другие могут использоваться веками – это зависит и от прочности, и от ценности вещи. Например, какая-то картина может входить в состав «инвентаря» нескольких поколений, а чайных сервизов может смениться несколько за десяток лет. Соответственно, если человек переедет на новую квартиру, он возьмет картину с собой, а вот сервиз, вполне возможно, купит новый. Значит, в старой квартире останется совсем не тот набор предметов, которым человек реально пользовался.

То же самое и с археологическими памятниками – мы знаем, что люди бросили или потеряли, но не что они сохранили.

Выше речь шла, понятно, о памятниках жилого типа - городищах, поселениях, стоянках и т.п. Остальные же типы археологических памятников еще менее в состоянии показать слепок с реальной жизни. Могильники, при всей их способности воспроизводить реальные условия жизни - тип жилища, способ передвижения, пищу и пр., - во-первых, воспроизводят их весьма специфическим и трудно интерпретируемым образом, а во-вторых, имеют тенденцию к запаздыванию относительно реальных условий - обряды, как известно, более консервативны и более устойчивы, чем реальные условия. Но об этом чуть ниже.

Другой тип памятников единовременного "сокрытия" - клады. Они вообще представляют собой срез только с одной стороны реальной жизни, да и то фрагментарный. Они состоят не из обычного единовременного набора «инвентаря», а из вещей, ценимых в данный период времени, но совсем не обязательно созданных или использовавшихся в одно и то же время – вспомним пример с картиной. Это означает, что, хотя клад и был создан в один конкретный момент времени, но содержит разновременные предметы.

Совсем другое дело - затонувшие корабли. Отправляясь в плавание, люди брали с собой минимальный набор инвентаря, необходимый в повседневной жизни. После затопления корабля воздействие антропогенного фактора на процесс "растаскивания" этого набора практически исключен. Таким образом, мы имеем дело со слепком с "живого" набора. Выше мы говорили о том, что каждый тип вещей имеет свою скорость распространения и свой не только пространственно-временной, но и социальный ареал. Археологи реконструируют, как правило, последовательность предметов в каждой эстафете, но вот вопрос о том, какие этапы данного набора эстафет синхронны, находит свое решение далеко не всегда.

Конечно, надо отметить, что на корабле мы имеем слепок с минимального набора, во-первых, а во-вторых, с набора, характерного для определенной социальной группы - мореплавателей. И тем не менее он позволяет корректировать наблюдения, сделанные на "сухопутных" памятниках. Пожалуй, в этом наиболее интересный аспект исследований в подводной археологии.

Продолжая рассуждать в том же направлении, можно сделать еще одно интересное наблюдение. Как известно, при анализе вещевых комплексов учитывается прежде всего отнесенность вещей к определенному археологическому слою. Скажу очевидную вещь: в подобном комплексе вещи объединены по времени их выхода из употребления, а не по времени их создания или бытования. Учитывая, что разные виды археологических источников имеют разную длительность существования - в зависимости как от прочности материала, так и от своей ценности, - а также то, что они могут выходить из употребления на разных этапах своего существования, подобная ситуация не

только требует к себе пристального внимания и корректной интерпретации, но и нуждается в целенаправленном осмыслении неких основополагающих понятий, в частности, бытования вещей.

Чуть остановимся и на выходе вещей из употребления на разных этапах их бытования, а именно уточним, какие, собственно, бывают эти этапы. Основано это уточнение на утверждении, что любая вещь в основе своей полифункциональна – о чем мы уже говорили. Однако ряд ее функций реализуется не параллельно, одновременно, а последовательно. Наглядным примером может служить перенесение вещи из сферы "живой" реальности в реальность загробного мира – например, сосуды, которые ставили в погребение, имели уже несколько иную функцию, чем быть вместилищем для каши (речь идет, естественно, не о христианском обряде погребения, который почти не содержит вещей, а об обрядах ранних форм религии). Впрочем, об этом чуть позже.

Но и в рамках "живой" реальности происходит смена функций, может быть, менее заметная для глаз столь отдаленного от нее во времени наблюдателя, как археолог. Особо значимым представляется переход вещи из сферы практического применения в сферу применения идеологического. Я имею ввиду несколько возможных вариантов. Во-первых, вполне повседневная вещь может стать реликвией, напоминанием, если она использовалась каким-то знаменитым человеком или при каком-то значимом событии. Во-вторых, она может стать символом – не только в узком смысле слова, но и как, например, театральный реквизит, музейный экспонат. В-третьих, при прочности материала, из которого изготовлен предмет, он может менять свою функцию в связи с тем, что его первоначальное предназначение исчерпано – как, например, манеж для лошадей, ставший выставочным залом. В довольно редких случаях вещь может вернуться к первоначальной функции – например, икона изначально была предметом культа, затем, в советское время, – музейным экспонатом, а теперь ее возвращают в храм.

Однако выявить функцию, доминирующую на данном этапе бытования вещи можно, как правило, только по контексту, т.е. основываясь на наборе инвентаря в его совокупности. А именно это, как уже указывалось, трудно сделать при анализе комплексов с "сухопутных" памятников. Комплекс вещей, выступающий по отношению к данной вещи нормативной системой, дает основания для адекватной интерпретации, для грамотного датирования вещи и комплекса в целом. Если камень находят среди кухонной утвари, значит, он – гнет. Если среди инструмента – значит, он молоток, если на стройке – значит, материал для строительства. А если камень найден рядом с трупом, то вполне возможно, что это орудие убийства.

Замечу, что, как об этом уже говорилось выше, главное в нашем исследовании – не столько предложить новые, оригинальные решения, сколько поставить нетрадиционные вопросы или же выделить нетрадиционные аспекты в уже известных направлениях. Основные положения теории социальных

эстафет, в общем-то, самоочевидны. Ее заслугой, на мой взгляд, является концентрация внимания на этих самоочевидных вещах, в результате чего выясняется, что мы далеко не все еще изучили в этой очевидности, не все учли и исчерпали.

7.3. ПОСЛЕДНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Начнем, как и в предыдущей главе, с древнейшего периода, для изучения которого привлекаются прежде всего археологические источники. Это представляется мне важным, поскольку, как уже говорилось выше, археологи зачастую вынуждены писать археологию, а не историю - слишком не разработан все еще механизм исторической интерпретации археологических источников. Однако существует круг источников, который как бы прямо создан для написания именно исторических работ. Это прежде всего поселения и погребения.

То, что в погребении отражены многие стороны реальной жизни - начиная от типа жилища и кончая модой на бусы, - ни у кого не вызывает особых сомнений. Вопрос заключается в том, что отражение это всегда искаженное, и принцип искажения почти никогда не известен. Изучение погребений, как правило, плавно переходит в изучение погребального обряда, а в ряде случаев и в изучение представлений о загробном мире. Некоторые попытки, в большинстве случаев неудачные, известны по литературе, хотя есть и работы, утверждающие принципиальную невозможность изучения представлений о загробном мире по археологическим данным.

Ход рассуждений тех, кто считает возможным изучение представлений о загробном мире по погребениям (я в их числе), весьма прост: погребение - результат совершения неких действий. Реконструкция этих действий по их результату в принципе возможна. Сами действия совершаются с какой-то целью. Реконструкция целей по действию сложна, но возможна. Цели более или менее адекватно отражают представления о загробном мире, реконструкция которых тем самым - задача не безнадежная.

Как представляется, основная причина неоднозначности и неубедительности получаемых в таком исследовании результатов кроется в том, что оно однонаправлено - от погребения через обряд к религиозным представлениям. И если первый этап - от погребения к обряду - имеет более или менее четко очерченное поле интерпретаций, т.е. число возможных вариантов гипотезы конечно, то второй этап дает практически неограниченное интерпретационное поле, а тем самым и очень слабую вероятность выбора нужного варианта и столь же малую его достоверность.

Я думаю, что более перспективно исследование данной проблемы встречными потоками - от погребения к обряду и от религиозных представлений - к нему же. Естественно, возникает вопрос, на основании каких данных могут

решаться вопросы, связанные с представлениями о загробном мире. И здесь на помощь могут прийти теория социальных эстафет и моделирование, конкретно - одна из его разновидностей: создание логических внутренне непротиворечивых моделей. Вся современная наука о человеке сходится во мнении, что человеческое сознание не может породить ничего такого, что не имело бы аналогов, образцов в окружающей его действительности. Таким образом, задача по существу сводится к выяснению принципов трансформации реальных образцов при "разработке" модели загробного мира (слово "разработка" здесь взято в кавычки, поскольку я не предполагаю, что представления о загробном мире возникали осознанно и целенаправленно). Понятно, что данный подход применим в том случае, если подразумевается аксиома о религиозных корнях совершения погребения, а не гигиенических.

При анализе проблемы в таком аспекте выясняется, что модель любого загробного мира состоит из стандартного набора блоков. Прежде всего это блоки характеристик загробного мира - месторасположение, тип существования умерших, социальная и имущественная структура. Далее следуют блоки признаков, характеризующих соотношение миров - способ попадания в загробный мир, средства передвижения, используемые при этом, трансформация вещей, степень адекватности отображения земных характеристик покойного (имущественной, социальной, половозрастной и т.п.). И наконец блоки характеристики погребения - роль захоронения, длительность пребывания в могиле, цель пребывания в могиле, потребности покойного в период пребывания в могиле пр.

Для каждого такого блока существует конечное число возможных образцов, а следовательно и вариантов реализации, особенно если принимать во внимание не только формальную возможность, но и реальные экологические и культурные условия. Так, в местности, где нет судоходных водных пространств, маловероятно появление в погребении лодки как средства перемещения.

Загробный мир может иметь либо реальные географические координаты (дравиды Индии указывают вполне конкретное место в горах), либо псевдореальные (на каком-то острове), либо располагаться под землей или в небесных сферах. От его месторасположения зависит способ передвижения (если таковой требуется): пешком - если оно близко (в могиле будет походное снаряжение), верхом - если месторасположение далеко, но его координаты реальны или псевдореальны, в колеснице - в могиле будет лошадь либо с упряжью, либо с колесницей, в ладье - если для попадания в загробный мир требуется пересекать водные пространства. Если загробный мир находится под землей или в небесах возможно использование фантастических или хтонических существ - драконов, крылатых змей и пр. В случае, если перемещение происходит непосредственно духом, то в погребении может не оказаться никаких средств передвижения.

Очень многое в реконструкции представлений о загробном мире зависит от интерпретации блока характеристик погребений, а в особенности - цели и

сроков пребывания покойника в могиле и его потребности в этот период. Дело в том, что в ряде случаев покойный навсегда остается в могиле - это и есть его загробный мир. Тогда могила - это жилище. В других случаях могила - это чистилище или пункт ожидания. Так, в триалетских курганах в погребении одновременно встречаются колесница без коня, походное снаряжение и огромные кувшины, явно не приспособленные для перевозки. Здесь возможен вариант интерпретации - покойному в погребении предстоит ожидание, затем переезд в загробный мир на колеснице, запряженной неким фантастическим существом.

Этот этап исследования может вызвать вполне справедливые замечания по поводу слишком большого объема работы, с одной стороны, и опять-таки слишком большой роли субъективных воззрений исследователя в выборе варианта - с другой. Но именно в силу этих препятствий на пути анализа имеет смысл строить внутренне непротиворечивую модель, перебирая не все варианты, а только те, конкретизация которых возможна на материалах данного погребения. Кроме того, выбор должен осуществляться с учетом двух принципов - полного согласования всех блоков и знакомство данного социума с образцами, трансформация которых предполагается в погребальном обряде.

В большинстве моделей предполагается наличие каких-либо привязок, норм, позволяющих контролировать ход моделирования. Такими привязками в данном случае являются семантические ряды, используемые в обряде и фиксируемые в погребении, такие как змея, солнце, яйцо, кровь и т.п. Здесь кроется вполне естественная трудность - такие символы, как правило, полисемантчны, и выбор правильного значения не так прост. Змея, рассматриваемая как символ медицины, может привести нас к выводу о том, что люди в загробном мире болеют (что не полностью исключено, однако маловероятно), или заставить отнести всю массу погребений с этим изображением к погребениям врачей (что вероятно еще меньше, поскольку таких символов - змей - множество). В то же время змея обладает одним неопределимым качеством для общения с загробным миром - она меняет кожу. А здесь уже скрыто указание на тип перерождения. В работе с полисемантическими символами следует придерживаться тех же двух принципов - полного согласования и знакомства с реальным образцом.

Известно, что для искусственных систем, каковой является погребение, избыточность информации минимальна. Это заставляет искать те значения символов, которые были бы принципиально важны для определения места покойного в загробном мире или для его характеристики.

Но даже если блоки характеристик уже уточнены, и внутренне непротиворечивая модель загробного мира разработана, сложности еще не исчерпаны. Необходимо учитывать, что при реализации представлений в погребении возможна заменяемость предметов, которую легко принять за разные варианты, отражающие разные характеристики. Так, если в одном погребении есть чаша, а в другом - бокал, то это может указывать на что-либо,

различающее покойных (возраст, пол, например), а может и не указывать, поскольку для обряда важно только наличие сосуда для питья.

Другой вариант - имитация неких необходимых элементов погребения. Она может быть в форме реальных предметов, но "ненастоящих" - маленьких размеров или плохого обжига и т.п., а может в виде изображения, придания определенной формы могиле (например, формы ладьи), выкладывания изображения из камешков и пр. Возможно и делегирование элемента в виде его фрагмента - например, вместо виночерпия выступает просто черпак, вместо стремного - миниатюрные стремена.

Особенно распространен такой вариант - замещения - в период угасания обряда. С ростом имущественной дифференциации все сложнее становится сохранить изначальное равенство погребального инвентаря - это проявляется, с одной стороны, в появлении предметов из разных материалов, в том числе драгоценных металлов в погребениях богатых людей, и с другой стороны, в появлении имитаций в погребениях бедняков. Аналогичная ситуация возникает в период отмирания рабства.

Признаюсь, что данные рассуждения полностью справедливы только для "чистых" обрядов на стадии их расцвета - для смешанных обрядов или для обрядов вырождающихся, равно как и формирующихся, построение модели будет выглядеть далеко не так просто (хотя и возможно). Пересечение различных образцов в реальной жизни дает в ряде случаев совершенно немыслимые трансформации в представлении о загробном мире. Еще хуже дело обстоит с обрядами в тот период, когда образец восприятия уже утрачен, остается только образец действия, т.е. люди еще знают и помнят, как полагается хоронить, но уже совершенно не понимают значения тех или иных элементов. Можно провести следующую аналогию: если на стадии расцвета обряда люди знают, что они хотят "сказать" погребением, и знают, как можно передать этот "текст", причем у них под руками для этого большой "словарный" запас, то в дальнейшем они помнят только отдельные "слова", которые чаще всего употреблялись в предшествующий период, но не могут изложить связный "текст".

Надо учитывать еще одно обстоятельство - мы можем и не догадываться о том, какие характеристики человека являются важными для определения его положения в загробном мире в данном социуме. Кроме вполне понятных половозрастных и социальных характеристик это могут быть обстоятельства смерти - от удара молнии, например, - внешности, неких обстоятельств жизни. Эти характеристики при отсутствии письменных источников выявляются очень редко, но возможность их наличия в представлениях необходимо иметь в виду.

И последнее. Чем менее "реален" загробный мир и способ попадания туда, тем сложнее реконструкция представлений о нем. Наиболее яркий пример - христианство. Расположение загробного мира в ином пространственно-временном континууме, а главное - попадание туда непосредственно душой лишает погребение многих характерных признаков. Правда, чисто христианское

погребение - относительно редкое явление, всегда примешиваются те или иные языческие элементы, но и в этом случае интерпретация весьма сложна.

7.4 БЫЛА ЛИ В РАЮ ГЛИНА

Археологические источники являются продуктом взаимодействия природы и общества, как в плане связей типа «сырье - изделие», так и в более сложных отношениях. Менее очевидно, что природные факторы формирования и порожденные ими характеристики источников не принадлежат к сфере археологического исследования, не могут изучаться его методами и в рамках его задач. Это связано с тем, что природные факторы формирования археологического источника развиваются и функционируют по законам, не входящим в область археологической аксиоматики, что порождает требование рассматривать их отдельно, вне исторического контекста. Это требование вполне понятно и легко осознаваемо. Значительно большая трудность встает на пути его реализации. Вычленение в археологическом источнике чисто исторического, социально-культурного и отличие его от природного для автономного исследования – процесс сложный и не всегда однозначный.

В то же время нерасчлененность факторов формирования источника на природные и социальные приводит либо к отсутствию анализа природных факторов, либо к анализу их в рамках исторического, то есть в чужеродной им системе аксиом и гипотез, верификаций и аргументаций. Первое приводит к тенденции объяснять все характеристики источника как социально обусловленные, второе - к складыванию еще более сложной ситуации, когда природные факторы рассматриваются как функционирующие по историческим законам.

Если вышеуказанные трудности связаны больше с теоретическим и методологическим уровнями исследования, то размытость понятий сходства и различия – проблема сугубо практическая. Археолога интересует сходство и различие социального, историко-культурного в источнике. Отсутствие четких критериев его выделения может привести к тому, что, например, единообразие архитектуры высокогорных районов мира, связанное прежде всего со сходством природных условий, может породить гипотезу о какой-либо культурно-этнической общности населения. В то же время обряды погребения в каменных ящиках и деревянных домовинах (при прочих сходных элементах обряда) могут быть интерпретированы как качественно различные, тогда как это различие обусловлено наличием в данной природной зоне того или иного сырья.

Во избежании подобных ситуаций представляется наиболее рациональным следующий путь исследования:

1 этап. Различение природного и социального в археологическом источнике. К природным факторам относятся не только сырье, но и его технологические показатели, влияющие на процесс изготовления, и обусловленность его состава местными климатическими, геологическими и прочими условиями. При составлении описания изучаемого явления его характеристика проверяется на природную обусловленность.

2 этап. Построение теоретических моделей биосфера и общества в рамках решаемой задачи.

3 этап. Совмещение автономных моделей, то есть проверка их на взаимную непротиворечивость. При этом, когда в моделях обнаруживается несовпадение данных, предпочтение отдается элементам природной модели, как наименее связанной с субъективными факторами.

4 этап. Взаимное дополнение моделей.

5 этап. Выявление элементов производной модели, несущих новую историческую информацию.

При построении моделей наибольшее внимание следует уделять моментам, влияющим на их достоверность, степень адекватности их изучаемым явлениям. Одним из них является степень опосредованности элементов построения по отношению к источнику, то есть количество предположений и допусков, ввод которых необходим для определения того или иного элемента. Вполне понятно, что, чем оно больше, тем менее достоверно введение элемента в модель. Следует учесть, что в построении моделей могут принимать участие не только элемента объективной реальности прошлого (сами источники), но и элементы условно-объективной реальности, адекватно отраженные в источнике (наличие круговой керамики однозначно свидетельствует о наличии гончарного круга). Однако не меньшее место в модели занимают элементы субъективной реальности, построенные как на конкретных данных, так и на ряде допусков и предположений. Именно к ним относится критерий опосредованности.

На степень достоверности модели влияет и ширина поля интерпретаций ее элементов и модели в целом. Чем шире поле возможных интерпретаций, тем менее достоверно выбранное предположение. В идеальном случае модель (и ее элементы) должны иметь только одну интерпретацию. Однако не следует забывать о законе «бритвы Оккама»: при наличии нескольких интерпретаций предпочтение отдается той, которая требует меньше допусков и предположений.

При оценке степени достоверности моделей немаловажны и типы причинно-следственной связи между ее элементами, которых можно выделить два – назовем их условно связями типа «дерева» и типа «круга». Связь типа «дерева» - та, при которой элемент модели является порождающим по отношению к следующему, который, в свою очередь, обуславливает последующий. Последовательность элементов понимается в данном случае как

степень их удаленности (опосредованности) от реального материала - археологического источника. Направление отсчета – от материала к гипотезе все более высокого уровня. Иначе говоря, связь типа «дерева» - та, при которой каждый элемент является следствием предыдущего и причиной следующего, но сами предыдущий и последующий элементы связаны между собой опосредованно.

Связь типа «круга» - та, при которой один элемент порождает целый круг других элементов, обуславливающих друг друга. Иначе говоря, связь типа «круга» - та, при которой каждый последующий элемент обусловлен всеми элементами предыдущего уровня построения.

Число элементов, обуславливающих данный, служит критерием достоверности введения его в модель: чем оно больше, тем выше достоверность. Из этого следует, что связь типа «круга» обеспечивает большую достоверность построения, чем связь типа «дерева». Однако основным критерием достоверности модели служит ее внутренняя непротиворечивость.

Совмещение корректно построенных моделей природного и социального факторов позволяет скорректировать их по наиболее достоверным элементам, что значительно повышает достоверность совпадающих элементов моделей, а также усиливает их связь с другими элементами. Все это дает возможность сузить интерпретационное поле и оценить адекватность производной (совмещенной) модели, которая проверяется на корректность и достоверность аналогично проверке автономных моделей.

Итогом наших рассуждений может стать вывод о необходимости более широко и целенаправленно привлекать данные вне-источникового (вне-археологического) знания. Анализируя их без учета исторического контекста, мы, по существу, говорим и создании вне-исторического источниковедения.

8. КНЯЗЬЯ И ИЗГОИ (у истоков государства российского)

8.1. НАСЛЕДНИКИ ПО КРИВОЙ

Наверное, многие из нас хотя бы раз задумывались, встречая в книгах «граф», «князь», «барон», «герцог»: а кто, собственно говоря, они такие? Чем они отличаются друг от друга? Какие у них обязанности и права? В каких отношениях между собой они состоят?

Все эти вопросы связаны со структурой власти, которая формировалась постепенно, в течение долгих веков, поэтому стоит начать этот разговор «от печки» - с истории древней Руси.

Но вот проблема: "если относительно главного владельца в стране нам кое-что известно, если не по русским источникам, то хотя бы по материалам других славянских государств, поскольку можно предположить, что в других славянских странах между старшим князем и меньшими господствуют те же самые отношения, какие и у нас на Руси, то ни у нас, ни в других славянских землях не осталось памятника, в котором бы изложены были все права и обязанности князей между собою и по отношению к главному князю. Нам остается одно средство узнать что-нибудь о междукняжеских отношениях: искать в летописях, нет ли там каких-нибудь указаний на эти права и обязанности князей, послушать, не скажут ли нам чего-нибудь сами князья о тех правах, которыми они руководствовались в своих отношениях". Здесь высказана основная ориентация С. М. Соловьева в научном поиске - ориентация на поиск образца, по которому можно было бы выявить общую закономерность.

Основная тема взаимоотношений князей - родственная любовь. "Князья должны любить друг друга, слушаться друг друга, слушаться старшего брата как отца... Пройдет век, полтора века, князья размножатся, племена (линии) их разойдутся, и, несмотря на то, все будут называть себя братьями без различия степеней родства; в летописных известиях о княжеских отношениях мы не встретим названий - двоюродный или троюродный брат... Князья не теряют понятия о единстве, неразделенности своего рода; это единство, неразделенность выражались тем, что все князья имели одного старшего князя, которым был всегда старший член в целом роде, следовательно, каждый член рода в свою очередь мог получить старшинство, не остававшееся исключительно ни в одной линии".

Основанием страшинства было старшинство физическое, однако "мы видим иногда, что некоторые князья и целые племена (линии) княжеские исключаются из родового старшинства и это исключение признается правильным. Каким же образом могло произойти подобное явление?.. Первоначально род состоял из отца, сыновей внуков и т. д.; когда отец умирал, его место для рода занимал старший брат; он становился отцом для младших братьев, следовательно его собственные сыновья необходимо становились братьями дядьям своим, переходили во второй, высший ряд, из внуков в сыновья.., дядья называли их братьями; но другие их двоюродные братья оставались по-прежнему внуками... случись при этом, что князь умирал, не будучи старшиною рода, отцом для своих братьев, то дети его оставались навсегда на ступени внуков несовершеннолетних: для них прекращался путь к дальнейшему движению". "Известная волость могла сделаться наследственным достоянием какой-либо одной княжеской линии только в том случае, когда князь по вышеизложенным причинам терял возможность двигаться к старшинству лестничным восхождением; тогда, получив от родичей какую-либо волость, он и потомство его принуждены были навсегда ею ограничиться, потому что переход из одной волости в другую условливался возможностью движения к старшинству, не существовавшей для изгоев". Сложновато и запутанно, правда?

Эти наблюдения сделаны С. М. Соловьевым двумя способами: распространением единичного высказывания на общую ситуацию, т.е. предполагая, что данное высказывание "вписано" в эстафету восприятия всех князей, и сопоставлением эпизодов из жизни разных князей с целью выявления неких закономерностей, основанным на предположении, что сходство в судьбах, сопровождающееся сходством в положении на иерархической лестнице, есть факт воспроизведения некоего образца.

Здесь мы сталкиваемся с примечательным явлением - реконструкцией образца как одной из специфических научных исторических процедур. А коли она есть - есть и ориентация на изучение образцов. Вопрос только в том, что для ее "вступления в силу" необходимо выдвинуть предположение, что некий образец существует. И наиболее сильные историки, как правило, его выдвигали.

Вопрос о "княжом праве" неоднократно дискутировался в течение последних полутора столетий, однако ни одна из выдвинутых исследователями гипотез не получила однозначного подтверждения. Дело в том, что выяснение закономерностей наследования княжений должно, безусловно, базироваться на данных источников, основную массу которых в рассматриваемый период составляют летописи. Но вот утверждения каждого конкретного летописца по поводу права того или иного князя на данное конкретное княжение часто, как уместно предположить, субъективны. Летописец – фигура, в определенном смысле, политическая, он защищает интересы своего князя, интерпретируя события в его пользу, а иногда и подтасовывая их.

Кроме того, система наследования, скорее всего, связана с иерархией князей, а последняя, в свою очередь, - с их возрастом. Но сведений о дате рождения князей, а следовательно, и об их возрасте в тот или иной описываемый летописью момент последняя, как правило, не содержит.

И тем не менее ряд концепций был разработан. По мнению Соловьева и Ключевского в старшую группу князей входили сыновья и братья великого князя, причем иерархия в ней строилась по возрасту, а не по степени родства. В изгой попадали сыновья князя, изгнанного с княжения или умершего раньше своего отца. В оппозиции к этому мнению стоит концепция А. Преснякова, считающего, что никаких жестких закономерностей в передаче княжений не было, а схема Ключевского - Соловьева является надуманной, искусственной и усложненной. Попробуем разобраться в правоте той или иной концепции.

В основу модели была положена концепция Соловьева - Ключевского, поскольку моделировать отсутствие жестких закономерностей несколько сложнее, чем их наличие. Соловьев основывался на предположении, что существовал некий образец передачи княжения, который и следует выявить. Для проверки адекватности этого предположения нам следует определить старшую группу князей (сыновья и братья великого князя), построить возрастную иерархию в группе и на основании этих данных проследить процесс смены великого князя (им становился старший в группе на момент смерти предыдущего

князя). Если концепция Соловьева - Ключевского верна, то полученный нами ряд великих князей будет соответствовать порядку наследования великого княжения в исторической реальности.

Для построения такой модели наследования необходимы сведения о времени рождения князей, к сожалению, как правило, отсутствующие в источниках. Поэтому на первом этапе была сделана попытка рассчитать их на базе анализа статистических закономерностей.

Система наследования, равно как и иерархия князей Рюрикова дома не была раз и навсегда заданной застывшей схемой. В силу этого мы должны предположить, что на определенном этапе модель может перестать соответствовать исторической реальности.

Проверка проводилась по сведениям о новгородских князьях, потому что это княжение было особо значимым в иерархии русских княжеств - ошибки в описании его князей могли бы существенно повлиять на достоверность модели, а затем проверка проводилась по сведениям одной - Ипатьевской - летописи обо всех упоминающихся в ней князьях.

Из более, чем 300 князей, известных нам для периода до монголо-татарского нашествия, даты рождения указаны только для 28. Попытаемся проследить закономерности упоминания этих князей в связи с получением княжений. Второй раз князья упоминаются в возрасте около 4 лет, причем названы князьями (при записи рождения говорится только как о сыновьях князя). Следующий раз они упоминаются в возрасте около 14 лет как соправители старших братьев или "дядек". И затем, будучи старше 19 лет, фиксируется получение самостоятельного княжения. Это, казалось бы, дает нам некоторые основания для дальнейшего анализа, однако выборка слишком мала и, возможно, не репрезентативна: если, как мы уже говорили, фиксируются прежде всего события экстраординарные, то, поскольку в целом даты рождения князей не отмечаются, вполне вероятно, что в тех случаях, когда они фиксируются, в этом событии было нечто необычное.

Поэтому попробуем проверить наши результаты на группе сообщений о князьях, в которых указаны две последовательные смены княжений. Наше предположение состоит в том, что если система, выявленная нами на сведениях о 28 князьях, верна и если существует единый образец фиксации смены княжений, а также если правы С. М. Соловьев и В. О. Ключевский и некий образец смены княжения все же существует, то интервал между этими упоминаниями будет соответствовать интервалу между вторым и третьим (10 лет), вторым и четвертым (15 лет) или третьим и четвертым (5 лет) упоминаниями в первой группе. И мы оказались правы! Более того, удалось заметить, что получение самостоятельного княжения часто отстоит на 2 - 3 года от женитьбы князя. Полученные возрастные градации вполне поддаются содержательной интерпретации: 4 года - время первого пострига; 14 лет - время первого причастия; 19 лет (этот порог, надо отметить, максимально размыт, 19 лет взяты нами как пик распределения) - возможно, рождение первенца мужского пола.

Теперь мы имеем возможность вычислить даты рождения большинства князей древней Руси. За громоздкостью материала не буду приводить его отдельно.

Получение дат рождения князей позволяет перейти к выявлению образца передачи княжения и построению иерархии старшей группы князей по концепции Соловьева - Ключевского.

Для великих княжений Владимира Святого (956 - 1015 гг.), Святополка (975 - 1019 гг.), Всеволода (1030 - 1093 гг.), Святополка (1050 - 1123 гг.), Владимира (1053 - 1125 гг.) и Ярополка (1082 - 1139 гг.) данные модели и реального хода событий совпадают. В некоторых случаях модель дает альтернативный вариант: так, после смерти Святополка великое княжение может перейти либо к Мстиславу, либо к Ярославу, вычисленные даты рождения которых совпадают, а после смерти Владимира - к Мстиславу или Ярославу. В обоих случаях реальный ход событий находится в рамках альтернативных вариантов.

В трех случаях данные модели не совпадают с реальным ходом событий. В 1054 г. старшим после смерти великого князя Ярослава остается Судислав, к которому и должно перейти великое княжение. Однако этого не происходит. Летописи глухо сообщают о том, что Ярослав бросил его "в поруб", после чего он, согласно концепции Ключевского - Соловьева, право на княжение потерял. (Уже тогда осужденный терял право на «политическую деятельность»). Следующим по старшинству в группе был Изяслав - он и получил великое княжение.

К моменту его смерти старшим в группе оказывается Всеволод, который и должен был получить великое княжение. В действительности ход событий оказался сложнее. В процессе княжения Изяслав бежал из Киева, и великое княжение перешло к Святославу, который княжил до своей смерти, после чего на два года великокняжеский стол опять занял Изяслав. И только после смерти Изяслава великое княжение попало к Всеволоду. То есть, по сути, все произошло согласно модели, только Святослав затесался, потому что на момент бегства Изяслава старшим был он.

Последний случай связан с захватом Киева Всеволодом. После Ярополка великое княжение должно было перейти к Вячеславу, однако летописи указывают на незаконный захват Киева Всеволодом. Таким образом, все выявленные случаи отклонения данных модели от реального хода событий связаны с экстраординарными, отчасти "незаконными" ситуациями. Это только подтверждает общую справедливость построения.

Рассмотрение иерархии русских князей старшей группы доведено до великого княжения Юрия Долгорукого, т. к. в дальнейшем система явно распадается и модель перестает соответствовать реальности, как мы, собственно, и предполагали.

Аналогичным образом была проанализирована система изгойства, позволившая не только подтвердить моделируемую концепцию, но и уточнить, что изгоями становились не любые сыновья князя, утратившего княжение или

умершего раньше своего отца, а только не достигшие к этому моменту 14-летнего возраста.

Таким образом, можно считать подтвержденной концепцию Ключевского - Соловьева. И это очень любопытно: получается, что понятие семьи как ячейки, состоящей из родителей и детей, на социальном уровне не существовало. С одной стороны, такие отношения выглядят симпатично: все друг другу братья, можно сказать, христианско-коммунистический идеал. Но с другой стороны, система становилась настолько сложной и запутанной, что реально никто не мог с уверенностью предполагать свою судьбу – кроме, пожалуй, изгоев. Каждый воспринимал свое княжество как некую временную остановку, и естественно, его не очень заботило развитие и благосостояние княжества – все равно оно после него достанется какому-то дальнему родственнику... И срабатывал принцип “схватить побольше и убежать подальше”.

Однако это не единственный результат проведенного анализа - в ходе него выявились некоторые аномалии в летописных сообщениях.

1. В 1168 г. в возрасте около 24 лет умирает Володьша Васильевич, оставив сыновей Андрея и известно только по внукам Микулу. Последний имеет двух сыновей, Всеслава и Изяслава, даты рождения которых - не позднее 1160 и 1166 гг., что вступает в резкое противоречие со здравым смыслом: старший внук Володьши Васильевича родился, когда тому было 16 лет. Возможно, что Володьша и Микула - одно и то же лицо, тем более, что сведений о самом Микуле и его владениях у нас нет. Использование двух имен встречается в летописях: одно имя было "мирским" - в данном случае это Владимир, - а второе "крестильное" - в данном случае это Николай.

2. Аналогичная ситуация складывается с Михаилом Вячеславичем. Его отец Вячеслав родился в 1094 г., т. е. Михаил мог родиться приблизительно в 1114 г. Михаил Вячеславич умирает в 1130 г., следовательно, в возрасте около 16 лет, оставив сына Романа. Однако Роман не становится изгоем, т. е. ему к этому времени больше 14 лет. Тогда его отцу, Михаилу, должно было быть в момент рождения сына 2 года, что абсурдно. я приблизительно в 1100 г., что вступает в противоречие с датой рождения Вячеслава, которому в момент предполагаемого рождения сына около 6 лет. Проверим по событиям, отраженным в летописи.

В 1113 г. Вячеслав получает Смоленск, т. е. в это время ему 14 или 19 лет. Но 14 лет ему быть не может, т. к. тогда год его рождения - 1099 г., а в 1096 г. он уже упоминается в Повести временных лет. Это значит, что год его рождения - 1092-93. Однако существуют основания и указания считать Вячеслава старше Юрия Долгорукого, родившегося в 1090-91 г., да и В. Н. Татищев под 1107 г. говорит о Вячеславе как о князе смоленском наряду с Ярополком. Но даже если это так, то сопоставление характерно для возраста 14 19 лет, т. е. для даты рождения Вячеслава мы получаем интервал 1088 - 1093 гг. В то же время Вячеслав никак не мог родиться раньше 1082 г., т. к. тогда его черед великого княжения пришел бы раньше, чем Ярополка. Непротиворечивый результат вычисления даты рождения Вячеслава следующий: по данным о Вячеславе - 1082

- 1088 - 1090 гг.; по данным о Михаиле - 1076 - 1086 гг.; по данным о Романе - 1076 - 1086 - 1088 гг.; итоговая дата - 1086-87 г. Тогда год рождения Михаила - 1106-7, а Романа - 1125-26, что снимает все противоречия.

3. Еще один случай аномалии связан с именем Владимира Всеволодовича, сына князя старшей группы. Он единственный раз упоминается в 1136 г., тогда ему около 4 лет (что не противоречит и другим сведениям, в частности, отсутствию упоминания о нем в сообщении о смерти его брата, Иоанна Всеволодовича, в 1128 г.) и более не появляется на страницах летописи. Изгоем он не был, поэтому умолчание непонятно. Столь же странная ситуация складывается с его дядей, тезкой и ровесником Владимиром Мстиславичем: он рождается в год смерти отца и тем самым должен быть отнесен к изгоям, но этого не происходит ни с ним, ни с его сыновьями. Эти противоречия снимутся, если предположить, что речь идет об одном и том же лице, и Владимир Мстиславич - результат описки. Отчасти этому противоречат сведения, приводимые В. Т. Пашуто о замужестве дочери Владимира Всеволодовича Софии, ставшей женой Вольдемара I. Однако отцовство Владимира Всеволодовича все же предположительно, т. к. речь идет о некоем Владимире, князе псковском, и противоречит хронологическим выкладкам: Владимиру в 1154 г. только 22 года и вряд ли его дочь уже могла выйти замуж. Видимо, отец Софьи - Владимир Борисович, известный нам пока только по упоминанию в Степенной книге как князя псковского.

Таким образом, концепцию можно считать подтвержденной, а наличие образцов наследования княжений и летописных упоминаний о князьях - установленным.

Скажем честно: исследования такого типа требуют муравьиного терпения... Имеют ли они смысл? Мне кажется, что да – невозможно проводить исследование по частному вопросу, если изучаемое событие происходит на неопределенном фоне. Это как фотография, где резкость сконцентрирована только на одном объекте, а все остальное в тумане. Но в истории ничто не существует обособленно, все взаимосвязано и взаимно определено...

8.2. КАК ЗВАЛИ РОСТИСЛАВА ИЗЯСЛАВИЧА?

Даже после такого кропотливого и нудноватого исследования нас все еще ждут неожиданности. На княжеских печатях указаны имена неизвестных нам князей Киевской Руси. Или неизвестные имена известных князей.

Известно, что для русских булл образцом послужили византийские печати, в результате чего на древнейших русских буллах надписи сделаны по-гречески. Однако в дальнейшем следование чисто внешней форме сменяется, на мой взгляд, следованием смыслу печати. А для того, чтобы подтвердить это предположение, требуется построить умозрительную схему того, что представляет собой булла. Это небольшие свинцовые кружки, которые много веков тому назад прикрепляли к документам для их удостоверения. Они содержат изображения и надписи – материал, зачастую уникальный.

Самые древние русские печати несут на себе княжеский знак – то есть символ титула – и условное изображение самого князя – владельца печати.

С принятием христианства появились печати митрополитов, сделанные по византийскому образцу. Они, видимо, так понравились князьям, что и те стали ему подражать – изображать на одной стороне святого покровителя владельца, а на второй – греческую надпись. В XI веке произошла реформа, в результате которой на печати появилась надпись "Дънеслово". Спустя век греческая надпись заменяется русской. Однако все эти типы печатей могли сосуществовать во времени вплоть до 1113 г. Для новгородской сфрагистики характерны как буллы со святым патроном и русской надписью, так и буллы с изображением двух святых, которые могут интерпретироваться как имя и отчество князя. Есть, правда, и другая интерпретация – двое святых это покровители соправителей. Тут любопытно, что святой покровитель соответствует имени князя при крещении – и это существенно затрудняет наше положение: летописи (наш основной источник для данного периода) крестильное имя почти никогда не указывают. С другой стороны, именно это делает буллы таким интересным источником – единственным в своем роде.

Различение аверса и реверса сводится по сути к различению юридической и информативной сторон буллы, причем юридическая выступает в качестве гаранта достоверности буллы, а информативная – индекса ее принадлежности. Проще говоря, на одной стороне должен быть указан "начальник", а на второй – "подчиненный", которому принадлежит булла.

Если это так, то в сфрагистическом материале должны быть представлены буллы с содержательным совпадением аверса и реверса – буллы великих князей, гарантом и владельцем которых является одно и то же лицо. И группы таких булл действительно есть – с греческой и русской благопожелательными формулами. Попробуем сравнить их состав со списком великих князей. Прежде всего мы наблюдаем, что для всех князей, чьи крестильные имена нам известны, кроме Изяслава-Пантелеймона, нашлись соответствующие буллы. Что же касается Изяслава-Пантелеймона, то он был лишь соправителем, и вполне возможно, права на собственную буллу не имел.

Некоторые сомнения вызывает у нас атрибуция булл Меркурия-Вячеслава и Юрия-Георгия Долгорукого, т. к. греческие надписи на буллах после времени Владимира-Василия Мономаха, когда жили эти князья, нехарактерны, а на буллах обоих они есть. В то же время Вячеслав княжил совместно с Изяславом-Пантелеймоном и Ростиславом-Михаилом, т. е. его крестильное имя должно быть на одних буллах с изображением Пантелеймона и Михаила. Булл с изображением Пантелеймона всего три вида – с изображениями Иоанна, Стефана и Федора на второй стороне. Булл с изображением Михаила больше – с изображениями Василия, Андрея, Дмитрия, Иоанна, Кирилла, Николая и Федора. Совпадают два имени из этих списков – Иоанна и Федора. Но Федором звали в крещение отца Изяслава и Ростислава – Мстислава. Тогда крестильное имя Вячеслава – Иоанн. Соответствующая булла с русской надписью есть среди неатрибутированных.

Для периода до Владимира-Василия Мономаха нами не определены печати Ярополка (правда, и сведений о наличии у него печати у нас нет), Владимира и Святополка. Неатрибутированных печатей значительно больше: Давида, Романа, Константина, Меркурия и Михаила. Последняя булла на обороте несет надпись с упоминанием принадлежности Михаилу, архонту Матрахи, Зихий и всей Хазарии, что, во-первых, позволяет атрибутировать ее Олегу-Михаилу Святославичу, а во-вторых, свидетельствует о том, что ряд булл данного типа мог принадлежать и не киевским князьям. Нам известны князья, так или иначе связанные с Тмутараканским княжеством, как и Олег-Михаил, что позволяет предположительно атрибутировать им соответствующие буллы. Печать Меркурия-Вентеслава может быть отнесена к Вячеславу Ярославичу.

Князья после Владимира-Василия Мономаха, чьи печати не выявлены - Ярополк, Андрей, Святослав, Мстислав Изяславич, Рюрик-Василий Ростиславич, Роман Мстиславич, Михаил и другие. Неатрибутированные печати с русскими благожелательными формулами: Давида, Дмитрия, Константина, Бориса, Даниила, Петра, Иякова и Федора и Дмитрия с посвящением Федору, что численно приблизительно соответствует числу князей, чьи печати не определены. Однако среди печатей нет изображающих Андрея, Михаила, Романа и Василия - патронов киевских князей, чьи крестильные имена нам известны. Не дает результатов и разбор дуумвирата Святослава Всеволодовича и Рюрика-Василия Ростиславича-Михайловича, и Рюрика-Василия и Романа Мстиславича. Это подтверждает сделанный нами на другом материале вывод о том, что после великого княжения Юрия Долгорукого система наследования великокняжеского престола распадается.

Князьям старшей группы могут быть отнесены печати с надписью "Дньнслово" и изображением княжеских знаков. Буллы же с изображением двух святых - видимо, специфически новгородское явление. Оно отражает двойной патронаж - гаранта-отца и владельца-сына. Подобное изображение имеет не только информативную, но и политическую нагрузку - гарантом буллы выступает не великий князь, а отец владельца, как правило, уже умерший. Посему можно интерпретировать и эти буллы как буллы с совпадением юридической и информативной сторон.

Таким образом, действительно, следование образцу формы сменяется следованием образцу содержания.

Это исследование - пусть и изложенное здесь фрагментарно - показывает сложности совмещения разных источников, особенно источников разного типа в решении одной задачи. Каждый источник несет информацию особого типа, изменяется со своей скоростью, отражает определенный срез истории общества и личности. И каждый источник имеет свою систему умолчаний, искажений и информационного шума.

8.3. ШАНСЫ НА СВЯТОСТЬ

Иногда самый простой, в каком-то смысле бытовой вопрос может вылиться если не в научное исследование, то в личный поиск ответа. И гораздо продуктивнее искать его методологически корректно.

Есть в Евангелии одна очень обнадеживающая фраза: «Будьте святы, ибо свят Отец ваш небесный». Что означает, что, во-первых, к святости нужно стремиться, а во-вторых, что важнее, ее можно достичь. Как человек практичный и рациональный, я сразу же задалась вопросом, что значит быть святым, а заодно - кто собственно населяет рай. И для ответа на этот вопрос я решила провести «социологическое обследование населения рая». И на этом основании предположить, каковы мои шансы туда попасть.

Как известно, Библия одна, а конфессий много. С помощью памятников житийной литературы можно узнать "социальные характеристики" рая и его "населения" с точки зрения канонизировавшей святых Церкви.

Для начала выберем интересующие нас характеристики: во-первых, пол. Возраст, наверное, можно не учитывать, поскольку речь идет о биологическом возрасте, а не о моменте, когда человек достиг святости. Во-вторых, профессия. Но в нашем случае это скорее не профессия, а сфера деятельности, которую мы подразделили на «миряне», «священство» и «монашество». Священство соответственно состоит из подгрупп «папы», «патриархи», «епископы» и «священники», а монашество – из подгрупп «монастырские» и «отшельники». Сложнее всего было с мирянами, поэтому я решила выделять подгруппы опытным путем. В-третьих, важной характеристикой является тип смерти – мученический или нет. Ну и четвертая характеристика – социально/имущественное положение семьи.

В связи с конфессиональными различиями в списке святых, я просчитала отдельно святых Католической и Православной Церквей. Поскольку речь шла не о научном исследовании, а об удовлетворении личного любопытства, то объем выборки я определила в 300 человек: это делало просчеты не слишком обременительными, но дающими основание выявить общие тенденции.

Первое разочарование постигло меня при анализе полового состава райчан: в православном календаре только чуть больше 13% женщин, а в католическом – 13,5%. Мои шансы явно невелики. Но лучше дам таблицей:

	православные	католики
папы	2	7
епископы	8	47
патриархи	0	2
священники	1	5
монахи	41	33
монахини	2	13
отшельники	5	4

мученники	74	29
мученицы	18	3
супруги – не мученники	0	1
девственницы – не муч.	0	3
реформаторы Церкви	0	2
основательницы конгрегации	0	1
королевы	0	1

Конечно, в мою выборку не попали все категории – есть еще князья, короли и императоры, в Католической Церкви есть и рабочие, предприниматели, основатели братств... Но выборка всегда отражает только основную тенденцию.

Таким образом, по половому признаку мои шансы на святость весьма скромны. По сфере деятельности – еще меньше: я не монахиня и не девственница. По социально-имущественному происхождению тоже не прохожу – ни королей, ни великих князей, ни богачей среди моих родителей нет (что как-то понятно, поскольку мои родители родились уже в советское время), а именно они составляют большинство как для святых мужчин, так и для святых женщин. Единственный для меня шанс – мученическая смерть за веру...

С другой стороны, такой социальный состав населения рая тоже как-то не вдохновляет...

Конечно, я понимаю, что Церковь канонизирует не всех святых, а только некоторых. Каких? Есть ли какие-то правила? Приведу выдержки из весьма поучительной статьи:

Е. Н. Темниковский*

Канонизация святых

Канонизация святых есть особый акт церковной власти, которым умерший подвижник благочестия причисляется к лику святых. Акт канонизации не должен быть отождествляем ни с начальным моментом почитания святого вообще, ни с начальными моментом его официального культа.

Исходным моментом канонизации нужно признать осуществление надзора епископами и другими церковными властями за отправлением культа в подведомственным им пределах. Основание (ratio) установления канонизации заключалось в стремлении предотвратить проникновение в церковный культ святых сомнительного или нежелательного элемента.

Поэтому свидетельства источников о положительных действиях церковных властей по установлению культа святых предшествуют по времени свидетельства об их отрицательных действиях в этом направлении по устранению сомнительных культов. Этот порядок засвидетельствован 17 правилом 6 Карфагенского собора 401 г. Собор предписывает епископам разрушать (evertantur) алтари, построенные как бы в память мучеников; но предвидеть, что это вызовет народный мятеж (tumultus populares): — в таком случае епископы должны ограничиться убеждением народа, чтобы он не

собирались в тех местах, где поставлены эти алтари, и чтобы правомыслящие не привязывались к таковым местам никаким суеверием. — Римские епископы с V в. усвоили себе право давать разрешение на посвящение (*dedicatio*) церквей и ораторий известному святому, чем имели в виду предотвратить посвящения их в честь неизвестных (сомнительных) святых и даже еретиков. Во франкском королевстве законодательство Каролингов засвидетельствовало аналогичный порядок, говоря *de sanctis noviter sine auctoritate inventis* и предписывая, чтобы такие святые не почитались *nisi episcopo probante*. Епископы и местные соборы от устранения злоупотреблений перешли таким образом постепенно к предупреждению их, что влекло за собой предварительное одобрение или неодобрение культа святого. — С X века отдельные епископы в целях придать культу святых больший авторитет и способствовать его распространению за пределами своих диоцезов (епархий) стала обращаться за одобрением к римскому престолу. С этого именно времени и возникает канонизация в том смысле, какой ей придается в настоящее время. Папа в большинстве таких случаев не мог располагать непосредственными сведениями, относящимися к лицу, о культе которого шло дело; естественно, явилась потребность в том, чтобы были представлены необходимые сведения и чтобы они были потом подвергнуты обсуждению с точки зрения возможности допущения или установления культа данного, лица, как святого. Так развилась подготовительная часть акта канонизации. Первая известная по источникам канонизация — Ульриха, епископа Аугсбургского 993 г., совершенная папой Иоанном XV. С перенесением дел о канонизации в ведение высшей церковной власти фактически пало право местных церковных властей на канонизацию, хотя прямо оно и не было отменено. Последнее произошло при папе Александре III (1181), который запретил публичное почитание кого-либо, как святого, без утверждения Римской церкви, т. е. папы. С этого же времени началось употребление термина — *canonisatio* (*canonisare*) от *canon* — список, *catalogus* святых. Вскоре от Римского престола стало зависеть и допущение почитания святого в одном каком-либо месте или церковном обществе (напр. ордене) — беатификация. После того, как дела о беатификации и канонизации были сосредоточены в *Congregatio rituum* (Сикст V, 1590), канонизационная процедура получила подробную и точную регламентацию в постановлениях папы Урбана VIII, 1644 г., Иннокентия XI, 1689 и Бенедикта XIV, 1758.

История канонизации в восточной церкви (греческой) почти совсем не обработана. Самый ранний документ, касающийся канонизации — впрочем, весьма поверхностно, — это грамота Константинопольского патриарха Иоанна Калеки (Апрена) Киевскому митроп. Феогносту (1339 г.) о мощах святителя Петра. Патриарх глухо упоминает об известных Феогносту «чине и обычае», каких «держится в таковых случаях церковь Божия», т. е. в случаях прославления угодников чудесами, и предписывает, «получить относительно сего (святого) твердое и несомненное удостоверение», поступить по тому же чину церкви — почитать и убожить угодника песнопениями и священными славословиями. В

чем состоял порядок и обычай, — остается неизвестным. Слово Константинопольского патриарха Филофея о причтении к лику святых Григория Паламы, архиепископа Солунского, видимо, свидетельствует о примитивном установлении культа его. Патриарх говорит, что жители Солуны со стоящими во иереях, согласившись, ставят Григорию икону, совершают праздник в день его кончины и воздвигают ему храм, не дожидаясь великих соборов и каких-либо общих решений, но довольствуются приговором и объявлением свыше (вероятно чудесами святого) и светлым и несомненным созерцанием дел (фактов) и верой. Грамоты патриарха Константинопольского Кирилла Лукариса о канонизации Герасима Кефалонийского 1622 г. и о канонизации Иоанна Критского и 98 его сподвижников 1632 г., далее грамота патриарха Константинопольского Гавриила о канонизации Дионисия Закинского позволяют констатировать уже более развитой порядок канонизации. Во-первых, канонизация совершается патриархом с синодом; во-вторых, она совершается по просьбе местных жителей, направляемой к патриарху чрез местного епископа (митрополита). В грамоте патриарха Гавриила упоминается, кроме донесений, еще обширная записка о жизни и деяниях святого Дионисия. Общих правил или постановлений о причтении к лику святых греческая церковь не имеет, или, по крайней мере, они не сделались достоянием науки.

В русской церкви канонизация, как церковно-юридический институт, если его строго отделять от фактов установления культа, также не выработан до настоящего времени. До половины XVI в. свидетельства об установлении культа святых церковными властями имеются только относительно некоторых святых. Но из них не видно какого-либо установившегося фактического порядка или обычновения; все зависело от конкретных особенностей отдельного случая и от усмотрения властей. Чаще всего последним приходилось только присоединяться к установившемуся уже культу и таким образом давать ему утверждение (*ratihabitio*) *post factum*. Обыкновенно предположениями возникновения культа были — обретение мощей, чудеса и народная вера в святость подвижника. Важное значение в истории канонизации имели соборы при митрополите Макарии (1547 и 1549), которые предприняли общую, так сказать, ревизию культа святых в русской церкви и канонизации целого ряда новых святых. Из 39 святых, занесенных в соборные списки (которые в точности не сохранились), вновь канонизованы 9, остальные 30 уже ранее почитались, как святые; соборы подтвердили почитание одних и расширили почитание других из них, переводя из разряда местнопочитаемых в общепочитаемые. Результаты работ Макариевских соборов, весьма важные в истории культа святых, очень незначительны для развитая канонизации, как института. Предпринимая канонизацию целого ряда святых, соборы не издали каких-либо, хотя бы самых общих, правил или принципиальных положений о канонизации святых вообще. Ревизия культа святых тоже не привела к ценным результатам: соборы не составили полного списка русских святых, едва ли даже и ставили перед собой эту задачу во всей ее широте. Сам факт канонизации на соборе при содействии и

отчасти инициативе царя умалется в своем значении, тем, что соборы не издали на будущее время правила о соборе, как исключительно компетентной власти в делах о канонизации. В последующее время, до учреждения Синода, правда, часто встречаются случаи канонизации собором, с разрешения или повеления царя, митрополита или патриарха, но также встречаются факты установления культа святых помимо собора, царя и первосвятителей. Поэтому культ святых не мог быть приведен в упорядоченный вид. Русская высшая церковная власть не имела (как, впрочем, не имеет и доселе) полного официального списка канонизованных святых, не могла предотвратить случаев произвольного установления культов по мотивам корыстным, сама повторяла акты канонизации одного и того же святого, а в конце XVII в. при патриархе Иоакиме был даже случай, если не кассирования (для Анны Комниной) канонизации (деканонизация?), то по крайней мере отмены на неопределенное время культа святой. — За синодальный период в истории канонизации имеет важное значение установившийся (почти 150 летняя давность) порядок, по которому канонизация к общему празднованию совершаются исключительно Священным Синодом и государем: Священный Синод представляет — в форме всеподданнейшего доклада — мотивированное мнение государю; государь утверждает его своей резолюцией. Но и за синодальный период не было установлено каких-либо правил даже относительно канонизаций к общему празднованию.

Понятие канонизации. Акт канонизации можно понимать двояко: а) Он, есть признание церковью известного умершего члена ее святым, праведным, т. е. угодными Богу, достигшим вечного блаженства; установление культа, при таком понимании, является только необходимым следствием факта признания объективной святости лица. б) Он есть предписание или допущение церковью чествования умершего члена ее (установление культа); святость канонизируемого (не объективная, а убеждение в святости или вере в нее) представляется уже как предположение или условие канонизации. При первом понимании, канонизация будет объявлением прежде существовавшего факта (акт декларативный); при втором, она создает новый факт, до неё не существовавший (акт конститутивный). Какое из двух пониманий правильно, — это могли бы решить подлинные документы (акты) канонизации, но они не дают твердого основания для принятия одного понимания и исключения другого.

Предположения и условия канонизации. Предположениями канонизации в католической церкви признаются: 1) принадлежность к церкви, 2) возраст, разумения и способности различать добро и зло, 3) смерть канонизируемого (канонизация может быть только после смерти). В греческой и русской церквях не установлено никаких предположений; первое, как необходимое, не может быть обойдено; относительно остальных вопрос может быть решен только положительными определениями церкви. — Условия канонизации в католической церкви: 1) святая жизнь и 2) проявление чудодейственной силы.

Признаки святой жизни заключаются в так называемых героических добродетелях (*virtutes in gradu heroico*), т. е. в таких добродетелях, которые,

превосходят естественные силы человека, являют высшую ступень совершенства и потому выделяют их обладателей из многочисленного сонма обыкновенные праведников. К *virtutes in gradu heroico* относятся три богословских добродетели — вера, надежда и любовь и четыре основных (*cardinales*) — благоразумие, справедливость, мужество и умеренность, — с их предположениями и следствиями. Все добродетели должны быть проявлены не в единичных только случаях, а в большом их числе, действительно героически, добровольно и с радостью. Но по отношению к кардинальным добродетелям считается достаточным, если подвижник благочестия обнаружил *in gradu heroico* те из них, которые были наиболее свойственны и приличны его положению. Признание наличности чудодейственной силы регламентируется следующими положениями: требуются не прижизненные чудеса, а посмертные; когда беатификация имела место *per viam cultus immemoriam aut indulto*, для канонизации требуются 4 чуда, установленные посредством показаний свидетелей - очевидцев. При беатификации *simplicium servorum Dei per viam non cultus* о значении этих терминов ниже) 2 или 4 чуда, смотря по тому, как удостоверены добродетели — свидетельскими показаниями очевидцев или только показаниями по слуху: для канонизации в таких случаях достаточно наличности 2 чудес, удостоверенных свидетелями-очевидцами. Вообще чудеса могут быть удостоверяемы только очевидцами. — В греческой церкви также при канонизации обыкновенно имелись в виду, как условия последней, 1) святость жизни и 2) чудеса. Более точных и ближайших определений признаков святой жизни, а равно требований относительно количества чудес и способа удостоверения нет. В виде исключения могут быть указаны упоминания в грамоте патриарха Гавриила о деяниях божественных, сверхчеловеческих, о подвигах свыше смертного естества.

Кроме святой жизни и чудес в греческой церкви, по свидетельству патриарха Нектария, требовалось, как «весьма необходимое», нетление мощей или благоухание от костей подвижников. — В русской церкви условиями (скорее мотивами) канонизаций к общему празднованию были: 1) обретение мощей, 2) чудеса и 3) святая жизнь. Ближайшие сведения относительно указанных пунктов сводятся к следующим: при всех канонизациях к общему празднованию за синодальный период, акту канонизации предшествовало обретение (случайное открытие) или намеренное открытие (вскрытие) мощей угодника, признанных всецело или отчасти нетленными; при канонизации святого Серафима Саровского последнее обстоятельство (нетленность мощей) не было признано необходимым для канонизации, но мощи были вскрыты и освидетельствованы комиссией, а после канонизации положены на вскрытие. Относительно количества чудес никаких определений нет; цифровые данные о чудесах при канонизациях к общему празднованию за синодальный период не позволяют вывести какого-либо нормативного положения. Предположительно можно вывести, что минимум чудес для канонизации к общему празднованию значительно выше минимума католической церкви. При дознании о чудесах

принимаются показания лиц, над которыми чудеса совершились или которые были очевидцами их, но прямо не исключаются и свидетельства по слуху. Установленных авторитарно критериев для суждения о святости жизни канонизируемых нет. Не осталась без следа в русской церкви и высказанная патриархом Нектарием мысль о благоухании от костей угодников, как условия канонизации. В русской церкви благовонный запах считался (считается?) свойством мощей.

Форма установления предположений и условий (реквизитов) канонизации.

Акт канонизации. В католической церкви канонизации предшествует беатификация. Процедура последней распадается на две части: 1) подготовительной стадии и 2) самого акта беатификации. Общая форма подготовительной стадии — состязательный процесс, материал для которого добывается следственным порядком. Первый подготовительный процесс ведется перед епископом, где погребен беатифицируемый. Инициатива исходит от частных лиц, выступающих через выбранного ими поверенного (*procurator*), как одна из сторон в процессе. Другой стороной является *promotor fiscalis*; его обязанность состоит в опровержении *ex officio* доводов, приводимых прокуратором. Этот подготовительный процесс слагается из 1) специального процесса *de non cultu vel de paritione decretorum* и 2) общего процесса *de sanctitate vitae et miraculis*. Специальный процесс требуется в виду того, что декретами Урбана VIII публичный культ подвижника запрещен до его беатификации. Пред судом епископа в этой стадии процесса должно быть доказано отсутствие публичного культа или — иначе — соблюдение подлежащих декретов — откуда и само название (а также и ранее упомянутая беатификация *per viam non cultus*). После специального следует общий процесс, имеющий цель доказать наличие требуемых добродетелей и установленного числа чудес. К актам процесса епископ присоединяет свое заключение относительно дела и личности свидетелей. Подлинные акты препровождаются в Рим. Папа формально передает дело конгрегации обрядов (*commissio introductionis cansae*) для предварительного рассмотрения. Здесь решается вопрос: утвердить или отвергнуть постановление епископа? При утвердительном рассмотрении вопроса и по утверждении этого решения папой, обсуждается еще вопрос: следует ли предпринять общее расследование по делу (*inquisitio generalis*)? Этим и оканчивается предварительная стадия процесса. Собственно - беатификационный процесс слагается из генеральной и специальной инквизиций. Они имеют место потому, что процесс ординария (епископа) имеет значение только предварительного осведомления папы, которому исключительно принадлежит, право на канонизацию. Генеральная инквизиция имеет цель выяснить общие вопросы о славе святости, чудесах и проч. Специальная инквизиция исследует, доказана ли требуемая святость и надлежащее количество чудес данного подвижника. В обоих случаях сведения добываются через епископов мест, где подвижник жил, умер, творил чудеса и где вообще о нем можно что-либо узнать. Правильность производства и

материальные результаты его выясняются в состязательной форме. — Канонизационный процесс аналогичен беатификационному. Начинается он ходатайством прокуратора и подачей материала в конгрегацию обрядов. После рассмотрения вопроса в конгрегации, папа, если соглашается на возбуждение дела, дает последней поручение (*commissio*). Так же, как при беатификации, собираются необходимые сведения через подлежащих епископов. После поступления производства последних, оно проверяется с точки зрения формальной правильности его и по отношению к его материальным результатам. — Постановления о беатификации и канонизации делаются в консистории. Опубликование беатификационных и канонизационных актов совершается с особым торжеством по специальным чинам, содержащимся в *Rituale Romanum*. — Наряду с описанным порядком канонизации и беатификации (*с. или b. formalis*) существует и иной порядок: папа без предшествующего формального производства делает распоряжение о праздновании святому или блаженному (*с. или b. aequipollens*). — Относительно формы установлений реквизитов канонизации в греческой церкви сведений нет. В русской церкви дознание, предваряющее канонизацию, имело и имеет своим предметом обследование останков святого (мощи) и чудес. Это дознание носит старинное название «обыск». Последнее дало повод усматривать в форме нашего дознания, предваряющего канонизационный акт, форму судебного процесса (следственного), как это имеет место в католической церкви. Но и существо и история нашего дознания не позволяет отождествлять его форму с судебной; слово «обыск», кроме специального значения — судебного исследования, имело и имеет общее значение — всякого исследования, удостоверения в сущности дела (напр., брачный обыск). Наш обыск всегда был и остается доньше административным актом. Он не регламентирован даже правилами, издаваемыми в порядке управления (инструкции, указы), а предоставлен усмотрению высшей власти, которая сообразуется всякий раз с конкретными особенностями данного случая и всякий же раз дает соответственные указания (письменные или [и] устные?) исполнительным органам. Этим объясняется отсутствие строго выработанной формы нашего «обыска». Цель обыска по отношению к чудесам — установить их наличность и достоверность; по отношению к мощам — выяснить их подлинную принадлежность канонизируемому святому, нетленность (до последней канонизации) или вообще их состояние и принять меры к их сохранности в первоначальном виде (опись, опечатание). «Обыск» производится комиссией, но состав ее, а равно и требования, каким должны удовлетворять ее члены, не определены какими-либо постоянными правилами (миряне не исключены). Относительно жизни святого расследований в официальной форме не предпринимается; в актах канонизации, — по крайней мере напечатанных, нет авторитарно-критических исследований, касающихся житий канонизируемых. Вся процедура, предваряющая канонизацию в русской церкви, как и в католической, производится негласно. — Что касается формы канонизационного акта, то она есть Высочайше утвержденный всеподданнейший

доклад Священного Синода государю императору; форма публикации акта — пропечатание канонизационного акта в официальном органе Священного Синода или синодальный указ. Свое действие канонизационный акт получает не с момента публикации, а с момента церковного торжества, соединяемая с открытием мощей угодника (до этого времени угодника поминают, как простого умершего, — поют панихиды, совершают заупокойные литургии). Все сказанное относится только для канонизации к общему празднованию. Канонизация же к местному празднованию, составляет предмет административных распоряжений церковных властей, редко высшей власти, не связаны даже теми немногочисленными требованиями, каким должны удовлетворять канонизации к общему празднованию. Нередко культ местного святого есть только факт религиозного быта, терпимый епархиальной властью (*tolerantia ordinarii* католической церкви).

Последствия канонизации, как акта, предписывающего или позволяющего религиозное почитание подвижника благочестия, заключается в этом почитании, в культе. Католическое деление святых на *sancti* и *beati* имеет своим следствием и различие в их культе. Первые признаются и должны быть признаваемы за святых всеми членами церкви; они призываются в публичных молитвах во всей католической церкви, как ходатаев пред Богом; в их память могут быть освящаемы церкви; память каждого из них церковь празднует один или несколько дней в году; изображения святых со знаками святости (венец, нимб — лучи вокруг головы) могут быть выставляемы во всех, церквях и почитаются, как иконы; останки святых, (*reliquiae*) открыто выставляются в церквях для поклонения верующих. Культ блаженных имеет более ограниченный объем. Существенное его отличие от культа святых состоит в том, что он не может быть предписан для целой церкви, он только допускается в таких пределах (очень редко). Запрещается расширять публичное отправление культа блаженного за пределы, в которых этот культ дозволен. Изображения и реликвии блаженных без особого дозволения папы не могут выставляться в храмах и ораториях, особенно где совершается месса. Также требуется особое разрешение папы на освящение престолов и на празднование в честь блаженных, на дневные службы им и на призывание их в публичных молитвах. В православной церкви различаются святые общие и местные** Но в разряде общих святых должно различать святых общих всем автокефальным церквям востока и общих только одной из них (напр., русской). По отношению к последним недостаточно выяснено:—ограничивается ли их культ пределами данной автокефальной церкви юридически (их почитание за пределами данной церкви не допускается), или только фактически (они не почитаются, но могут быть почитаемы). Точно так же и по отношению к местным святым остается открытым вопрос: ставятся ли границы их культу правом, или последний только фактически не распространен за данные пределы? Празднование местным святым не только дозволяется, но и предписывается. Сам культ святого состоит в том, что ему совершается ежегодное празднование (специальная служба), поются молебны, и

вообще к нему обращаются с молитвой; во имя его освящаются престолы и церкви; изображения почитаются, как иконы; мощи выставляются в церквях для чествования верующих, Культ местных святых, ограничиваясь более тесной территорией, по содержанию ничем не отличается от культа общих святых. Ограничение культа святого пределами каких-либо церковных обществ (напр., женскими монастырями, обществами хоругвеносцев и т. п.) не допускается.

Примечание:

** Что до «блаженных», то у православных этот титул прилагается собственно лишь к некоторым католическим святым западной церкви, чтимым издревле, но в частности теоретических воззрений не непререкаемых: таковы известные Августин и Иероним. Из «восточных» мужей именуется блаженным только Феодорит, епископ Кирский, но почему и в каком точно смысле? — это не ясно, по историческим данным и второе не может быть решено иначе, как догадкой, что тут просто компромисс непримиренных авторитетных суждений об этом великом церковном деятеле V века.

- Евгений Николаевич Темниковский,
магистр богословия, экстраординарный
профессор Харьковского университета.

Источник текста: Православная богословская энциклопедия. Том VIII, стр. 253. Издание С. Петербург. Приложение к духовному журналу "Странник" за 1907 г.

Итак, получается, что, поскольку основаниями для канонизации являются культ, посмертные чудеса и – в православной Церкви – нетленность, т. е. то, на что человек повлиять не может (ну, или по крайней мере не должен мочь), то Богу действительно нравятся в основном монахи, епископы и мученики... А женщины не нравятся вообще. Интересно, зачем Он их тогда сотворил?..

Но есть такой день в году, который возрождает мою надежду – 1 ноября.

День Всех святых – праздник очень добрый и семейный. Он посвящен не тем святым, которые признаны и канонизированы Церковью, а миллионам других, ей неизвестных. Тем святым, которые не сделали ничего великого и глобального, а просто жили по Евангелию. Это может быть ваша бабушка, дядя, соседка, учительница. Вот как они определяются в литании неизвестным святым:

Все неизвестные святые мужи и девы, к кому взываем мы в день Всех святых;

Все святые мученики дня вчерашнего, все святые мученики дня нынешнего во всех концах земли;

Все святые, взятые на небо за то простоту сердца и тяжкий труд;

Все святые девы и мужи, павшие в трудах на поле чести;

Все святые мужи и девы, взятые на небо за любовь всем сердцем в браке и за строительство семьи;

Все святые женщины, взятые на небо за простую, но сердечную заботу о доме;

Все святые, взятые на небо за то, что давали без счета;

Все святые, взятые на небо за то, что не делали замечаний, а просто занимали свое место;

Все святые девы и мужи, непризнанные, презираемые и обвиняемые;

Все святые, которых мы не замечаем;

Все святые, которых мы знаем и которые живут среди нас;

Все святые, стремящиеся избавиться от рутины;

Все святые, не сделавшие в жизни ничего особенного, но каждый свой поступок наполнявшие любовью –

Молитесь о нас.

Но если говорить серьезно, результаты, приведенные в таблице, наталкивают на весьма перспективные в исследовательском смысле размышления. Почему самая многочисленная группа православных святых – мученики, а католических – епископы? Почему в православном списке на втором месте, с большим отрывом (41 против 73), идут монахи и только на третьем – епископы (8 против 41), а в католическом на втором месте тоже монахи (но после епископов, а не после мучеников, и относительно близко – 33 против 47) и только на третьем, и опять-таки довольно близко (29 против 33) – мученики? Почему так мало женщин? Почему почти нет людей, состоящих в браке, а среди женских добродетелей чаще всего присутствует нежелание вступить в брак? Конечно, на самом деле это не исследование “райского населения” или предпочтений Бога – это анализ социальной концепции Церкви, которую очень интересно проследить в историческом развитии. Но это уже совсем другая тема, выходящая за рамки моей компетенции.

9. "ПОСТАВИЛ МЯ ПОПОМ АРХИЕПИСКОП НИФОНТ"... (Новгород XII в.)

9.1. О ЧЕМ УМОЛЧАЛ ЛЕТОПИСЕЦ

Как правило, историки изучают то, что описано в летописи. А что, если проанализировать то, о чем она умолчала? Мы уже говорили о том, что любое описание всегда неполное и всегда искаженное – по объективным (автор не знал или не оценил важность события) и субъективным (не хотел сообщать по политическим или еще каким-то соображениям) причинам. И у каждого эти причины свои. Можно ли попытаться выявить их? Дело в том, что набор этих причин может служить определяющей характеристикой автора, что особенно важно при изучении анонимных текстов, например, летописей.

Но такой анализ даст конкретные результаты только тогда, когда есть достаточно большой набор других источников, освещающих тот же период, иначе нечем будет заполнять лакуны.

Я выбрала отрывок Новгородской 1 летописи старшего извода за 1113 - 1162 гг. - по длительности интервал должен был гарантировать хотя бы одну смену автора - на мой взгляд, этому соответствует период в 50 лет; в пределах выбранного интервала должны происходить изменения в политике, позволяющие соотнести с ними возможные смены автора. Этим условиям отвечает период с 1113 г. по 1162 г.: 1117 г. - смена князя на Новгородском столе, 1130 г. - смена епископа новгородского, 1136 г. - изгнание Всеволода Мстиславича, 1156 г. - смерть епископа Нифонта. Происходят также смены киевских князей.

Существует и другая причина выбора именно этого периода и этой летописи. Известно, что к этому времени - 1119 - 1132 гг. - исследователи относят составление свода Всеволода, к 1136 г. - летописную деятельность Кирика Новгородца. Это дает возможность сопоставить результаты данного исследования с результатами, полученными в рамках традиционного текстологического анализа летописи.

Напомним вкратце новгородскую историю этого периода В 1088—1094 годах в Новгороде княжил малолетний сын Владимира Мономаха Мстислав. Присланный из Киева на его место князь Давид был изгнан новгородцами, настоявшими на возвращении Мстислава. Это первый случай проявления принципа «вольности в князьях», ставшей конституционным принципом новгородских бояр, ссылавшихся на прецедент приглашения Рюрика.

Анализ археологических материалов показывает, что противодействие Киеву сопровождалось торговой блокадой Новгорода: Киев перерезал пути поступления в Новгород южных товаров. При малолетнем Мстиславе был учрежден важнейший государственный орган боярского правления — посадничество. Если раньше посадниками Новгорода становились присылаемые из Киева наместники, то теперь посадник избирался из числа бояр для

совместного с князем управления Новгородским государством. Тогда же было установлено второе важнейшее ограничение княжеской власти — запрещение приглашённому князю владеть какими-либо землями на правах частной собственности на всей подвластной Новгороду территории. Это право предоставлялось лишь самим новгородцам. Кроме того, князь и его двор вернулись в княжескую резиденцию на Городище.

В 1117 году Мстислав Владимирович по воле Владимира Мономаха ушёл из Новгорода в Смоленск, оставив вместо себя сына Всеволода.

В 1136 году мощное антикняжеское восстание приводит к полному торжеству боярства: реорганизованная система политической власти превратила князя, по существу, в чиновника боярской республики.

Исторические хроники отмечают многочисленные военные столкновения между Новгородом и суздальцами. Наиболее значительным был поход суздальцев на Новгород в 1169—1170 годы, завершившийся победой новгородцев. Успех приписан чуду от иконы «Знамение», ставшей главной святыней Новгорода на все будущие времена.

В XII столетии в Новгороде складывалась собственная школа архитектуры и живописи. В начале века были возведены и расписаны фресками соборные церкви Антониева и Юрьева монастырей, а на княжеском Городище построена церковь Благовещения.

Средневековая живопись на Руси чаще всего оставалась анонимной, и исследователи неоднократно высказывали мысль о том, что эта анонимность навсегда останется непреодолимой. Между тем в ходе раскопок археологам удалось обнаружить усадьбу художника конца XII — начала XIII столетий. Имя художника узнали из адресованных ему берестяных писем, многие из которых содержали заказы на написание икон. Художника звали Олисеем Гречином; в летописи он упоминается как мастер фрески. Сравнивая записи на бересте с почерком художника, возглавлявшего артель, специалисты пришли к выводу, что именно Олисей был основным автором росписей Спас-Нередицкой церкви.

Многие берестяные письма написаны или получены отцом Олисея — Петром Михалковичем. Изучение этой группы документов позволило установить, что Пётр и его жена Мария (в берестяных грамотах — Марена) были заказчиками самой знаменитой новгородской иконы XII века — «Знамения Богородицы», участвовавшей в битве 1170 года. Как выяснилось, эта икона написана в связи с бракосочетанием в 1155 году дочери Петра Михалковича — Анастасии и новгородского князя Мстислава — сына князя Юрия Долгорукого. Тогда же по заказу Петра и его жены Марьи мастер Коста изготовил один из выдающихся шедевров прикладного искусства

— серебряный кратир (причастную чашу), содержащий изображения Богородицы и святых Петра и Анастасии.

Архимандрит, получивший в качестве резиденции Юрьев монастырь в 3 километрах от города, возглавлял игуменов главных монастырей пяти новгородских концов. В церковных, канонических делах архимандрит, естественно, подчинялся архиепископу, но он не назначался архиепископом, а избирался на боярском вече, подобно посадникам и другим должностным лицам государства, и был подотчётен в своей экономической деятельности не архиепископу, а боярской власти. Иными словами, полный контроль над светской деятельностью архимандрита осуществляла корпорация бояр, которая могла сместить его, если он оказывался негодным или неудобным. Боярские группировки активно пользовались этим правом.

Для начала нужно разбить все сообщения летописи на “потoki” – группы последовательных сообщений одного типа, которые позволят нам определить круг интересов автора: если что-то его не интересует, то бессмысленно говорить об умолчаниях.

При формировании групп учитывались такие требования: за пределами групп должно остаться минимальное количество сообщений и минимальное количество сообщений должно попасть более, чем в одну группу.

В ходе анализа были выделены следующие типы сообщений: назначение священнослужителей, посольства, браки и смерти князей, походы, смены князей и посадников, городские волнения, знамения, пожары, моры и погодные условия, строительство. Можно заметить, что экономические и культурные события автора не интересовали, равно как и жизнь рядовых граждан, иностранцев и пр. (что, впрочем, было легко предположить).

Сообщения каждого типа были нанесены на хронологическую ось с детализацией места назначения, состава посольства, цели похода и пр. Если какое-то сообщение выбивается из общего потока, мы перенесем его в отдельную группу, в которой тоже потом попытаемся выявить общие черты. Дело в том, что принципы отбора фактов для фиксации могут быть не столь очевидны, как может показаться на первый взгляд. Это позволило сделать ряд любопытных наблюдений.

Сообщения о князьях:

БРАКИ. Фиксация браков четко привязана территориально - только в Новгороде. Исключение составляет брак Мстислава в Киеве, но невеста - внучка новгородского посадника.

Из общего стиля фиксации выбивается сообщение о женитьбе Святослава Ольговича: "Въ лето 6644... оженися Святослав Новгороде и венцяся своими попы у святого Николы, а Нифонт его не венця, ни попомъ на сватбу, ни церницею дасть, глаголя: "Не достоинь ся ея пояти". События, сопутствующие основному в описании женитьбы Святослава Ольговича, заставляют нас выделить его из данной группы. Однако ни в какую другую группу оно не может быть включено,

поэтому мы перенесем его в группу сообщений, не входящих ни в одну из вышеперечисленных. В эту группу при разделении на "потоки" уже вошли сообщения под 6652 г. "... постави мя попомъ архиепископъ святыи Нифонт..." и сообщение под 6653 г. "... утопоста два попа, и не да епископъ надъ нима пети..." Впоследствии возможно формирование из этих сообщений некоего потока, не выделяемого на данном уровне обобщения.

Что касается потока сообщений о браках, то в других источниках избыточной информации почти нет, что не позволяет говорить о наличии какой-либо системы умолчаний.

СМЕРТИ. Эти сообщения делятся на две группы: с 1130 по 1157 гг. фиксируются только смерти в Киеве и Новгороде, в остальные годы есть и другие сообщения.

ПЕРЕМЕЩЕНИЯ. Можно наметить один весьма фрагментарный поток умолчаний: о посещении Новгорода (в случаях, известных по другим летописям) Мстиславом в 1130 г., Изяславом в 1132, 1134 и 1143 гг. Отметим, что все эти умолчания относятся к периоду архиепископства Нифонта.

Сообщения о местных событиях.

ПОСАДНИКИ. Сообщения о них делятся на три периода: до 1130 г. фиксируются только смерти, с 1130 по 1157 гг. - начало и конец посадничества, позже - только его начало. Данных об умолчаниях нет.

ПОХОДЫ. Информационный поток о походах состоит из 13 упоминаний трех типов: походы новгородцев в своих интересах (на чудь, емь и т.д.) - в 6621, 6631, 6638, 6639, 6641 и 6650 гг.; походы новгородцев в династических интересах - в 6642, 6653, 6655 и 6657 гг.; сообщения о походах без участия новгородцев - в 6651 и 6657 гг. Легко заметить некую последовательность в смене интереса летописи к походам от первого типа ко второму и третьему. Граница этой смены походит в интервале 6640 - 6650 гг. По другим источникам восстанавливается серия умолчаний о совместных походах братьев Мстиславичей в период 1128 - 1132 гг.

ПОСОЛЬСТВА. До 1130 г. отмечались только княжеские. В 1134 г. отмечены посольства с участием игумена Исая и посадника. Далее в составе посольства упоминается только архиепископ Нифонт. Заметим, что посольства 1134 г. фиксируются с отрицательным оттенком, что позволяет предположить, что они выбиваются из общего потока.

ГОРОДСКИЕ ВОЛНЕНИЯ. До 1130 г. они не отмечались, хотя можно предположить их существование по тексту летописи минимум в двух случаях - в 1118 г. (заточение новгородских бояр в Киеве и приход оттуда посадника - аналогичная ситуация как следствие "встани" отмечено в летописи под 1139 - 1149 гг.) и в 1130 г. (отвержение Иоанна Попьяна и смена посадника). Для последующего периода говорить об умолчаниях оснований нет.

Сообщения о природных явлениях.

ПОГОДНЫЕ УСЛОВИЯ. Поток состоит из 9 сообщений трех типов: о погоде - в 6651 и 6653 гг., о морях - в 6623 и 6666 гг. и упоминания о ценах на продукты питания в 6631, 6635, 6636, 6645 и 6649 гг. Хотя хронологически этот поток охватывает почти весь рассматриваемый период, насыщен данными он только с 6631 г.

Ядром сообщений являются сведения о ценах на продукты в 6631 - 6649 гг. Данные дендрохронологии дают основания предполагать нестабильность погоды в 1120 - 1155 гг., особенно в 1120, 1132 и 1155 гг. Для двух последних пиков угнетения годовых колец можно найти соответствия в летописи, для первого (как и для периода нестабильности 1125 - 1130 гг.) их нет.

ЗНАМЕНИЯ. В состав этого потока вошли сообщения двух типов: с прямым указанием на знамение - 6625, 6639, 6641, 6648, 6649 и 6657 гг. и три сообщения о громе - в 6638, 6646 и 6665 гг. Включить последние в поток информации о знамениях нас заставило упоминание под 6625 г.: "... бысть знамение Новгороде в святеи Софии от грома...", соединившее обе характеристики - и знамение, и гром.

По содержанию сообщения делятся на знамения в солнце - 6639, 6641 и 6648 гг.; знамения в луне - 6657 и знамение в громе - 6625 г. Есть упоминание о знамени на небе (6649 г.). Легко заметить, что выделенные нами типы и группы сообщений не составляют однородных хронологических потоков, т. е. не отвечают основному требованию к выдвигению гипотезы о смене форм фиксации потока, что могло бы указывать на смену автора. Что касается постоянности потока, то она также налицо - упомянутые сообщения охватывают практически весь рассматриваемый нами период. Плотность распределения сообщений существенно не меняется.

ПОЖАРЫ. В отдельный поток были выделены нами сообщения о пожарах - под 6621, 6642, 6644, 6652, 6656 и 6660 гг. В них упоминаются церкви и монастыри. Ни по форме, ни по содержанию эти сообщения не различаются. Некоторый интерес вызывает более чем 20-летний перерыв в фиксации пожаров - с 6621 по 6642 гг. Возможно предположить, что постоянный поток фиксации пожаров начинается только с определенного года - с 6642 г.

Сообщения о церковных событиях.

СТРОИТЕЛЬСТВО. Почти нигде (за исключением сообщения 6644 г.) не фиксируется дата освящения храма; только ц. св. Климента отмечена вне Новгорода, хотя достоверно известно наличие церковного строительства в этот период и во Пскове; строительство деревянных церквей фиксируется только с 6641 г. Во всех остальных характеристиках информационный поток достаточно однороден и постоянен.

Вторая группа сообщений связана с поновлением и росписью храмов и содержит 4 упоминания: сообщения 6633 и 6635 гг. связаны с Антониевым монастырем, 6652 и 6659 гг. - с ц. св. Софии. Эти сообщения не являются потоком и, видимо, должны быть отнесены к группе сообщений, не принадлежащих ни к одному из потоков, куда уже перенесены сообщения об освящении ц. св. Николы и строительстве храма на Ладоге.

Третья и самая малочисленная группа сообщений связана с городским строительством: в 6624 г. "Мьстиславъ заложи Новъгордъ болии перваго... павль, посадникъ Лодожьский, заложи Ладогу городъ камянь..."; в 6641 г. "обновища мость цересь Волхово...", а в 6652 г. "обновища мость вьсь цересь Волхово". Эти сообщения можно считать отклонением от основного потока.

Адекватность отображения в Новгородской 1 летописи каменного строительства подтверждается данными архитектуры.

АНТОНИЕВ МОНАСТЫРЬ. Выделение этого потока в отдельный не было задано первоначальной схемой, но в ходе анализа сообщений о новгородских игуменах выяснилось, что только фиксация смены игуменов Антониева монастыря носит постоянный и последовательный характер: под 6639 г. говорится о назначении Антония, под 6655 г. - о смерти Антония и назначении Андрея, под 6665 г. - о смерти Андрея и назначении Олексы, под 6670 г. - о смерти Олексы и назначении Мануила. Два сообщения фиксируют смену игуменов Юрьева монастыря, вернее, не смену, а в 6636 г. - смерть Кюрьяка, а в 6666 г. - назначение Дионисия. Одно сообщение касается назначения Саввы игуменом монастыря Сошествия Святого Духа.

Итак, только сообщения о смене игуменов Антониева монастыря носят характер потока, дополнив который сообщениями о его строительстве, поновлении и росписи из группы сообщений, не вошедших ни в один из потоков, мы получим постоянный и насыщенный поток, что свидетельствует о несомненном интересе летописи к этому монастырю и, возможно, о принадлежности к нему летописца. Антониев монастырь был крупным центром культуры и науки, а его обитатели близки к окружению Нифонта, входили в состав его посольств. В то же время анализ других источников не дает оснований говорить о наличии умолчаний в потоке сообщений о монастыре. Есть только смена в форме фиксации событий - до 1130 г. не фиксируются игумены. Можно сделать первые наблюдения - летописец (или летописцы) связан с Антониевым монастырем и принцип отбора фактов для фиксации слегка меняется после 1130 г.

9.2. ПОСОЛ И ИГУМЕН

Почему летописец почти ничего не пишет о Юрьевом монастыре - одном из крупнейших религиозных центров Новгорода? Посмотрим внимательнее связанные с ним сообщения - может быть, просто нечего было писать?

ЮРЬЕВ МОНАСТЫРЬ. Из предыдущего потока выделены два сообщения об игуменах монастыря, которые вместе с единственным упоминанием о строительстве Георгиевского собора выделяются в группу и почти целиком отражают рассматриваемый период. Но насыщенность текста настолько мала, что дает основание предполагать систему последовательных умолчаний.

В тексте Новгородской 1 летописи дважды упоминается смена игуменов - в 6636 г. (смерть Кюрьяка) и в 6666 г. (назначение Дионисия). Интервал умолчаний - 1128 - 1158 гг. Может быть, в это время не было смены игуменов? Привлечем список новгородских архимандритов. Исследователи отмечают, что тождественность новгородской архимандрии и юрьевского игуменства не вызывала сомнений у составителя протографа списка архимандритов. В нем упоминаются Кюрьяк и Дионисий, оба известные как игумены Юрьева

монастыря. Между ними в списке четыре имени - Стефан, Лазор, Исайя и Ефрем. Все, кроме Исайи, неизвестны летописи. Под 6642 г. говорится о посольстве некоего Исайи в Киев за митрополитом. Видимо, можно отождествлять посла Исайю и игумена Исайю.

Игумен Юрьева монастыря Исайя известен и по грамоте Мстислава и Всеволода Юрьеву монастырю. Совокупность источников датирует по крайней мере одну смену игуменов. Грамота Мстислава и Всеволода датируется периодом великого княжения Мстислава (1125 - 1132 гг.) и смертью Кюрьяка (после 1128 г.). Значит, Исайя мог стать игуменом Юрьева монастыря не ранее 1128 г. и не позднее 1132 г. Так как между смертью Кюрьяка и назначением Исайи было еще два архимандрита - Стефан и Лазор, - то верхняя граница интервала - 1130 г., что не противоречит результатам исследования грамоты по другим характеристикам. Следовательно, в период 1128 - 1130 гг. произошли две смены игуменов. Памятуя о том, что Исайя еще был игуменом в 1134 г., третью смену игуменов Юрьева монастыря мы должны определить интервалом 1134 - 1158 гг.

Из приведенных выше наблюдений можно сделать вывод об отсутствии в летописи интереса к Юрьеву монастырю в период 1128 - 1158 гг. Правомерным будет, по-видимому, вопрос о причинах этого явления. Прежде всего необходимо проверить гипотезу о потере влияния Юрьевым монастырем в это время. Такому предположению противоречат грамоты Мстислава и Всеволода, а также упоминание Юрьева монастыря в Рукописании Всеволода в качестве одного из трех церковных центров. Оно может быть датировано по следующим данным: строительство упоминающейся в нем ц. Иоанна на Опоках - 1127 - 1130 гг.; изгнание Всеволода - 1136г. Они дают нам интервал 1127 - 1136 гг. В Рукописании также упомянут Мирослав, который в рамках данного интервала был посадником только в 1133 - 1134 гг. Таким образом, и это свидетельство относится к интересующему нас периоду, что заставляет признать гипотезу о потере Юрьевым монастырем влияния неправомочной.

Выявленная серия умолчаний дает, как мне кажется, возможность сформировать гипотезу о натянутых отношениях летописца (или стоящего за ним Нифонта) с Юрьевым монастырем как центром независимого от Нифонта духовенства. Однако это монастырь княжеский, и подобная гипотеза требует подтверждения в виде выявленных умолчаний относительно других княжеских монастырей. И такие умолчания в Новгородской 1 летописи есть. Но о них чуть позже.

Обратимся теперь к группе сообщений, не вошедших ни в один из потоков. После изъятия из нее сообщений, связанных с поновлением и росписью храмов и перенесенных нами в потоки информации о соответствующих монастырях, а также после переноса сообщений о посольстве Исайи, в группе остались сообщения о браке Святослава Ольговича, об утонувших попах, о поставлении летописца, о пожаре 6621 г., об освящении ц. св. Николы, о строительстве храма на Ладого. Строительство храма на Ладого отмечено, по-видимому, в связи с деятельностью Нифонта, из чего можно сделать предположение, что церковное

строительство во Пскове, известное нам по другим источникам, не было связано с епископом.

Остальные же сообщения, за исключением упоминания об утонувших полах, объединяет один, непонятный на первый взгляд, признак - все они так или иначе связаны с Николскими храмами: в ц. св. Николы венчается Святослав Ольгович, пожар 6621 г. прямо соседствует с сообщением о закладке этого храма, неординарно и сообщение о ц. св. Николы. Мы не готовы сегодня решить вопрос о происхождении этого потока, но его существование кажется мне несомненным. Есть и дополнительные соображения в его пользу: в Новгородской 1 летописи данного периода практически нет упоминаний о строительстве храмов кем-либо, кроме князя и епископа; одно из двух отклонений - упоминание об Ирожнете, заложившим ц. св. Николы. Может быть, этот храм был особо важен для летописца? А может быть его крестильное имя было Никола?

Оставшееся сообщение об утонувших полах мы рассмотрим чуть позже, а сейчас обратимся к частным умолчаниям, выявленным нами при анализе потоков. Таковых немного: о случаях посещения Новгорода князьями Мстиславом и Изяславом, об участии в походах братьев Всеволода и о завершении строительства Георгиевского собора. Первые две группы можно, видимо, легко объединить в поток умолчаний о династических устремлениях Всеволода, а умолчание о Георгиевском соборе хорошо вписывается в систему умолчаний о Юрьевом монастыре.

Сопоставление умолчаний и фиксаций позволяет, как мне кажется, сделать вывод о неслучайности изменений в составе упоминаний: они носят не только систематический, но и концептуальный характер - большинство изменений связано с церковной сферой и деятельностью новгородского епископа. Интервалы смены относятся к 1130 - 1157 гг., что соответствует именно смене епископов в Новгороде. Отметим также, что большинство систем умолчаний, характерных для времени Нифонта, прекращает свое существование с приходом на епископскую кафедру Аркадия.

Смены в системе фиксаций и умолчаний могут быть интерпретированы как смены летописцев.

Таким образом мы можем не только констатировать своеобразие в описаниях событий периодов до 1119 г., с 1119 по 1130 гг. и с 1130 по 1157 гг., но и выявить их характерные черты, позволяющие уточнить и политические концепции авторов, и степень полноты и достоверности их сообщений.

Разные образцы восприятия реальности, характерные для разных авторов, могут служить хорошим атрибутирующим признаком. Однако ниже мы столкнемся с не менее интересным аспектом - изучением причин сходства образцов восприятия реальности.

9.3. ДАНИ ПЕЧЕРСКИЕ И ОТ СМОЛЕНСКА ДАР

О Пантелеймоновом монастыре нам известно из трех противоречащих друг другу княжеских грамот. И снять противоречия помогает молчание летописца: Пантелеймонов монастырь не известен нам по летописи. Сведения о нем мы получаем в основном из грамот Всеволода и Изяслава. На основании их информации мы попытались реконструировать систему умолчаний Новгородской 1 летописи.

Грамота Изяслава Пантелеймонову монастырю интересна следующим: упоминанием Юрьева монастыря при описании границ Пантелеймонова монастыря и наличием титула "великий князь", употребляемого по отношению к Изяславу. Исследователями отмечается, что связывать на этом основании дату грамоты с датой киевского княжения Изяслава неправомерно, однако мне кажется, что столь же неправомерно представление о полной произвольности употребления этого титула: великим князем может называться старший в роде; исходя из этого, Изяслав мог носить такой титул только после смерти Всеволода, т. е. после 1137 г.; даже если предположить иные закономерности титулатуры, одновременное употребление титула "великий князь" двумя братьями в одном и том же месте кажется невероятным.

Привлекает внимание также назначение игуменом Аркадия, в котором, по всей вероятности, справедливо видят будущего епископа. Это назначение также косвенно определяет период, к которому может быть отнесена грамота: в 1153 г. Аркадий основывает свой монастырь, что дает нам нижнюю границу интервала. Кроме того, карьера Аркадия дает основания для предположения о довольно поздней дате его игуменства в Пантелеймоновом монастыре, для которого немаловажное значение имеет гипотеза о том, что "Аркаж монастырь" заложен на княжих землях.

Анализируя "Вопрошание" Кирика Новгородца с точки зрения соответствия между последовательностью обращения автора к различным лицам и хронологическими рамками их деятельности, мы также получаем достаточно позднюю дату игуменства Аркадия, а именно - после конфликта Нифонта и Изяслава из-за избрания Климита Смолятича.

Интересно также в грамоте Изяслава запрещение епископу вмешиваться в дела Пантелеймонова монастыря: "А в тое земли не вступатися ни князю, ни епископу, ни боярину, ни кому..." Из всех известных грамот этого периода такая формула встречается только в двух - в грамотах Изяслава и Антония Римлянина, причем именно это обстоятельство позволяет говорить исследователям о натянутых отношениях Антония и епископа Иоанна. Быть может, нам стоит последовать этому примеру и поискать в качестве возможной даты грамоты период обострения отношений между Изяславом и Нифонте. Однако у нас есть косвенные аргументы против того, чтобы считать таковыми отношения между ними в период около 1134 г. Под этим годом летопись сообщает о посольстве Исаяи в Киев за митрополитом, чем сразу нарушает две закономерности -

упоминает игумена Юрьева монастыря и перечисляет состав посольства (в других случаях, как я уже отмечала, фиксируется только участие в них Нифонта). Принимая во внимание натянутые отношения летописца с Юрьевым монастырем, мы можем предположить, что посольство Исая оценивалось им отрицательно, но результат посольства заключался в противодействии митрополита суздальскому походу. Суздальский же поход был в интересах Изяслава, следовательно, Нифонт в данном случае не стоит в оппозиции к нему. Правда, если следовать далее этим путем и связывать Юрьев монастырь с именем Всеволода, то можно предположить, что сам Всеволод выступал против похода, но этот вопрос уже выходит за рамки данной работы.

Таким образом, мы оказываемся перед неразрешимым, казалось бы, противоречием: взаимное упоминание в грамотах Пантелеймонова и Юрьева монастырей требует признания этих грамот одновременными, в то же время употребляемая в них титулатура требует разнесения их на хронологической оси. Однако обратим внимание на то, что в грамоте Всеволода указана только межа между двумя монастырями, в то время как в грамоте Изяслава описана граница всего монастыря, в том числе и с Юрьевым монастырем. А что, если разнести эти события: установление межи между Юрьевым и Пантелеймоновым монастырями и расширение земель последнего по грамоте Изяслава? Но этому противоречат два обстоятельства: "устроение" Изяславом монастыря, отмеченное в его грамоте и традиционно понимаемое как основание монастыря, и совпадение описываемых в ней же границ с границами ядра монастыря, известного в более позднее время. Сняв понимание "устроения" как основания, которое не является единственно возможным, мы можем выдвинуть гипотезу о том, что Пантелеймонов монастырь существовал уже давно (возможно, с рождения Изяслава), но не был отделен от Юрьева монастыря территориально, что вполне понятно: оба они княжеские, оба расположены на княжеских землях. Но почему и когда возникла необходимость в их разделении? На вопрос "когда?" ответ можно поискать в грамоте Всеволода: прежде всего, это широкая дата княжения Всеволода - 1125 - 1136 гг. - и более узкая, основанная на все том же титуле "великий князь", - 1132 - 1136 гг., т. е. после смерти Мстислава.

Если наши предположения верны, то события, связанные с Пантелеймоновым монастырем, выстраиваются так: 1113 г. (?) - основание; 1133 г. - территориальное отделение от Юрьева монастыря (грамота Всеволода); 1148 г. (?) - устроение (грамота Изяслава). Последняя дата определена нами как перекрестье двух ситуаций - приезд Изяслава в Новгород и торжественная встреча его горожанами (кстати, не отмеченная Новгородской 1 летописью) и конфликт Изяслава с Нифонтом, закончившийся заточением Нифонта. Уж если мы упомянули о характере взаимоотношений Нифонта с окружающими, то уместно будет заметить, что исходя из тех же соображений мы должны признать факт оппозиции Аркадия - игумена Пантелеймонова монастыря - по отношению к Нифонту.

Какие же события могли вызвать появление этой грамоты? Мне кажется, ответ надо искать в анализе ситуации, сложившейся в 1133 г., после смерти Мстислава, и породившей приезд Изяслава в Новгород "с данями печорскими и от Смоленска даром". Относительно этого сообщения летописи существует ряд противоречащих друг другу концепций. Я же согласна с мнением В. А. Кучкина, считающего, что "дани печорские и от Смоленска дар" были даны Изяславу в качестве компенсации за потерю княжения, но с одним дополнением - эта компенсация носила не единовременный, а постоянный характер, т. е. являлась как бы "прокормом" Изяслава. На это наталкивает, во-первых, слово "дар", известное именно в трактовке одного из типов дани, причем именно в контексте смоленских даней. Так, "дар" везет в Киев Мономах именно в размере дани. Л. В. Алексеев отмечает, что возможно, "дар" - это полюдье, свидетельством чему является выражение из грамоты Мстислава и Всеволода: "осеннее полюдье даровное".

Неоднозначно и выражение "дани печорские", связываемые с Печерским монастырем. Тот факт, что монастырь никаких даней не платил, вызвал к жизни гипотезу о том, что под словом "дань" имеется ввиду заем, сделанный Ярополком у Печерского монастыря. Но такая гипотеза несколько натянута. Под "печорами" в данном случае логичнее видеть некий местный топоним (возможно, даже Печору), хотя бы потому, что по словарю В. Даля большинство однокоренных слов известно по псковско-новгородской земле, причем в таких значениях как луговина, мурава, глина, песок.

Итак, братья собрались в своей вотчине. Не это ли наиболее реальный повод для раздела между ними княжеского имущества, в том числе и монастырей? Тогда дата грамоты Всеволода - 1133 г., что не вступает в противоречие ни с одним из сделанных выше предположений. Что же касается "устроения" монастыря и совпадения его границ по грамоте Изяслава с ядром позднего монастыря, то дата 1133 г., как мне кажется, объясняет это: Изяслав тогда не планировал задерживаться в Новгороде и тем более "устраивать" монастырь. Дата этого события явно должна быть позднее, после стабилизации положения Изяслава.

Подведем некоторые итоги нашим наблюдениям. Выделялись системы умолчаний, связанные с Юрьевым и Пантелеймоновым монастырями, а также, возможно, с Варваринским, который не отражен в других источниках и поэтому не может быть оценен с точки зрения степени умолчания. Однако тот факт, что до 1157 г. он упоминается один раз (в связи женой Святослава Ольговича в 1138 г.), а после 1157 г. сообщения о нем становятся регулярными (1160 г. - в связи с женой Ростислава Святославича, 1168 г. и 1195 г. - со сменой игумений, 1218 г. - постройка ц. св. Варвары), наталкивает нас на мысль, что и здесь мы имеем дело с системой умолчаний, тем более, что этот монастырь заведомо существовал, а возможно, и был основан в интересующий нас период (если правомочно предположение о связи его с Верой, женой Всеволода).

9.4. ЛЮБОПЫТНЫЙ КИРИКА

"Вопрошание" Кирика Новгородца и часть Новгородской I летописи очень схожи по отразившимся в них интересам и политическим симпатиям. Не общий ли у них автор?

Но для начала – а кто такой Кирик? Приведу материалы из Википедии.

Кирик Новгородец ([1110](#) — не ранее 1156/1158) — средневековый новгородский мыслитель, [диакон](#) и domestik [Антониева монастыря](#) в [Новгороде](#), автор «Учения о числах» ([1136](#)) и предполагаемый автор «Вопрошания Кирикова» (не ранее 1147), математик, церковный писатель, [летописец](#) и [музыкант](#).

Согласно [автобиографической](#) приписке к «Учению о числах» на момент завершения труда в [1136](#) г. автору было 26 лет: «Рождения моего до сюда бяше лет 26, а месяцев 312, а недель 1300, а дней 9500, без три дни...».

Там же сообщается, что автор являлся [монахом Антониева монастыря](#) в [Новгороде](#), где совмещал обязанности дьякона и domestика (то есть руководителя церковного [хора](#) при монастырской церкви Рождества Богородицы).

Сумма заключённых в «Учении о числах» [астрономических](#), [математических](#) и [календарных](#) знаний, с учётом профессиональных занятий Кирика церковными песнопениями, представляет классический [квадривиум](#), который в [средневековье](#) соответствовал высшей образовательной подготовке. Кирик получил подготовку в стенах Антониева монастыря, основанного в [1106](#) г. [Антонием](#), «уроженцем [Рима](#)» (ум. [1147](#) г.), которого историки относят к числу [ирландских](#) монахов, рассеянных по [Европе](#).

Из «Вопрошания» известно, что к середине [XII](#) века Кирик стал [иеромонахом](#) и занимал при главе [Новгородской республики архиепископе Нифонте](#) сравнительно высокое положение. Об этом свидетельствует то, что во время посещения Нифонтом [Киева](#) в [1147](#) или [1149](#) г. (или оба раза) Кирик находился в его свите, встречался и беседовал с главой Русской церкви [митрополитом Климентом Смолятичем](#); содержание беседы он отразил в «Вопрошании». О высоком духовном положении Кирика также свидетельствует то, что он исповедовал не только мирян и [монахов](#), но и [священников](#). О том же говорит факт обсуждения Кириком наедине с Нифонтом острых [богословских](#) вопросов [еретического](#) характера, чем приводил иерарха в замешательство и даже ярость.

В «Вопрошании» есть место, где Кирик обращается за советом к Нифонту, когда ему принять [схиму](#) — сейчас или в старости, склоняясь к первому варианту по причине слабого здоровья: «...но ли боуду лоучии тьгда; но хоуд иесмь и болен». В тот момент Нифонт не дал Кирику благословения на схиму. Толчком к реализации мысли о схиме для Кирика могла быть смерть Нифонта,

последовавшая в [1156](#) г. О произошедшем затем принятии Кириком схимы может свидетельствовать его новое имя [Кирилл](#), под которым он стал известен позже.

В разных списках имя автора имеет варианты: Кирик, Кюрик, Кюрьяк, Кириак. Исследователи его биографии склоняются к мысли, что он дважды менял имя: при рождении он был назван [Константином](#), в монашестве — Кириком, а в схиме — Кириллом.

Полное название первого произведения «Кирика диакона и доместика новгородского Антоньева монастыря учение им же ведати человеку числа всех лет».

Кирик использовал наследие учеников [Константина Философа](#) (св. Кирилла), список календарно-математического «семитысячника», который он использовал в качестве отдалённого образца своего «Учения».

«Учение о числах» считается древнейшим русским [научным](#) — [математическим](#) и [астрономическим](#) — трактатом. Оно посвящено проблемам [летосчисления](#). Кирик Новгородец систематизировал известные ему способы подсчёта [лет](#), [месяцев](#), [дней](#) и [часов](#), привёл теоретические основы для [календарного](#) счёта.

Высокий уровень научных знаний на [Руси](#) позволил Кирику Новгородцу свободно оперировать понятием [цикличности](#) времени, сложными [дробями](#), арифметическими суммами в пределах от $1/5$ в 7-ой степени до десятков миллионов.

Он даёт сведения о сопряжении [лунного](#) и [солнечного](#) календарей:

В одном году 12 календарных месяцев, а небесных лунных месяцев 12 и 11 дней 13-й луны. И из этих дней на четвёртый год получается 13-я луна; в месяце насчитывается 4 недели, от году до году проходит 13 лунных месяцев и один день... В одном году 52 недели и 1 день, называемый индиктой, и 6 часов. Эти 6 часов через 4 года дают 1 день, называемый високосным.

Он выделяет мельчайшую единицу времени ([библейская «точка времени»](#)), которую обозначает словом «часец»:

А седьмых дробных часиков в одном дне 937 500, столько же и в ночи. Больше же этого не бывает, то есть от седьмых дробных ничего не получается.

Считается, что Кирик точнее всех средневековых математиков приблизился к вычислению отрезка времени, который человеческий мозг воспринимает как [«настоящее»](#). Это связано, как полагают, с его [музыкальной](#) деятельностью.

Особое место занимает раздел о «поновлениях», в котором содержатся сведения о [циклах](#) обновления неба, земли, моря и воды. Таким образом, в трактате Кирика циклизм из области [хронологии](#) переносится в сферу [натурфилософского](#) толкования [бытия](#). Автор выходит за рамки строгой

христианской ортодоксии, одновременно обнаруживая склонность к восприятию [античного](#), возможно [пифагорейского](#), наследия.

Полное название «Се иесть въпрошние Кюриково, иеже въпроша иепископа ноугородьского Нифонта и инехъ», «Вопрошание Кириково архиепископу Нифонту».

По композиции этот текст — длинный список вопросов Кирика, которые пытливый монах обсуждал с главой новгородских церковных учреждений. По жанровой принадлежности «Вопрошание» является произведением [канонического права](#). О популярности памятника говорит включение его в древнерусские [Кормчие книги](#).

В этом произведении Кирик пытался соотнести церковно-правовые нормы с реалиями русской жизни, не укладывавшейся в эти нормы. «Вопрошание» отличается непосредственным характером, отражением сочной [новгородской](#) жизни [XII](#) в., что заставило первого публикатора этого памятника заменить ряд вопросов Кирика и ответов Нифонта многоточием. Он рисует довольно неприглядную для благочестивого глаза картину [христианизируемого](#) новгородского общества, проявляя значительную терпимость к пережиткам [язычества](#).

Автор мастерски проводил линию собственных пристрастий и предпочтений. Он тонко и целенаправленно формулировал свои вопросы к Нифонту, предлагая компромиссное разрешение противоречий между требованиями веры и реалиями жизни. Многие из вопросов Кирика Нифонту весьма остры и по этой причине обсуждались в довольно напряжённой обстановке. Многие вопросы Кирика остались без ответа: «Ти он помолче».

Считается, что с именем Кирика связаны отдельные статьи в [Новгородской первой летописи](#), статьи под [1136—1137](#) гг.

К сожалению, мы ничего не можем сказать об авторстве Кирика в период с 1130 по 1157 гг., но проведенный анализ не дает оснований предполагать его авторство только в сообщениях 1136 - 1137 гг. , поскольку, как уже сказано, мы имеем смены летописцев в 1130 и 1157 гг., совпадающие с началом и концом правления епископа Нифонта. Что характеризует этот период? С 1130 по 1157 гг. фиксируются начало и конец посадничества, погодные условия, строительство деревянных церквей фиксируется только с 6641 г., отсутствие в летописи интереса к Юрьеву монастырю, в период 1128 - 1158 гг., фиксация смены игуменов Антониева монастыря носит постоянный и последовательный характер: под 6639 г. говорится о назначении Антония, под 6655 г. - о смерти Антония и назначении Андрея, под 6665 г. - о смерти Андрея и назначении Олексы, под 6670 г. - о смерти Олексы и назначении Мануила. Два сообщения, фиксирующие смену игуменов Юрьева монастыря, относятся одно к предыдущему, а второе – к последующему периоду. Система умолчаний о

династических устремлениях Всеволода хорошо объясняется конфликтом Изяслава с Нифонтом, закончившимся заточением Нифонта. Уж если мы упомянули о характере взаимоотношений Нифонта с окружающими, то уместно будет заметить, что исходя из тех же соображений мы должны признать факт оппозиции Аркадия - игумена Пантелеймонова монастыря - по отношению к Нифонту.

Из той же летописи известны сообщение под 6652 г. "... постави мя попомъ архиепископъ святой Нифонт..." и сообщение под 6653 г. "... утопоста два попа, и не да епископъ надъ нима пети..." и сообщение о женитьбе Святослава Ольговича: "Въ лето 6644... оженися Святослав Новгородце и венцяся своими попы у святого Николы, а Нифонт его не венця, ни попомъ на сватбу, ни церницею дасть, глаголя: "Не достоинъ ся ея пояти".

Одной из важных характеристик этого периода является указание индиктов.

Если сопоставить эти показатели летописца с биографией Кирика, то пересечений будет много: близость к Нифонту, принадлежность к Антониеву монастырю, поставление в священство в середине 12 века, принятие схимы после смерти Нифонта и соответствующий отказ от деятельности. В то же время мы получаем полное тематическое совпадение интересов летописца и Кирика Новгородца - и временные шкалы, и церковная практика, что свидетельствует если не о тождестве этих лиц, то о принадлежности их к одному кругу. Есть и наблюдение иного характера: задавая свои вопросы Нифонту, Кирик часто высказывает и отличающиеся от мнения епископа соображения, правда, ссылаясь на авторитет других иерархов - можно предположить, что он не всегда согласен со своим «начальником». Упоминания о том, что епископ не разрешил священству участвовать в венчании князя Святослава, потому что он был недостоин невесты, и не дал отпевать утонувших попов, тоже свидетельствуют о критичном отношении летописца к некоторым решениям епископа.

Вот в такое «расследование» превращается попытка выяснить, о чем и почему не пишет летопись.

10. МНИШЕК И МОНАШЕК (Смутное время)

10.1. ИНО СКАЗАНИЕ ИЛИ ИНО ВИДЕНЬЕ

В начале XVII в. исторических произведений уже много, но в каждом из них Смутное время отражено по-разному. Как же узнать, что происходило на самом деле? И как понять, чем обусловлены эти различия?

История Смутного времени, с одной стороны, у всех на слуху, а с другой - мало кому известна в деталях. Напомним поэтому основные события по материалам Википедии.

После смерти [Ивана Грозного](#) (1584) его наследник [Фёдор I Иоаннович](#) был не способен к делам правления, а младший сын, [царевич Дмитрий](#), пребывал в младенчестве. Со смертью Дмитрия (1591) и Фёдора (1598) правящая династия пресеклась, на сцену выдвинулись другие боярские роды — [Юрьевы](#), [Годуновы](#). В [1598 году](#) на трон [был возведён Борис Годунов](#).

Начало Смуты относится к усилению слухов, будто бы законный [царевич Дмитрий](#) жив, из чего следовало, что правление [Бориса Годунова](#) незаконно и не угодно Богу. Самозванец [Лжедмитрий](#), объявивший литовскому князю [Адаму Вишневецкому](#) о своём царском происхождении, вошёл в тесные отношения с польским магнатом, воеводой [сандомирским Ежи Мнишеком](#) и папским [нунцием Рангони](#). В начале [1604 года](#) самозванец получил аудиенцию у польского короля, а [17 апреля](#) принял [католицизм](#). Король [Сигизмунд](#) признал права Лжедмитрия на русский трон и разрешил всем желающим помогать «царевичу». За это Лжедмитрий обещал передать Польше [Смоленск](#) и [Северские земли](#). За согласие воеводы Мнишека на брак его [дочери](#) с Лжедмитрием тот также обещал передать своей невесте во владение [Новгород](#) и [Псков](#). Мнишек снарядил самозванцу войско, состоящее из [запорожских казаков](#) и польских наёмников («авантюристов»). В [1604 году](#) войско самозванца пересекло границу России, многие города ([Моравск](#), [Чернигов](#), [Путивль](#)) сдались Лжедмитрию, войско московского воеводы [Ф. И. Мстиславского](#) было разбито у Новгорода-Северского. Однако другое войско, отправленное Б. Годуновым против самозванца, одержало убедительную победу в битве под Добрыничами 21 января 1605 года. Командовал московским войском знатнейший боярин — Василий Шуйский. Казалось с Лжедмитрием покончено. Царь вызвал В. Шуйского, чтобы щедро наградить. Во главе армии был поставлен новый воевода — Басманов. Это была ошибка Б. Годунова, так как вскоре оказалось, что самозванец жив, а Басманов — ненадежный слуга. В разгар войны [Борис Годунов](#) скончался (13 апреля 1605 г.); армия Годунова практически немедленно изменила его преемнику, 16-летнему [Фёдору Борисовичу](#), который был свергнут [1 июня](#) и [10 июня](#) убит вместе с матерью.

20 июня 1605 года под всеобщее ликование самозванец торжественно вступил в Москву. Московское боярство во главе с [Богданом Бельским](#) публично признало его законным наследником и князем Московским. 24 июня рязанский архиепископ [Игнатий](#), ещё в Туле подтверждавший права Дмитрия на царство, был возведён в [патриархи](#). Законный же [Патриарх Иов](#) был смещён с патриаршей кафедры и заточён в монастырь. 18 июля в столицу была доставлена признавшая в самозванце своего сына царица [Марфа](#), а вскоре, 30 июля состоялось [венчание Лжедмитрия I](#) на царство.

Царствование Лжедмитрия было ознаменовано ориентацией на Польшу и некоторыми попытками реформ. Не всё московское боярство признало Лжедмитрия законным правителем. Почти сразу по прибытии его в Москву

князь [Василий Шуйский](#) через посредников начал распространять слухи о самозванстве. Воевода [Пётр Басманов](#) раскрыл заговор, и 23 июня 1605 года Шуйского схватили и осудили на смерть, помиловав лишь непосредственно у плahi.

На свою сторону Шуйский привлёк князей [В. В. Голицына](#) и [И. С. Куракина](#). Заручившись поддержкой стоявшего под Москвой новгородско-псковского отряда, который готовился к походу на Крым, Шуйский организовал переворот.

В ночь с 16 на 17 мая 1606 года боярская оппозиция, воспользовавшись озлоблением москвичей против явившихся в Москву на свадьбу Лжедмитрия польских авантюристов, подняла восстание, в ходе которого самозванец был жестоко убит. Приход к власти представителя суздальской ветви Рюриковичей [боярина](#) Василия Шуйского не принёс успокоения. На юге вспыхнуло восстание [Ивана Болотникова](#) (1606—1608), породившее начало движения «воров».

Слухи о чудесном избавлении царевича Дмитрия не утихали. Объявился новый самозванец, вошедший в историю как [Лжедмитрий II](#) или «[Тушинский вор](#)» (по названию села Тушино, где самозванец расположился лагерем, когда подступил к Москве) (1607—1610). К концу [1608 года](#) власть Лжедмитрия II распространялась на [Переяславль-](#)

[Залесский](#), [Ярославль](#), [Владимир](#), [Углич](#), [Кострому](#), [Галич](#), [Вологду](#). Верными Москве оставались [Коломна](#), [Переяславль-Рязанский](#), [Смоленск](#), [Нижний Новгород](#), [Казань](#), уральские и сибирские города. В результате деградации пограничной службы 100-тысячная [Ногайская Орда](#) разоряет «украины» и Северские земли в 1607—1608 гг.

В 1607 году [крымские татары](#) впервые за долгое время перешли [Оку](#) и разорили центральные русские области. Польско-литовскими войсками были разгромлены [Шуя](#) и [Кинешма](#), взята [Тверь](#), войска литовского гетмана [Яна Сапеги осаждали Троице-Сергиев монастырь](#), отряды пана Лисовского захватили [Суздаль](#). Даже города, добровольно признавшие власть самозванца, беспощадно разграблялись отрядами интервентов. Поляки взымали налоги с земли и торговли, получали «[кормления](#)» в русских городах. Всё это вызвало к концу 1608 года широкое национально-освободительное движение. В декабре 1608 года от самозванца «отложились» Кинешма, Кострома, Галич, [Тотьма](#), Вологда, [Белоозеро](#), Устюжна Железнопольская, в поддержку восставших выступили [Великий Устюг](#), [Вятка](#), [Пермь Великая](#). В январе 1609 года князь [Михаил Скопин-Шуйский](#), командовавший русскими ратниками из [Тихвина](#) и онежских [погостов](#), отразил 4-тысячный польский отряд [Кернозицкого](#), наступавший на [Новгород](#). В начале 1609 ополчение города [Устюжна](#) выбило поляков и «[черкасов](#)» (запорожцев) из окрестных сёл, а в феврале отбило все атаки польской конницы и наёмной немецкой пехоты. 17 февраля русские ополченцы проиграли полякам сражение под Суздаlem. В конце

февраля «вологодские и поморские мужики» освободили от интервентов Кострому. 3 марта ополчение северных и северо-русских городов взяло [Романов](#), оттуда двинулось к Ярославлю и взяло его в начале апреля. Нижегородский воевода Алябьев 15 марта взял [Муром](#), а 27 марта освободил Владимир.

Правительство Василия Шуйского заключает с [Швецией](#) [Выборгский договор](#), по которому в обмен на военную помощь шведской короне передавался [Корельский уезд](#). Русское правительство должно было также оплачивать наёмников, составляющих большую часть шведского войска. Выполняя обязательства, [Карл IX](#) предоставил 5-тысячный отряд наёмников, а также 10-тысячный отряд «всякого разноплемённого сброда» под командованием [Я. Делагарди](#). Весной князь Михаил Скопин-Шуйский собрал в Новгороде 5-тысячное русское войско. 10 мая русско-шведские силы заняли [Старую Русу](#), а 11 мая разбили польско-литовские отряды, подступавшие к городу. 15 мая русско-шведские силы под командованием Чулкова и [Горна](#) разбили польскую конницу под командованием [Кернозицкого](#) у [Торопца](#).

К концу весны от самозванца отложилось большинство северо-западных русских городов. К лету численность русских войск достигла 20 тысяч человек. 17 июня в тяжёлом сражении у Торжка русско-шведские силы принудили польско-литовское войско Зборовского к отступлению. 11-13 июля русско-шведские силы, под командованием Скопина-Шуйского и Делагарди, разбили поляков под Тверью. В дальнейших действиях Скопин-Шуйского шведские войска (за исключением отряда Христиера Зомме численностью в 1 тысячу человек) участия не принимали. 24 июля русские отряды переправились на правый берег [Волги](#) и вступили в Макарьев Калязин монастырь. В [битве под Калязином](#) 19 августа поляки под командованием Яна Сапеги были разбиты Скопиным-Шуйским. 10 сентября русские вместе с отрядом Зомме заняли Переяславль, а 9 октября воевода Головин занял [Александровскую слободу](#). 16 октября русский отряд прорвался в осаждённый поляками Троице-Сергиев монастырь. 28 октября Скопин-Шуйский разбил гетмана Сапегу под Александровской слободой.

[12 января 1610 года](#) поляки отступили от [Троице-Сергиевого монастыря](#), а [27 февраля](#) оставили под ударами русских войск [Дмитров](#). [12 марта 1610 года](#) полки Скопина-Шуйского вступили в столицу, а [23 апреля](#) [Михаил Васильевич](#) после недолгой болезни скончался. Русская армия в это время готовилась выйти на помощь Смоленску, который с сентября 1609 года был осаждён войсками польского короля Сигизмунда III. Поляки и запорожцы овладели городами северской земли; население [Стародуба](#) и [Почепа](#) полностью погибло во время вражеского штурма; [Чернигов](#) и [Новгород-Северский](#) сдались.

4 июля 1610 года состоялась [Клушинская битва](#), в результате которой [польская](#) армия ([Жолкевский](#)) разбила русско-шведское войско под командованием Дмитрия Шуйского и [Якоба Делагарди](#); в ходе битвы немецкие

наёмники, служившие у русских, перешли на сторону поляков. Полякам открылся путь на Москву.

Поражение войск Дмитрия Шуйского от поляков под Клушиным (24 июня/4 июля 1610 г.) окончательно подорвало шаткий авторитет «боярского царя», и при известии об этом событии в Москве произошёл переворот. В результате боярского заговора Василий Шуйский был смещён, Москва присягнула на верность польскому королевичу [Владиславу](#), а 20-21 сентября польские войска вступили в столицу. Однако, грабежи и насилия, совершаемые польско-литовскими отрядами в русских городах, а также межрелигиозные противоречия между [католицизмом](#) и [православием](#) вызвали неприятие польского господства — на северо-западе и на востоке ряд русских городов «сели в осаду» и отказывались присягать Владиславу. Фактическое управление в это время осуществляла т. н. [Семибоярщина](#) — совет из семи бояр.

В марте [1611 года](#) к стенам Москвы подступило [1-е Ополчение Ляпунова](#), князя Дмитрия Трубецкого и атамана Заруцкого. Был освобожден Белый и часть [Китай-города](#). На «Совете всея земли» было выбрано правительство, во главе которого стояли Ляпунов, Трубецкой и Заруцкий. Совет собирал налоги, разбирал распри между дворянами. Однако в результате распри на военном совете восставших казаков Ляпунов был убит, а оставшиеся войска под предводительством Дмитрия Трубецкого и Заруцкого держали осаду Кремля до прихода второго ополчения. В том же году крымские татары, не встречая отпора, разоряют Рязанский край. Смоленск после долгой осады был захвачен поляками, а шведы, выйдя из роли «союзников», разоряли северные русские города.

Перед подходом ополчения, 17 марта [1611 года польский гарнизон](#), приняв спор на рынке за начало восстания, устроил [резню в Москве](#). В итоге только в Китай-городе погибло 7 тысяч москвичей.

[Второе ополчение 1612 года](#) возглавил [нижегородский](#) земский староста [Кузьма Минин](#), который пригласил для предводительства военными операциями князя [Пожарского](#). В феврале [1612 года](#) ополчение двинулось к [Ярославлю](#), чтобы занять этот важный пункт, где скрещивалось много дорог. Ярославль был занят; ополчение простояло здесь четыре месяца, потому что надо было «строить» не только войско, но и «землю». Пожарский хотел собрать «общий земский совет» для обсуждения планов борьбы с польско-литовской интервенцией и того, «как нам в нынешнее злое время безгосударными не быть и выбрать бы нам государя всею землёю». Для обсуждения предлагалась и кандидатура шведского королевича [Карла-Филиппа](#), который «хочет креститься в нашу православную веру греческого закона». Однако земский совет не состоялся.

Около 20 ([30](#)) [августа 1612](#) ополчение из Ярославля двинулось под Москву. В сентябре второе ополчение [нанесло поражение войскам гетмана Ходкевича](#), пытавшегося соединиться с польским гарнизоном, контролировавшим Московский кремль.

22 октября (1 ноября) 1612 ополчение под предводительством [Кузьмы Минина](#) и [Дмитрия Пожарского](#) штурмом взяли [Китай-город](#); гарнизон Речи Посполитой отступил в [Кремль](#). Князь Пожарский вступил в Китай-город с [Казанской иконой Божьей Матери](#). 26 октября (5 ноября по нов. ст.) командование польского гарнизона подписало капитуляцию, выпустив тогда же из Кремля московских бояр и других знатных лиц; на следующий день гарнизон сдался.

По взятии Москвы, грамотой от 15 ноября, соправители русского государства Пожарский и [Трубецкой](#) созвали представителей от городов, по 7 человек, для [выбора царя](#). [Сигизмунд](#) вздумал было идти на Москву, но у него не хватило сил [взять Волок](#), и он ушёл обратно.

В январе 1613 г. съехались выборные от всех сословий, включая крестьян. Собор (то есть всесословное собрание) был один из самых многолюдных и наиболее полных: на нём были представители даже чёрных волостей, чего не бывало прежде. По мнению историка [Ключевского](#), Земский собор 1613 года был первым всесословным собором. Когда выборные прибыли в столицу, был назначен трехдневный пост, которым представители сословий всей страны хотели очиститься от грехов перед выборами нового государя. По окончании поста начались совещания. Вопрос о выборе государя из числа иностранных правителей был решен отрицательно. Однако и ни один из русских кандидатов сразу не встретил единогласной поддержки. Выставлено было четыре кандидата: [Василий Иванович Шуйский](#), [Иван Михайлович Воротынский](#), [Дмитрий Тимофеевич Трубецкой](#) и [Михаил Фёдорович Романов](#). Современники обвиняли Пожарского, что и он сильно агитировал в свою пользу.

Выборы были очень бурные. Сохранилось предание, что патриарх [Филарет](#) требовал ограничительных условий для нового царя и указывал на своего сына как на самого подходящего кандидата. Выбран был действительно [Михаил Фёдорович](#), и несомненно, ему были предложены те ограничительные условия, о которых писал Филарет: «Предоставить полный ход правосудию по старым законам страны; никого не судить и не осуждать высочайшей властью; без собора не вводить никаких новых законов, не отягчать подданных новыми налогами и не принимать самомалейших решений в ратных и земских делах».

Избрание состоялось 7 февраля, но официальное объявление было отложено до 21-го, чтобы за это время выведать, как примет народ нового царя. С избранием царя кончилась смута, так как теперь была власть, которую признавали все и на которую можно было бы опереться.

При анализе комплекса памятников Смутного времени первое, что бросается в глаза - большое сходство между всеми ними, выраженное как

дословным совпадением отдельных фрагментов, так и сходством структуры произведений, последовательности в изложении событий, оценками главных действующих лиц. Сомнений в том, что здесь из произведения в произведение кочуют некие образцы, нет. Вопрос заключается только в том, как их выявить.

Вполне понятно, что мы имеем возможность говорить о подражании по продукту - возможно, что в ряде случаев имело место и подражание по деятельности, но сведений такого рода историк, как правило, не имеет. Понятно также, что перед нами как минимум две группы образцов - образцы текста и образцы восприятия. Но для того, чтобы понять, в чем сложности их различия, надо немного сказать о рассматриваемом периоде.

Публицистические произведения, посвященные событиям начала XVII в., давно привлекают внимание историков и источниковедов. И не только потому, что описывают Смутное время - один из важных этапов социально-политической истории России; не только потому, что они освещают его очень по-разному, вступая в противоречие друг с другом практически по всем вопросам, и в то же время очень тесно связаны между собой, но и потому, что XVII век - время переосмысления социальных категорий - государства, права, личности. На разных полюсах этого процесса - отмена Юрьева дня и восстание И. И. Болотникова, Лжедмитрий и семибоярщина. Но это переосмысление не могло быть и не было мгновенным. И произведения 1 пол. XVII в. фиксируют становление нового при еще существующем старом.

С точки зрения источниковедения это переосмысление отражается, в частности, в проблемах авторства, жанра, канона - категориях, также подвергающихся трансформации в этот период. Анонимные произведения уступают место авторским, но авторство понимается ограниченно - цитирование другого автора все еще не требует упоминания его имени. Это происходит потому, что автор - это автор не текста, а концепции, версии, видения. Показательный пример тому - дословное цитирование некоего текста с изменением его оценочных характеристик на прямо противоположные - так используется в Ином сказании текст Сказания Авраамия Палицына об "умолении" Бориса Годунова на царство.

Здесь важен тот момент, что воспроизведение некоего фрагмента текста означает обязательного параллельного воспроизведения и образца восприятия - как это не покажется странным, данные образцы входят в состав совершенно разных, непересекающихся, вернее, далеко не всегда пересекающихся эстафет.

Поэтому займемся сначала выявлением образцов текста. Для решения этой задачи в источниковедении существует ряд приемов, применяя которые удалось выявить группу произведений, имеющих в своем составе фрагменты, общие с Иным сказанием (именно это произведение было помещено в центр данного исследования).

Однако выявить круг источников, использующих один и тот же образец текста, причем в виде прямого его копирования - не проблема. Проблема в том, чтобы определить последовательность воспроизведения этого образца в

различных произведениях. Дело в том, что у нас нет никаких оснований предполагать, что все "тиражирование" образца велось с одного произведения. Вполне допустима гипотеза, что он был воспроизведен в одном произведении, которое, в свою очередь, послужило образцом для другого и т.д.

После этого следует обратиться к анализу произведений, не имеющих текстуальных совпадений с Иным сказанием, но весьма близких к нему по составу отображаемых фактов, структуре и оценкам. Здесь возможны две гипотезы: мы имеем дело с тиражированием образца текста, но в форме его переосмысления, или же мы имеем дело с воспроизведением образца восприятия. Сначала проверим первую гипотезу, причем проверка заключается в поисках характеристик недошедшего до нас (ежеди и существовавшего) произведения, которое могло бы послужить образцом для данной группы произведений. Эта гипотеза горячо отстаивалась в свое время В. И. Корецким, который видел в недошедшем до нас произведении так называемую Историю Иосифа, упоминающуюся В. Н. Татищевым.

При попытке выявить характер недошедшего до нас текста неизбежно возникает необходимость определить, какие фрагменты анализируемого памятника являются отображением искомого источника, а какие нет. Сознвая всю гипотетичность такого подхода, в дальнейшем мы будем считать относящимися к искомому источнику фрагменты, имеющие аналогии в других анализируемых произведениях данной группы или поясняющие их. На основе их изучения можно попытаться выявить общий стиль реконструируемого источника, чтобы вернуться к анализируемым произведениям в поисках фрагментов того же стиля. Поэтому одним из основных принципов определения стилевых особенностей реконструируемого источника по отношению к отобразившим его произведениям должен быть поиск отличий, сбоек в стиле этих произведений.

Название памятника публицистики 1 пол. XVII в. "Иное сказание" привлекло мое внимание сразу же. Иное – по отношению к чему? И чем оно иное? Или название надо понимать по-другому? Во время защиты мною диссертации один из присутствующих заметил: «Надо же, иносказания были распространены уже в 17 веке...»

В самом начале XX в. была опубликована монография С. Ф. Платонова, в центре внимания которой находилось Иное сказание. Для определения его места в публицистике XVII в. были привлечены такие памятники, как Повесть, како восхити., Житие царевича Димитрия, позднее вошедшее в Минеи Германа Тулупова, Хронограф 2 редакции. Критерием верификации гипотезы о первичности того или иного памятника выступала избыточность его информации по отношению к некоему другому памятнику. С. Ф. Платонов провел последовательное сравнение Иного сказания со всеми вышеперечисленными памятниками и пришел к выводу о его первичности, т. к. именно Иное сказание оказалось наиболее полным. Необходимо учесть, однако, что избыточность Иного

сказания определялась каждый раз на основании сравнения с одним конкретным текстом, а не со всем комплексом.

Уже в 1926 г. Е. Н. Кушева существенно пересмотрела выводы С. Ф. Платонова. Ее исследование опиралось практически на тот же круг источников (за исключением Повести, како отомсти., которой не было у С. Ф. Платонова), однако она рассмотрела их в комплексе, что позволило выявить одно чрезвычайно важное обстоятельство - избыточность Иного сказания базируется прежде всего не на оригинальности его сообщений, а на контаминации различных источников. Например, избыточность текста А по отношению к тексту Б происходит за счет включенных в текст А сообщений текста В. Избыточность же текста А по отношению к тексту В происходит за счет сообщений текста Б, вошедших в состав текста А.

Вышедшая в 1974 г. статья В. И. Буганова, В. И. Корецкого и А. Л. Станиславского лишь косвенно касалась Иного сказания, однако в ней отразился новый этап в развитии данной тенденции, заключающейся в том, что анализировались не столько совпадающие фрагменты текстов, сколько различающиеся.

Подобный подход позволил В. И. Корецкому поставить вопрос о существовании некоего недошедшего до нас источника, отразившегося в целом ряде памятников.

Отметим, что хотя здесь мы имеем дело с трансформацией образца действия - сравнения текстов, - это направление совершенно не учитывает того, что сходство текстов может объясняться не воспроизведением одного и того же образца текста, т. е. переписыванием отдельных фрагментов из одного памятника в другой, а воспроизведением одного и того же образца восприятия реальности, когда реальность распознается в одних и тех же образах, в сходном контексте.

Ввиду отсутствия жесткой парадигмы источниковедения я сделала попытку выявить алгоритм решения задачи обнаружения источников традиционными методами. Вот как он выглядит:

1 процедура: проверка анализируемого текста на однородность. Под однородностью может пониматься однородность и стилистическая, и тематическая, и концептуальная. Как правило, исследователи не объясняют детально, какие критерии положены ими в основание интерпретации результатов сравнения. Более того, представляется, что зачастую они присутствуют имплицитно и неосознанно для самих исследователей. Эта процедура относится к уровню порождения гипотез - если текст однороден, далее проверяется гипотеза о его самостоятельности, если нет - о наличии источников или зависимых текстов.

2 процедура: определение круга текстов, имеющих общие места с анализируемым памятником. В идеале эта процедура подразумевает перебор всех известных текстов, однако на практике она порождает процедуру первичного поиска.

3 процедура: первичный поиск текстов, связанных с анализируемым. Принципы организации поиска находятся в прямой зависимости от задач исследования - с ориентацией на автора, время, место создания памятника, описание определенных событий и т.п. В нашем случае при изучении Иного сказания в центре внимания находится ориентация на описание одного и того же круга событий. Однако и после такого отбора круг текстов, нуждающихся в сравнении с анализируемым, оказывается, как правило, слишком широк. Тогда организуется поиск по информативным элементам - именам, географическим названиям, датам и т. д. В то же время поиск просто по совокупности этих элементов и даже по их частотным характеристикам слишком незначительно сужает круг текстов, т. к. понятно, что проведенный на предыдущем этапе отсев по описываемым событиям уже в значительной степени определил набор этих элементов. Более рациональным является выявление информативных признаков в определенных фрагментах текстов или, иначе говоря, последовательность этих элементов в текстах. Сравнение в этом случае ведется по сюжетам, что, кстати говоря, уже на данном этапе позволяет определить фрагменты текстов, связанные с аналогичными фрагментами в анализируемом памятнике.

4 процедура: определение первичности фрагментов, а затем и текстов. Критериями в определении первичности выступают, в частности, избыточность информации в некоем тексте и искажения фрагмента при передаче. Кроме уже указанной выше опасности спутать исходную избыточность текста с избыточностью, порожденной контаминацией различных источников, здесь существует еще риск принять ошибки переписчиков за искажения фрагментов текста при передаче. Пожалуй, эта процедура наиболее сложная и почти полностью основана на интуиции исследователя.

5 процедура: выявление фрагментов анализируемого текста, не нашедших аналогий в других текстах, и проверка их на однородность. Если выявленные фрагменты неоднородны, поиск источников продолжается, но круг текстов, сравниваемых с анализируемым, расширяется. Если же они однородны, то вводится новая процедура.

6 процедура: проверка выявленных фрагментов на сходство с фрагментами, нашедшими аналогии в других текстах. Здесь работает новая гипотеза - если выявленные фрагменты однородны и отличны от фрагментов, источники которых обнаружены, то это либо самостоятельный авторский текст, либо отражение недошедшего до нас источника. Во втором случае далее следует реконструкция этого источника. Если же выявленные фрагменты однородны и схожи с фрагментами, источники которых обнаружены, то возможна, например, гипотеза о том, что здесь может иметь место ситуация восхождения текстов - анализируемого и сходного с ним - к общему источнику. Тогда возможен переход к следующей процедуре.

7 процедура: поиск текстов, сходных с анализируемым структурно. В основе этой процедуры лежит гипотеза, что искомый первоисточник выявленных

фрагментов может быть отражен еще в ряде текстов, однако не прямым цитированием, а информационной структурой.

8 процедура: выявление и сравнение информативных элементов в структурно схожих текстах. Она аналогична второму этапу процедуры 3 и служит целям проверки гипотезы о восхождении схожих текстов к общему источнику.

9 процедура: аналогична процедуре 4 определения первичности сходных текстов.

10 процедура: на основании сопоставления данных всех схожих текстов выявляется характеристика первоисточника - содержание, структура, концепция и т.п.

Реализация процедур 1 - 10 позволяет выявить круг источников анализируемого текста и перейти к определению его характеристик.

11 процедура: выявление типа анализируемого текста или же отражения в нем определенного этапа работы автора-составителя. Таких типов можно назвать четыре: сборник, подборка, редакция, законченное историческое произведение. Критериями их поредления выступает сочетание заимствованных и авторских фрагментов, концептуальная целостность памятника, коррекция сведений различных источников и т. п. Впрочем, подробнее мы будем говорить об этом в позже.

12 процедура: определение целей создания анализируемого памятника и его места среди других памятников той же группы. Критериями служат степень новизны сведений и концепции, концептуальная направленность и т. д.

13 процедура: выявление интересующих исследователя характеристик анализируемого памятника. Я говорю здесь столь обобщенно, поскольку содержание этой процедуры полностью диктуется конкретной задачей исследования.

14 процедура: определение времени создания анализируемого памятника. Здесь можно выделить два этапа - локализация памятника во времени, в частности, по описываемым событиям, и по взаимосвязанным с ним памятникам - его источники определяют верхнюю границу, а памятники, источником для которых послужил данный текст - нижнюю.

15 процедура: изучение последующего бытования анализируемого памятника.

Естественно, предлагаемый алгоритм - равно как и любое стандартизированное описание - схематичен, неполон, не учитывает многих нюансов и особенностей. Кроме того, в конкретных исследованиях ряд процедур может быть опущен или трансформирован, порядок их может быть иным.

Понимание того, как "устроено" исследование позволяет нам критически оценивать его результаты. Это особенно важно при изучении историографии периода XIX - первой половины XX вв., когда, с одной стороны, "кухня" исследования редко проникала в конечный текст его изложения, а с другой стороны, часть изучаемых историками памятников - как археологических, так и письменных, - не дошла до нас в первоначальном виде или утрачена вообще. В этих случаях оценка степени достоверности полученных историком выводов и сделанных им наблюдений представляет особую значимость.

Вооружившись изложенными выше методиками, я приступила к анализу Иного сказания - памятника публицистики 1 пол. XVII в. Прежде всего попробуем выявить его структуру. Для этого определим состав сюжетов для каждой части Иного сказания, ориентируясь на высказанные С. Ф. Платоновым предположения о членении памятника.

Для первой части могут быть названы группы: Наречение на царство, Венчание на царство, Смерть царя, Ход военных действий, Ссылки, Слухи, Уникальные сообщения (т. е. не составляющие группы внутри сообщений данной части; к таковым отнесены, например, Досмотр погребения царевича Димитрия, Женитьба Отрепьева, Перенесение мощей царевича Димитрия и т. п.). По этому перечислению сразу видно, что критерием отбора фактов для фиксации является не столько сюжет, сколько персонаж.

На втором этапе определим степень полноты каждого из потоков. Для первой части Иного сказания каждая из групп, кроме Смерти царя, может быть дополнена событиями, не нашедшими отображения в Ином сказании: ни в Наречении, ни в Венчании на царство нет сюжетов, связанных с Федором Иоанновичем; упоминаются только ссылки Шуйских, хотя для этого периода известно и о ссылке Романовых, Бельского и многих других; военные действия описываются только в связи с Отрепьевым; в таком же контексте отмечены и волнения в Москве, хотя они были и при ссылке Бельского, и при московских пожарах. Но все сюжеты этой части Иного сказания объединяет их связь либо с Борисом Годуновым, либо с царевичем Димитрием, либо с Григорием Отрепьевым, либо с Василием Шуйским.

Во второй части Иного сказания - грамотах Василия Шуйского - нельзя говорить о выборе сюжетов, т. к. грамоты включены в состав Иного сказания полностью. Здесь определяющим может быть выбор самих грамот, но этот аспект будет рассмотрен позже.

В третьей части Иного сказания, т. е. в описании времени правления Василия Шуйского вплоть до отхода правительственных войск от Калуги, и в четвертой - летописных заметках, общих с Хронографом 2 редакции, - присутствуют следующие потоки сообщений и отдельные сообщения: Ход военных действий; Венчание на царство; Чудеса. Последняя группа (в третьей и четвертой частях Иного сказания упомянуты три чуда) может быть объединена с сообщениями первой части о чудесах у гроба царевича Димитрия. Таким образом группы сюжетов во всех трех рассмотренных частях Иного сказания (первой, третьей и четвертой) совпадают.

В пятой части Иного сказания - летописных заметках от воцарения Михаила Романова до воцарения Алексея Михайловича - состав сюжетов изменяется: появляются сюжеты, связанные с внешнеполитическими событиями - посольствами, договорами и т. п., не свойственные всему предыдущему тексту Иного сказания; сюжеты, связанные с церковными событиями - приход иерусалимского патриарха, принесение Христовой срачицы, смерти и поставления митрополитов и т. п.; сюжеты, связанные с рождением и смертью

детей царя Михаила; началась фиксация явлений природы - пожаров, обратного течения Волхова. Налицо значительное расхождение тематики сюжетов. Однако оно может быть вызвано отсутствием событий той или иной группы в период, описывающийся в предыдущей части Иного сказания. Проверим это предположение.

В группу сюжетов, связанных с внешнеполитическими событиями периода до воцарения Михаила Романова, могли бы войти: приезд Малат-Кирея, литовских послов, греков, грузин и т. д. К группе сюжетов, связанных с церковными событиями, могут быть отнесены: ссылка Дионисия, приход патриарха иерусалимского; в группу, связанную с рождением и смертью детей царя - рождение и смерть царевны Феодосии; о стихийных бедствиях и природных явлениях - буря в Москве в 7103 г., мор во Пскове и Иван-городе.

Таким образом, отсутствие в первых частях Иного сказания сообщений данных групп не обусловлено отсутствием соответствующих событий. Это позволяет сделать вывод об отличии последней части Иного сказания от остального текста и, следовательно, о наличии двух этапов в создании Иного сказания: а) до воцарения Михаила Романова; б) позднейшие летописные записки. Этот вывод нуждается в текстологической проверке.

Свидетельством единовременного написания первых двух частей Иного сказания - вплоть до воцарения Шуйского и грамоты Шуйского - служит взаимодополнительность сюжетов и отсутствие повторов. В первой и второй частях употребляются такие выражения, как "злое прелщение", "неправедно восхищати", "укор и поношение", "пожат смертоносным серпом", "вниде в сердце" и т. п., а также восклицательные предложения, начинающиеся с междометия "О...". Выражение "Богу попущающу, а сотоне действующу" присутствует также в Новом летописце и в Повести, како отомсти... О. М. Державина делает вывод о трафаретности сравнений в Ином сказании, которые тем самым, видимо, не могут быть использованы при решении вопроса об авторстве, зависимости текстов или их частей. Однако большинство текстов, на основании анализа которых О. М. Державина делает свой вывод, восходят к общему источнику: здесь и Повесть Катырева-Ростовского, и Житие царевича Димитрия, внесенное в Минеи Г. Тулупова, и Временник дьяка Ивана Тимофеева, который согласно наблюдениям В. И. Корецкого восходит к Истории Иосифа. Таким образом возможно, что сходство сравнений есть результат использования одного и того же источника, а не трафаретности выражений.

Это позволяет говорить о единстве первой и третьей части Иного сказания. Правда, И. И. Смирнов, говоря о битвах в ходе восстания И. И. Болотникова (т. е. в третьей части Иного сказания), пишет: "... не может быть сомнений в том, что под двумя битвами, о которых говорит автор, следует разуметь "бой" на реке Пахре и сражение у села Троицкого" и делает вывод, что автор был очевидцем описываемых событий. Текстологические же параллели в описаниях битв позволяют считать, что автор не имел достоверных и подробных сведений о

битвах под Москвой и воспользовался для описания их приведенным им же рассказом о битвах с Григорием Отрепьевым, взяв их из летописного источника.

Сходство, хотя и не столь яркое, проявляется и в стиле первой и четвертой частей, а также третьей и четвертой частей Иного сказания: это и объяснение бед "грех наших ради", и упоминание Петрушки Горчакова вместо Ивашки (хотя в третьей части и сказано, что "такового же ("царевича Петра") не было). Таким образом, первые четыре части оказываются тесно связанными между собой, восходящими к одному и тому же источнику и использующими Хронограф 2 редакции. Они могут расцениваться как отображения одного и того же этапа создания памятника.

Однако, если мы делаем предположение об использовании в ряде текстов одного и того же источника, то его следует аргументировать. Один из возможных способов - поиск дополнительных сведений в различных текстах. Уточним: если различные тексты воспроизводят один и тот же источник, причем воспроизведение заведомо фрагментарно, то сопоставление этих текстов и обнаружение не только их совпадения, но и взаимодополнительности позволит получить требующиеся аргументы. Поэтому обратимся к анализу ряда сюжетов (полный их перечень и разбор в рамках данной работы невозможен из-за значительного объема).

УДЕЛ ЦАРЕВИЧА ДИМИТРИЯ. Иное сказание, Повесть, како восхити... и Повесть Катырева-Ростовского говорят о том, что в Углич были отправлены только Димитрий с матерью. Сказание о Гришке Отрепьеве дополняет этот список Федором и другими Нагими, а Новый летописец утверждает, что с ними уехали также мамка Волохова, сын его (?) Данилка и Микита Качалов. Следовательно, в данном сюжете зависимость между текстами прослеживается слабо.

УБИЕНИЕ ЦАРЕВИЧА ДИМИТРИЯ. Иное сказание и Повесть Катырева-Ростовского говорят о том, что Годунов посылает в Углич Михаила Битяговского и Никиту Качалова. Повесть, како восхити... добавляет к ним Данилу Битяговского, а Сказание о Гришке Отрепьеве упоминает только Битяговских, хотя в убийстве Димитрия по этому тексту принимает участие и Никита Качалов. Этим Сказание вроде бы сближается с Новым летописцем, который в предыдущем сюжете упомянул об отъезде Никиты Качалова в Углич вместе с царевичем.

Однако в самом Новом летописце возникает ряд противоречий - Борис повторно посылает в Углич Никиту Качалова, а также появляется два Данилы - Битяговский и Волохов. Текст Нового летописца весьма избыточен относительно других памятников, что позволяет предположить здесь небрежную контаминацию двух или более источников. Тогда может быть объяснено непонятное местоимение "его" в предыдущем сюжете - видимо некий источник, перечисляя уехавших в Углич вместе с царевичем, упомянул и Михаила Битяговского с сыном его Данилой. Очевидно, что в данном сюжете зависимость между текстами прослеживается слабо.

ССЫЛКА ШУЙСКИХ. Этот сюжет отсутствует только в Повести Катырева-Ростовского. Остальные тексты дополняют друг друга: Новый летописец говорит

о ссылке и убийствах Ивана Петровича на Белозере и Андрея Ивановича в Каргополе. Иное сказание и Повесть, како восхити... упоминают о ссылке еще и Василия Ивановича, но без указания места. Наиболее осведомленным выглядит Сказание о Гришке Отрепьеве, в котором говорится о ссылке также Дмитрия и Ивана Ивановичей в Шую и называется место ссылки Василия и Алексея Ивановичей - Галич. По его же сведениям Иван Петрович был удушен Иваном Турениным в 7097 г., тогда же Смирнов-Маматов убил Андрея Ивановича. Новый летописец упоминает также о ссылке Татевых, Колычевых и других.

Иное сказание и Повесть, како восхити... упоминает о казни "гостей многих". Сказание о Гришке Отрепьеве уточняет их число - 7 человек, а Новый летописец называет имя одного из них - Федора Нагая "с 6 товарищами". Таким образом данный сюжет дает все основания говорить о тесной взаимосвязи всех памятников, кроме Повести Катырева-Ростовского.

СМЕРТЬ БОРИСА ГОДУНОВА. Иное сказание и Повесть, как восхити... говорят о самоубийстве Бориса. В Сказании о Гришке Отрепьеве, Повести Катырева-Ростовского и Новом летописцев просматривается версия отравления. Неясна и дата его смерти: Иное сказание - 13 апреля 7113 г., Сказание о Гришке Отрепьеве - 8 апреля, а Новый летописец просто оставляет на месте числа пробел.

Расходятся и сведения о длительности правления Бориса Годунова: Иное сказание - 7 лет и 5 недель, Сказание о Гришке Отрепьеве - 6 лет и полосьма месяца, Новый летописец - 7 лет. На самом деле, если считать от смерти царя Федора, то прошло 7 лет и 4 месяца, если от воцарения Бориса - 6 лет и 5 месяцев. Наиболее вероятным представляется, что Новый летописец дал округленную дату, Иное сказание - от наречения Бориса на царство, а автор Сказания о Гришке Отрепьеве - от сентября 7106 г., т. е. от собора. В целом же данный сюжет не дает оснований для выводов о зависимости текстов.

ПОХОД БОРИСА НА СЕРПУХОВ. Сюжет присутствует только в Новом летописце и Повести Катырева-Ростовского, которые утверждают, что после наречения на царство и вплоть до венчания на него Борис ходил на Серпухов воевать с крымским ханом. Из Нового летописца неясно, что послужило причиной похода, но Повесть Катырева-Ростовского дополняет, что в Москву был послан гонец с извещением о готовящемся походе хана на столицу. В Новом летописце указана дата возвращения Бориса - Петров день. В данном сюжете есть взаимодополнительность сведений, что позволяет говорить о связи текстов этих двух памятников.

БИОГРАФИЯ ОТРЕПЬЕВА. Сведения о жизни Отрепьева в период, предшествовавший походу на Москву, весьма различаются по информативной насыщенности: Сказание о Гришке Отрепьеве знает только, что он чернец, Повесть Катырева-Ростовского - что еще и сын боярский, Иное сказание добавляет - сын Юшки Яковлева сына Отрепьева. Наиболее подробен Новый летописец, в котором говорится, что в Галиче был сын боярский Замятня Отрепьев, у которого в свою очередь было два сына - Смирной и Богдан, а у Богдана сын Юшка. Еще более различается география деятельности Отрепьева в

этот период. От текста к тексту обрастает подробностями и вся биография Отрепьева, причем меньше всего их в раннем произведении - Сказании о Гришке Отрепьеве, больше всего - в позднем Новом летописце.

БИТВА ПОД НОВГОРОД-СЕВЕРСКИМ. Сюжет отсутствует в Повести, како восхити... В остальных текстах сходятся следующие эпизоды: в Новгород-Северском сидели Н. Р. Трубецкой и П. Ф. Басманов. Им на помощь были посланы правительственные войска под предводительством Ф. И. Мстиславского и Д. И. Шуйского. Произошла битва, в которой победили войска Отрепьева, а Ф. И. Мстиславский был ранен.

Новый летописец уточняет, что из Москвы был послан только Д. И. Шуйский, а с Ф. И. Мстиславским они соединились в Брянске. Сказание о Гришке Отрепьеве называет точную дату сражения - в декабре, в пятницу перед Рождеством, что совпадает с данными Дневной записи. Иное сказание указывает на участие в битве В. И. Шуйского, однако этому противоречат данные Нового летописца и Сказания о Гришке Отрепьеве, которые упоминают о приходе В. И. Шуйского только в битве при Добрыницах.

СТОЯНИЕ ПОД КРОМАМИ. Отсутствует в Повести, како восхити... В остальных текстах очень разная степень информативной насыщенности. Повесть Катыева-Ростовского упоминает только, что бояре пошли под Кромы и стояли там 3 месяца, а город взять не могли. Судя по сообщениям Сказания о Гришке Отрепьеве и Нового летописца, бояре пошли под Рыльск и под Кромы, но далее сказание говорит уже только о том, что в Кромах сидел атаман Корела, и город взять не удалось, а летописец более детально описывает события: Ф. И. Мстиславский пошел на Рыльск, где сидели изменники Григорий Роцин Долгорукий и Яков Змеев, но взять его не смог и отошел под Радонежский острог, а оттуда на Кромы, под которыми стоял Ф. И. Шереметев, а в городе сидел атаман Корела и Григорий Акинфиев.

Здесь не совсем понятно, откуда под Кромами взялся Ф. И. Шереметев, но Иное сказание уточняет, что именно его первоначально послал Годунов, и лишь потом на помощь пришли Ф. И. Мстиславский и Д. И. Шуйский. Интересны также упоминания Нового летописца об отъезде в Москву Трубецкого и Басманова и аналогичные данные Сказания о Гришке Отрепьеве об отъезде Ф. И. Мстиславского и В. И. Шуйского. В целом в этом сюжете есть признаки взаимодополнительности памятников.

ДОСМОТР ПОГРЕБЕНИЯ ЦАРЕВИЧА ДИМИТРИЯ. Есть только в Ином сказании. В досмотре принимал участие В. И. Шуйский. Из текста Иного сказания непонятно, как он оказался в Москве, ведь в предыдущем фрагменте он упомянут среди участников битвы при Добрыницах. Недоумение снимается текстом Сказания о Гришке Отрепьеве, говорящем об отъезде Шуйского в Москву.

ЖЕНИТЬБА ОТРЕПЬЕВА. Противоречий в изложении этого сюжета нет, только Сказание о Гришке Отрепьеве и Повесть, како восхити... дают взаимодополняющие варианты даты: Сказание - "на 3 неделе в четверток на

Иоанна Богослова противу пятницы и памяти Николы", что свидетельствует об общем источнике информации.

УБИЙСТВО ОТРЕПЬЕВА. В изложении хода событий разночтений нет. Сказание о Гришке Отрепьеве дает избыточную информацию о числе убитых и ограбленных поляков и литовцев. Что же касается даты убийства Отрепьева, то 5 текстов дают 4 варианта: Новый летописец - 14 мая, Повесть, како восхити... и Сказание о Гришке Отрепьеве - 17 мая, Повесть Катырева-Ростовского - на 10 день после женитьбы, Иное сказание - на 10 день после женитьбы 16 мая (последние два варианта дают взаимодополняющую информацию).

"На 10 день после женитьбы" - т. е. после 8 мая - это 17 мая: видимо, Иное сказание и Новый летописец ошиблись в расчетах. В Повести Катырева-Ростовского есть еще одна интересная деталь в описании сожжения Отрепьева: его положили "во ад, юже сам сотвори". Однако никаких упоминаний об этом "аде" в Повести Катырева-Ростовского нет, зато они есть в Повести, како восхити... и Ином сказании, что опять-таки свидетельствует об общем источнике этих текстов.

ПРОЩЕНИЕ ШУЙСКИХ. Сюжет есть только в Сказании о Гришке Отрепьеве, причем датируется условно - до женитьбы Отрепьева, т. е. до 8 мая, в том же 7114 г. Это очень важное сообщение, так как из других текстов непонятно, каким образом В. И. Шуйский мог уже через 4 дня после смерти Отрепьева быть наречен на царство. В описании брачного обряда Отрепьева фигурируют некие дружка Дмитрий Иванович и тысяцкий боярин Василий Иванович без указания фамилий. В Росписи чинам Совета при Отрепьеве такие имена и отчества имеют только братья Шуйские, что косвенно подтверждает сообщение Сказания о Гришке Отрепьеве. Здесь можно усмотреть еще один случай взаимодополнительности текстов.

ВЫВОДЫ. Рассмотрение основных сюжетов позволяет прийти к выводу о наличии общего источника для анализируемых текстов. Основанием служит взаимодополнительность текстов. Каждый составитель выбирал из текста-источника нужные (или нравящиеся) ему фрагменты в соответствии с тем, что он считал главным в своем труде и какую политическую позицию он занимал. Приведем умозрительный пример. Если его интересовала прежде всего судьба Годунова, то из источника он брал полностью то, что касалось Бориса, а об остальном упоминал вскользь. Если при этом он хотел подчеркнуть, что Годунов был хороший царь, то фрагменты источника, повествующие о его неблагоприятных поступках, составитель пропускал, перенося внимание на фрагменты, где Годунов выглядел хорошим.

10.2. А БЫЛ ЛИ МАЛЬЧИК?

Мы все время говорим о существовании некоего источника информации для целой группы текстов. Но что он из себя представлял? Как это узнать, если он не сохранился?

Материалов, освещающих Смутное время, было очень много, составитель нового текста мог выбирать (счастливчик! Часто выбирать просто не из чего) наиболее подходящие ему по кругу интересов и политической позиции. Анализируя позиции составителей, использующих искомым источник, можно что-то узнать и о самом источнике.

Теперь попробуем применить для выявления позиции автора-составителя Иного сказания анализ принципов отбора фактов для фиксации из текстов, послуживших источниками Иного сказания.

ПОВЕСТЬ, КАКО ОТОМСТИ... Она почти полностью вошла в состав Иного сказания и принципиальных (не стилистических или орфографических, а содержательных) различий довольно мало:

1. При описании воцарения Федора Иоанновича автор Иного сказания заменяет нейтральное "отпусти на удел" Повести, како отомсти... на более резкое - царевич Димитрий был "отогнан" в Углич.
2. Повесть, како отомсти... говорит о ссылке Борисом Годуновым бояр и вельмож и в первую очередь родственников царя Федора Иоанновича. В Ином сказании родственники Федора Иоанновича не упоминаются вообще, зато появляются сосланные воеводы.
3. По мнению автора Повести, како отомсти... Бог хотел отомстить Борису Годунову за несправедное убийство царевича Димитрия и царя Федора Иоанновича. Иное сказание добавляет: "и прочих неповинно от него убиенных".

Отметим также, что в Ином сказании нет эпизода, вошедшего в Повесть, како восхити... и восходящего, скорее всего, к их общему летописному источнику - о "привораживании" царя Федора Иоанновича Борисом Годуновым. Автор Иного сказания явно не склонен обелять Федора Иоанновича и выставлять его жертвой Бориса Годунова. Характерно также упоминание воевод среди прочих пострадавших - нет ли в этом намек на социальное положение автора Иного сказания?

4. Иное сказание ничего не говорит об обещаниях Отрепьева, данных воеводам: "... от темницы свобождеие и от уз разрешение. И обещаюя воинскому чину поместья и вотчины изобилувати, и златом и серебром удовлети, а гостем и торговым и всяким тяглым людем великую льготу давати", в результате чего Отрепьева в городах ждали с радостью (о чем Иное сказание тоже не упоминает).
5. При описании состава посольства за мощами царевича Димитрия Иное сказание не упоминает Нагих, заменив их безличным "с товарищами".

ЖИТИЕ ЦАРЕВИЧА ДИМИТРИЯ. В состав Иного сказания вошла только первая часть - об убийстве и погребении царевича, в которой автор Иного сказания также сжимает характеристику царя Федора Иоанновича как "благочестивого и христоролюбивого", даваемую в Житии.

Интересен сам выбор жития. В XVII в. была широко распространена редакция, вошедшая позднее в Минеи Милютина, однако составитель Иного сказания обратился к житию, вошедшему позднее в состав Минеи Германа Тулупова. Сопоставление текстов обоих житий позволяет предположить, что

житие, вошедшее в состав Минеи Милютина, не устраивало составителя Иного сказания по трем причинам: 1) оправдание царя Федора Иоанновича; 2) уделение большого внимания Нагим; 3) компроментация Василия Шуйского в связи с его ролью в следствии по делу об убийстве царевича. При анализе принципа отбора сюжетов уже был сделан вывод, что именно эти три момента привлекали особое внимание составителя Иного сказания.

Использование в Ином сказании ПОВЕСТИ ТЕРЕНТИЯ подтверждает мнение, что автор Иного сказания - москвич. Возможно, свидетельствует оно и еще о чем-либо, так как упоминание о "чудесах" в целом не характерно для Иного сказания - может быть, следует искать некую связь между протопопом Терентием и автором Иного сказания, но это пока лишь на уровне предположения.

СКАЗАНИЕ АВРААМИЯ ПАЛИЦЫНА. Сопоставим списки сюжетов в обоих памятниках в обобщенном виде:

Иное сказание	Сказание Палицына
1. Регентский совет	-
2. Убиение царевича Димитрия	очень кратко
3. Ссылки бояр	очень кратко
4. -	Гонения на Романовых
5. -	Голод
6. -	Планы Годунова по поводу его детей
7. Поход Отрепьева	очень кратко
8. -	Обличение Отрепьева родственниками
9. Восстание Болотникова	очень кратко

Таким образом, сюжеты, полно описанные в одном памятнике, отсутствуют или описаны весьма кратко в другом. Помытуя о том, что Иное сказание вторично относительно Сказания Авраамия Палицына, можно придти к выводу, что полное заглавие Иного сказания - "Той же первой Истории последнее вторым сказанием иже в первой скращено zde же приполнено, и где в первой полно, zde же скратно писано. Инаго творение" - отражает действительное соотношение его со Сказанием Авраамия Палицына. По всей вероятности, создание Иного сказания имело целью обеспечить полноту сведений о Смутном времени, учитывая наличие Сказания Авраамия Палицына.

Попытаемся определить место Иного сказания в процессе создания исторического произведения и соответственно остальные элементы процесса.

При анализе Иного сказания в рамках указанной выше методики выявляется несколько этапов работы над созданием исторического произведения: Сказание Авраамия Палицына - основной источник; Иное сказание - подборка; Сказание Авраамия Палицына и Иное сказание - сборник. Остается выяснить, какое историческое произведение возникло в результате этой работы.

Ответ в данном случае однозначен - Хронограф 3 редакции, основными источниками новых статей которого послужили именно Сказание Авраамия Палицына и Иное сказание. Тогда выявляется следующая цепочка текстов: Сказание Авраамия Палицына - Сказание Авраамия Палицына + Иное сказание - Хронограф 3 редакции.

Однако Иное сказание не представляет собой самостоятельного исторического произведения, и соответственно его созданию мог предшествовать этап, условно названный составлением сборника. Такого сборника в реалии, в дошедшем до нас материале обнаружить пока не удалось. Но при анализе структуры Иного сказания привлекает внимание одно обстоятельство - все избыточные относительно летописного источника сообщения обрываются на воцарении Василия Шуйского. Не цитируются более в Ином сказании и правительственные грамоты. На мой взгляд, это свидетельствует о том, что составитель Иного сказания не только не был осведомленным человеком, но и не имел доступа к архивам.

По всей вероятности, при описании событий до 1606 г. он использовал какой-либо из тематических сборников, имевших достаточно широкое распространение. Примером такого сборника может служить Ермолаевский сборник, в состав которого входят 45 патриарших и царских грамот времени от царствования Бориса Годунова до царствования Михаила Федоровича; краткое житие царевича Димитрия; Повесть, како восхити.; Повесть Терентия; Иное видение. Очевидно, что состав этого сборника почти полностью совпадает с составом источников Иного сказания - в последнем отсутствует только Иное видение и вместо Повести, како восхити... использована Повесть, како отомсти... Таким образом получается, что Иное сказание не использовало непосредственно искомый источник - его использовали другие тексты, послужившие в свою очередь источниками для Иного сказания.

Попробуем выявить характеристики искомого источника на основании анализа других текстов.

Прежде всего внимание привлекает Сказание о Гришке Отрепьеве как одно из самых ранних среди рассматриваемых произведений. Оно имеет погодную шкалу изложения.

На то, что она присуща не только Сказанию о Гришке Отрепьеве, но и его источнику, указывает, во-первых, фраза "того же 114-го году", хотя выше этот год нигде не упоминается, а во-вторых, дата "месяца июня в четверток", дающая основание предполагать пропуск в тексте Сказания о Гришке Отрепьеве.

Еще одной характеристикой является религиозное определение дат, что позволяет сделать вывод о том, что источником Сказания о Гришке Отрепьеве служили некие летописные заметки, освещающие современные им события и делавшиеся, по всей вероятности, в церковных кругах.

При анализе Повести Катырева-Ростовского можно отметить еще одну особенность стиля его источника - наличие подзаголовков, поскольку самой

Повести Катырева-Ростовского они не свойственны. Имеется один подзаголовок и в первой части Иного сказания - "О битве при Добрыницах".

Повесть, како восхити... также имеет ряд подзаголовков, восходящих к ее источнику. Кроме того признаками, характеризующими этот источник, являются наименование царевича Димитрия "государем своим (Борисовым) и нашим", что может быть отнесено по времени написания к убийству царевича Димитрия, т. е. к описываемым в этом фрагменте событиям; фразы "яко же прежде во Цариграде.., тако и ныне сей Борис...", "Ох, люте быша нам в нынешнем 114 году...", "государь наш царь и великий князь Василий Иванович...", что также свидетельствует о том, что источник имел характер повременных летописных записей (отметим, что когда в тексте речь идет о русских царях прошлого времени, местоимение "наш" не употребляется - ср. "государь царь и великий князь Иван Васильевич...").

Еще одной характеристикой искомого источника является изложением им слухов: о появлении Лжедмитрия, о поругании чести Ксении, а также о содержании Борисом Годуновым волхвов (этот слух документально засвидетельствован). Видимо, аналогично происхождение и версий об убийстве Дмитрия и Федора Борисом Годуновым и о поджоге им Москвы.

На основании частоты упоминаний я пришла к выводу, что автор искомого текста мог принадлежать к церкви Успения Богородицы в Москве.

Однако сходны ли выявленные характеристики с теми, которые получил В. И. Корецкий в ходе своей реконструкции Истории Иосифа? В целом - да. Исключение составляет лишь принадлежность Иосифа ко двору патриарха Иова, а не к церкви Успения Богородицы, но дело в том, что его судьба нам известно фрагментарно, так что возможно, и был некий период, когда он был связан с церковью Успения Богородицы в Москве.

Казалось бы, гипотеза находит свое подтверждение. Но одно обстоятельство вызывает сомнения: История Иосифа в таком случае используется как образец на протяжении почти полувека (не считая воспроизведения этого образца В. Н. Татищевым) в произведениях самых разных жанров и идейно-политической ориентации, причем эти произведения явно не восходят друг к другу, а используют именно Историю Иосифа. А сама История Иосифа при этом не сохранилась. Более того, никакой хронологической последовательности для этих произведений по накоплению ошибок установить не удастся (они датируются по совершенно другим признакам). Это означает, что История Иосифа (если это она) бралась не из какого-то текста, который ее использовал, а из оригинала. Тогда она должна бы войти в состав многих сборников, но именно это и не произошло. Почему? Увы, не на все вопросы историк может найти ответ...

10.3. НЕ ЖАЛЕЯ КОШТУ

Еще раз поговорим о роли личности: Смутному времени нужен был Лжедмитрий – неважно, будет им Отрепьев или кто-другой. Не важно это было и для Марины Мнишек. Ведь недаром в конечном итоге Лжедмитриев было целых четыре!

Каким же был Григорий Отрепьев? Совсем не похожим на свою маску и навязанную ею роль.

Вернемся теперь к разговору о роли лидера и для этого обратимся к событиям начала XVII в., точнее, к биографии Григория Отрепьева. Историками редко допускается возможность иной, чем принято, интерпретации этого образа. И здесь сказывается не только унифицированный подход к освещению событий их современниками, о чем мы уже говорили, но и магнетизм имени А. С. Пушкина, который в "Борисе Годунове" воспроизвел тот же образец восприятия и, более того, усилил его своим гением. В результате Григорий Отрепьев - авантюрист, предатель интересов отечества, человек самодовольный и недалекий. Но так ли это?

Юрий (в иночестве — Григорий) Отрепьев принадлежал к знатному, но обедневшему роду Нелидовых - выходцев из [Литвы](#), один из представителей которого, Давид Фарисеев, получил от [Ивана III](#) нелестную кличку Отрепьев. Считается, что Юрий был на год или два старше царевича.^[1] Отец Юрия, Богдан, имел поместье в [Галиче \(Костромская волость\)](#) недалеко от [Железно-Боровского монастыря](#), величиной в 400 четей (около 40 гектар) и 14 рублей жалования за службу сотником в стрелецких войсках. Имел двоих детей — Юрия и его младшего брата Василия. Для того чтобы прокормить семью, и обеспечить, как ему было предписано по должности, *коня с саблей, пару пистолей и карабин* а также одного [холопа с пищалью з долгою](#), которого он был обязан полностью снарядить за свой счёт, доходов, вероятно, не хватало, так как Богдан Отрепьев вынужден был арендовать землю у [Никиты Романовича Захарьина](#) (деда будущего царя Михаила), чье имение находилось тут же по соседству. Погиб он очень рано, в пьяной драке, зарезанный в [Немецкой слободе](#) неким «литвином», так что воспитанием сыновей занималась его вдова. Ребёнок оказался весьма способным, легко выучился чтению и письму, причем успехи его были таковы, что решено было отправить его в Москву, где он в дальнейшем поступил на службу к [Михаилу Никитичу Романову](#). Здесь он опять же показал себя с хорошей стороны, и дослужился до высокого положения — что едва не погубило его во время расправы с «романовским кружком». Спасаясь *от смертные казни* он постригся в монахи в том же монастыре Железный Борок под именем Григория. Однако, простая и непритязательная жизнь провинциального монаха его не привлекала, часто переходя из одного в другой, он в конечном итоге возвращается в столицу, где по протекции своего деда Елизария Замятни, поступает в аристократический [Чудов монастырь](#). Грамотного монаха вскоре

замечает [архимандрит](#) Пафнутий, затем после того, как Отрепьев составил похвалу московским чудотворцам, он делается «крестовым дьяком» — занимается перепиской книг и присутствует в качестве писца в «государевой Думе».

Именно там, если верить официальной версии, выдвинутой правительством Годунова, будущей претендент начинает подготовку к своей роли; сохранились свидетельства чудовских монахов, что он расспрашивал их о подробностях убийства царевича, а также о правилах и этикете придворной жизни. Позже, опять же если верить официальной версии, «чернец Гришка» начинает весьма неосмотрительно хвалиться тем, что когда-нибудь займёт царский престол. Похвальбу эту ростовский митрополит Иона доносит до царских ушей, и Борис приказывает сослать монаха в отдалённый [Кириллов монастырь](#), но дьяк Смирной-Васильев, которому было это поручено, по просьбе другого дьяка Семёна Ефимьева отложил исполнение приказа, потом же совсем забыл об этом, пока неизвестно кем предупреждённый Григорий бежит в Галич, затем в [Муром](#), в Борисоглебский монастырь и далее — на лошади, полученной от настоятеля, через Москву в [Речь Посполитую](#), где и объявляет себя «чудесно спасшимся царевичем».

Отмечается, что бегство это подозрительно совпадает со временем разгрома «романовского кружка», также замечено, что Отрепьеву покровительствовал кто-то достаточно сильный, чтобы спасти его от ареста и дать время бежать. Сам Лжедмитрий, будучи в Польше, однажды оговорился, что ему помог дьяк [Василий Щелкалов](#), также подвергшийся затем гонению от царя Бориса.

Когда в [1604 году](#) самозванец, выдававший себя за царевича Дмитрия ([Лжедмитрий I](#)) перешёл русскую границу и начал войну против [Бориса Годунова](#), правительство Бориса официально объявило, что под именем царевича скрывается беглый монах, [расстрига](#) Гришка Отрепьев. Григорию была объявлена [анафема](#). Узнав об этом, Лжедмитрий в некоторых занятых им городах показывал народу человека, который утверждал, что он и есть Григорий Отрепьев, а тот, кто выдаёт себя за Дмитрия — не Отрепьев, а истинный царевич. По некоторым данным, роль Отрепьева играл другой монах, «старец» Леонид (*старцами* в то время называли монахов не обязательно пожилого возраста).

Правительство [Фёдора Годунова](#) в связи с этим внесло (апрель [1605 г.](#)) в формулу присяги царю отказ от поддержки «тому, кто именует себя Дмитрием» — а не «Отрепьеву». Это вызвало у многих уверенность в том, что версия об Отрепьеве — ложь, а царевич Дмитрий — настоящий. Вскоре Лжедмитрий I воцарился на московском престоле и был признан, искренне или нет, истинным сыном Ивана Грозного.

После убийства Лжедмитрия I правительство [Василия IV Шуйского](#) вернулось к версии о том, что самозванец был Григорий Отрепьев, как к официальной. Такое

положение дел сохранялось и при [Романовых](#). Имя «Гришки (со времён [Павла I](#) — Григория) Отрепьева» сохранялось в перечне анафематствуемых, читаемых каждый год в [Неделю православия](#), вплоть до царствования [Александра II](#).

Уже многие современники (разумеется, в расчёт принимаются только те, кто считал Дмитрия самозванцем, а не настоящим царевичем) не были уверены в том, что Лжедмитрий I и Григорий Отрепьев — одно лицо. Решительным защитником отрепьевской версии выступил [Н. М. Карамзин](#). Вместе с тем, например, [Н. И. Костомаров](#) возражал против отождествления самозванца с Отрепьевым, указывая, что по образованию, навыкам, поведению Лжедмитрий I напоминал скорее польского [шляхтича](#) того времени, а не костромского дворянина, знакомого со столичной монастырской и придворной жизнью. Кроме того, Отрепьева, как секретаря [Патриарха Иова](#), московские бояре должны были хорошо знать в лицо, и вряд ли он решился бы предстать перед ними в образе царевича.

Оба эти мнения воплощены в написанных в XIX веке драматических произведениях о Борисе Годунове; мнение Карамзина обессмертил [А. С. Пушкин](#) в пьесе «Борис Годунов», мнению Костомарова последовал [А. К. Толстой](#) в пьесе «Царь Борис».

[С. Ф. Платонов](#) писал так: *«Нельзя считать, что самозванец был Отрепьев, но нельзя также утверждать, что Отрепьев им не мог быть: истина от нас пока скрыта».*

Дискуссия между представителями обеих точек зрения активно продолжалась и в XX в.; были обнаружены новые сведения о семье Отрепьевых, которые, как утверждает сторонники версии тождества этих персонажей, объясняют благожелательные отношения Лжедмитрия I к [Романовым](#). Историк [Руслан Григорьевич Скрынников](#) придерживается мнения о тождестве личности Отрепьева и Лжедмитрия. В подтверждение этой гипотезы он приводит большое количество доказательств.

«Произведем несложный арифметический подсчёт. Отрепьев бежал за рубеж в феврале 1602 г., провёл в Чудове монастыре примерно год, то есть поступил в него в самом начале 1601 г., а надел куколь незадолго до этого, значит, он постригся в 1600 году. Цепь доказательств замкнулась. В самом деле, Борис разгромил бояр Романовых и Черкасских как раз в 1600 году. И вот ещё одно красноречивое совпадение: именно в 1600 году по всей России распространилась молва о чудесном спасении царевича Дмитрия, которая, вероятно и подсказала Отрепьеву его роль».

«По-видимому, Отрепьев уже в Киево-Печерском монастыре пытался выдать себя за царевича Дмитрия. В книгах Разрядного приказа находим любопытную запись о том, как Отрепьев разболелся „до умертвия“ и открылся печерскому игумену, сказав, что он царевич Дмитрий».

Я вполне согласна с отождествлением Отрепьева и Лжедмитрия и отнюдь не претендую на какую-либо полноту освещения этой проблемы в кратком изложении. Более того, я не настаиваю на абсолютной адекватности предлагаемой здесь интерпретации образа Отрепьева. Моя цель - полемическое заострение внимания на некоторых моментах его биографии.

Первый момент, который привлекает внимание в истории Григория, - зарождение и формирование интриги. Исследователями высказывалось предположение, что за спиной Отрепьева стояли бояре из дома Романовых и что интрига с самого начала была ориентирована на захват трона. Однако проследим ход событий.

Григорий появляется в Литве и называется Димитрием. При этом выясняется, что у него нет мало-мальски проработанной версии своего спасения и жизни в последующий период. Это обстоятельство заставляет засомневаться в подготовленности интриги, а также в том, что Отрепьев - прожженный авантюрист. По всей вероятности, идея назваться царевичем Димитрием возникла у него спонтанно. Цель ронятна: Григорий хочет сбросить рясу на "законном" основании, а таковым может явиться объяснение своего монашества "переодеванием" в процессе бегства. Т. е. Григорий утверждает, что он никогда и не принимал постриг, а лишь облачился в монашескую рясу, когда бежал от Бориса Годунова. А тогда он не расстрига и хотя все же грешник, грех его значительно меньше. Это предположение объясняет саму идею смены имени, но не выбор имени царевича Димитрия.

Однако и этому есть свои резоны: 1 - носитель имени должен быть гоним Борисом Годуновым; 2 - он должен считаться мертвым или находиться где-то там, откуда невозможно получить о нем сведения; 3 - он должен быть приблизительно одного возраста с Григорием Отрепьевым; 4 - его внешность в последнее время видели не часто; 5 - его жизнь, причем во всех ее проявлениях, должна быть известна Отрепьеву. И последнее. Если Отрепьев хочет быть принят в "высшем свете" - а он этого хочет как человек и достаточно самолюбивый, и просто привыкший в нем вращаться, - то имя должно принадлежать именной особе. Понятно, что наиболее полно отвечает всем этим требованиям именно имя царевича Димитрия, особенно в пункте о внешности - как должен выглядеть царевич спустя 11 лет после своей смерти, пусть даже мнимой, никому, естественно, неизвестно. На мой взгляд, возникновение идеи назваться царевичем Димитрием эта совокупность обстоятельств объясняет.

Следующий вопрос - планировал ли Григорий Отрепьев захват Московского царства? Посмотрим по событиям. В Литве, по мнению некоторых ученых, Григорий принимает арианство, начинает изучать польский язык и латынь. Зачем это ему, если конечная цель интриги - Москва? Для расширения кругозора? Вряд ли. Гораздо более объяснимы его поступки, если предположить, что Отрепьев хотел остаться в Польше и вести жизнь именованного эмигранта. Но для этого мало назваться царевича Димитрия, надо еще приобрести покровителей. И Григорий приобретает их, "деля шкуру неубитого медведя", т. е.

раздавая обещания в счет якобы возможного прихода к власти. Это объясняет, почему Отрепьев так щедр и выглядит столь непатриотичным - он просто с самого начала не верит в эту возможность, да, собственно, и не стремится в Москву. По всей вероятности, его недавняя приближенность к царскому столу - через патриарший двор - дает ему основания для столь сдержанной оценки своих шансов. И в принципе он прав - столкновение с царскими войсками действительно приводит его к поражению. Но об этом чуть позже. Итак, позиция Отрепьева может быть сформулирована следующим образом: почему бы и не пообещать, если выполнять все равно не придется?

Но положение Отрепьева осложнилось после поддержки, которую ему оказал польский король Сигизмунд III. Р. Г. Скрынников считает, что Григорий добился ее "поразительной способностью приспособляться к обстоятельствам", а чуть ниже называет его авантюристом. Однако согласно дальнейшему изложению того же автора, сам Отрепьев не приложил ровным счетом никаких усилий для сближения с королем - эта часть интриги была целиком в руках Юрия Мнишека и папского нунция Рангони. Кстати, последующий переход Григория в католичество, по совершенно справедливому мнению Р. Г. Скрынникова, оттолкнул от него союзников - православную украинскую чернь, киевских мужиков, донских казаков. Мог ли умелый авантюрист сделать такой шаг?

И тут завязывается первая петля на шее Отрепьева - его поддержало донское казачество. Деваться некуда - надо было идти на Русь и сделать попытку, вернее, видимость попытки выполнить обещания. О том, что в этот момент Григорий не рвался в Москву, свидетельствует его желание бежать в Польшу после первой же неудачи у Новгород-Северского. И только сдача Путивля без боя заставила его продвигаться дальше. К тому же имеются сведения о том, что Отрепьев просил запоржцев "посадить его на Путивле", а вовсе не на Москве.

И вот первое серьезное поражение - в битве при Добрыничах. И опять-таки Отрепьев пытается бежать из России, однако его не выпускают повстанцы. А вскоре - новая петля на шее Григория: смерть Бориса Годунова, пришедшаяся как нельзя более кстати, прямо как по заказу. Перед людьми вставала необходимость выбора: кому приносить присягу - шестнадцатилетнему Федору, законному сыну и наследнику незаконного царя Бориса, или "Димитрию", возможно, вовсе и не сыну, но зато законного царя Иоанна. И в этой ситуации многие, естественно, предпочли Отрепьева. Колесо судьбы завертелось с еще большей неотвратимостью - несмотря на полную небоеспособность армии Отрепьева, она как заведенная продвигалась к Москве. Более того, московские бояре продвигались ей навстречу, к Туле.

И тут мы подходим к самому неприятному моменту в биографии Отрепьева - убийству Федора Годунова и его матери. В источниках прослеживаются две версии - что Григорий приказал их убить сам и что это было сделано ему в угоду, но без приказа. К. Буссов считает, что "Димитрий" повелел "убрать с дороги" Федора с матерью, но убрать с дороги можно и не убивая. Т. Смит утверждал, что

Григорий приказал арестовать их до своего приезда. Арест-то выглядит вполне обоснованным - два русских царя на одну Москву, пожалуй, действительно много. Но в саму систему образцов действия Отрепьева это убийство не вписывается - вспомним хотя бы его поведение в назначенной казни Василия Шуйского. Вероятно, все-таки перестарались "доброжелатели", вычисляя желание нового царя по известным им образцам - Иоанна Грозного, да и того же Бориса Годунова.

Следующий шаг - низложение патриарха Иова. В источниках оно объясняется верностью патриарха Иова наследнику Бориса Годунова. Однако, как представляется, у Отрепьева были и иные мотивы торопиться с расправой. Ведь что-то послужило в свое время причиной его бегства с патриаршего двора, несмотря на блистательную карьеру. Озлобление Григория против монастырей и монахов, его "безбожие" также уходят корнями в этот период его жизни. Похоже, что низложение патриарха Иова - не только политический шаг, но и сведение личных счетов, о которых нам, к сожалению, ничего не известно.

Итак, Отрепьев оказался на царском троне. Была ли у него какая-либо программа действий? В принципе, если царский трон был его изначальной целью, программа должна, просто обязана была быть. Однако ее не было. Еще во время похода, в беседах со своими товарищами Отрепьев постоянно возвращался к двум темам: невежества, праздности и беспутстве монахов и необходимости просвещения в России - извечные темы русского интеллигента. И после своего воцарения Григорий мечтает прежде всего собрать детей в школы, отправить русских людей учиться в Западную Европу. Что же касается всего остального, то Отрепьев говорил: "Два способа у меня к удержанию царства, один способ - быть тираном, а другой - не жалеть кошту, всех жаловать; лучше тот образец, чтобы жаловать, а не тиранить". Надо признать, что эта позиция, прямо скажем, нетривиальная для русских царей. Да и вообще, поведение Григория, его нововведения не вписываются в традиционное понятие царской власти того времени. Здесь и элементы демократизма - Отрепьев запросто беседовал с боярами, без слуг и телохранителей заходил в лавки и другие места; и стремление не только быть, но и "работать" царем - Григорий ввел ежедневные заседания с сенатом, причем часто находил лучшие решения, чем его советники; два раза в неделю - по средам и субботам - принимал жалобы у населения. В принятом им законе о холопах была сделана попытка пресечения наиболее вопиющих злоупотреблений. Даже противник Отрепьева, И. Масса, вынужден был признать, что установленные Григорием законы безупречны и хороши.

Однако все действия Григория свидетельствуют о его полной непригодности к роли царя. Он поступает как образованный, умный человек, знающий общее положение в стране и в правящей верхушке, пытающийся воплотить в жизнь свои представления об идеальном государстве, но не владеющий пониманием механизма власти, механизма воздействия на общественное мнение, знанием глубинной расстановки сил. Любой интеллигентный, думающий человек имеет некоторые политические идеалы, но

получи он неожиданно для себя власть, его судьба была бы сходна с судьбой Отрепьева. История знает такие примеры.

Отсюда и ошибки Григория - чрезмерное возвеличивание Нагих, размолвки с Церковью, сотворение "ада" и т. п. Заметим, что все они основаны на просчетах в области социальной психологии, на невладении механизмами трансформации образцов или их использования.

Отрепьеву казалось, что жестокость предшествовавшего периода достаточно подготовила почву для гуманного, просвещенного правления. Но это было не так. Иван Грозный умер, но во-первых, были еще живы и имели реальную силу многие его сподвижники, а во-вторых, жизнь по накатанному, привычному руслу, особенно если привычка основана на страхе, повернуть сразу сложно - слишком велика сила инерции. Григорий пришел слишком рано.

Для того, чтобы воздействовать на механизм власти, надо быть включенным в ее систему. Григорий Отрепьев был "внесистемен" и понимал это. Есть один странный эпизод в его биографии - отношения с Ксенией Годуновой. Источники утверждают, что Отрепьев "обесчестил" ее и долго не отпускал от себя. Что касается первого, то это слухи, подтвердить или опровергнуть которые чрезвычайно сложно, а вот второе действительно так. Не было ли у Григория идеи породниться через Ксению с Годуновыми и тем самым приобрести хоть какие-то внутренние права на трон, смягчить отношение к себе сторонников свергнутого царя, примирить враждующие силы? Признаюсь, что если бы это было так, мне кажется, Отрепьев совершил бы чуть ли не единственный политически и психологически верный, оправданный шаг. Но брак Ксении и Григория не состоялся. Что тому причиной - любовь Григория к Марине Мнишек? Скорее всего. В исторических исследованиях не принято говорить о любви, однако, как мне кажется, в данном случае любовь - та пружина, которая приводила в действие всю интригу. Об этом свидетельствуют и письма Отрепьева к невесте, и нетерпение, с которым он ожидал ее приезда. Не были ли вообще подписаны им "кондиции" с Сигизмундом III ради пункта о браке Григория с Мариной Мнишек? И это при том, что он не мог не понимать: брак с иноверкой только осложнит его положение на троне, только еще больше накалит страсти.

Да, Марина Мнишек не соответствовала эталону красоты того времени - но и Отрепьев не слишком следовал канонам.

Так или иначе, но Григорий Отрепьев остался "внесистемным" человеком. И "система" сначала попыталась подмять его, а когда это не удалось - просто убила.

Таким образом, иная интерпретация вполне возможна, более того, на мой взгляд, точнее воспроизводит реальные события.

11. СОГЛАСЕН ПОЗНАКОМИТЬСЯ... (брачные объявления)

11.1. РЫНОК НЕВЕСТ

Брачные объявления схожи с объявлениями типа "Меняю". Есть раздел предложения - описание себя - и раздел спроса - описание партнера. Какова же ситуация на брачном рынке?

Мною были проанализированы 2 000 брачных объявлений из газет "Ригас балтс", "Вечерняя Алма-Ата", "Вечерний Киев" и харьковской "Красное знамя". Основная задача - выявление ценностных ориентаций в области социально-бытовых проблем советского человека, а также наблюдения за региональной, национальной, возрастной, половой и пр. спецификой представлений о семье, брачном партнере и т.д.

В качестве первоочередной задачи стояло выявление образцов брачного объявления для конкретной газеты и для данного конкретного подателя объявления. Дело в том, что, естественно, подавая объявление человек знакомится с уже опубликованными объявлениями и вольно или невольно в чем-то подражает им. Это с одной стороны. А с другой - редакция правит, сокращает и т.д. сданный текст также в соответствии с какими-то своими образцами. Поэтому в смысле формы объявления, как правило, достаточно стандартны. На основании анализа типа образца, регулярности его воспроизведения можно сделать вывод о принадлежности образца - образец редакции воспроизводится во всех без исключения или почти во всех объявлениях, а сам податель следует обычно какому-то одному из вариантов - я выделила образцы анкетного типа, "романтические" (иногда даже в стихах, но в любом случае очень эмоциональные), очень сжатые и сухие. Изредка встречаются объявления, следующие образцу иронического стиля.

Иногда податель объявления делает попытки "прорваться" сквозь образец редакции. Так, например, харьковская газета "Красное знамя" не публикует сведений по графе "национальность". И в ряде случаев податели стараются обойти этот запрет, указывая: "семитская внешность", "ищу человека без национальных предрассудков" и т.п.

Теперь в объявлениях, "очищенных" от образцов в виде других объявлений, можно искать какие-то сущностные признаки. Прежде всего бросается в глаза образец восприятия "хорошего человека". Вполне понятно, что податель объявления хочет не просто с кем попало познакомиться, а вступить в брак именно с хорошим человеком - с этой точки зрения описание требований к партнеру и есть описание наиболее существенных для подателя объявления черт хорошего человека. С другой стороны, для того, чтобы читающий откликнулся на объявление, он в свою очередь должен увидеть в подателе хорошего человека - поэтому самописание тоже есть описание хорошего человека, только другого пола.

Однако на формирование образа хорошего человека оказывает влияние не только и не столько личный опыт подателя объявления, сколько его социальное окружение и положение. Для выявления этого влияния необходимо проанализировать половую специфику, возрастную и пр. Так, если в молодости на одном из первых мест стоит внешность, то с возрастом ее вытесняют хозяйственные склонности. Существенно различаются образцы хорошего человека для людей со средним и высшим образованием. Немаловажные факторы - национальность, профессия и место жительства. Так, признак "экстравагантность" по мере удаления от центральных районов пользуется все меньшей популярностью. Отмечу, что при подобном анализе в основу была положена гипотеза, что сам факт фиксации того или иного параметра свидетельствует о его значимости для подателя объявления. Поэтому я рассматривала не столько, какие волосы должны быть у хорошего человека, сколько степень важности этого признака для отнесения человека к числу хороших.

Выявив все возможные частные образцы, можно перейти к выявлению образцов личного характера. Однако и здесь есть нечто общее - существенно различаются образцы в зависимости от предшествующего опыта семейной жизни или отсутствия такового. Люди, состоявшие ранее в браке, совсем по-иному представляют себе хорошего человека, чем холостяки. И в этом плане формирование образа хорошего человека часто идет от "анти-образца", т.е. искомый брачный партнер должен быть прежде всего не похож на предшественника, отсюда большое число описаний через отрицание.

Однако кроме образца хорошего человека в брачных объявлениях присутствует также описание образца брака и образца брачного знакомства. Что касается образца брака, то здесь есть два аспекта - предпочтение гомогенного или гетерогенного браков и само содержание брачных отношений. В ходе анализа выяснилось, что стремление к национально однородным бракам особенно сильно в среднеазиатских республиках, что же касается всех остальных параметров, то налицо половая специфика - мужчины склонны к бракам, неоднородным по социальному статусу (естественно, требуя своего лидерства), да и смешению по другим параметрам особого значения не придают. Женщины же более склонны к бракам однородным и равноправным.

По содержанию брачных отношений можно различать браки деловые, романтические и инфантильные. Для первых характерно внимание к условиям жизни, хозяйственным способностям, возможности иметь детей и пр., для вторых - любовь, семейный очаг, духовная близость, для третьих - совместные походы в музеи и на стадионы. Здесь также водораздел проходит прежде всего по наличию или отсутствию предшествующего брачного опыта - если он есть, то человек уже, как правило, понимает, что семья - это не прогулки в музей или при луне. Очень интересно, что практически нив одном объявлении не зафиксирована половая сторона брачных отношений, хотя она явно весьма значима. Но это отсутствие относится уже к сфере представлений о форме брачного знакомства.

Для подавляющего большинства подателей брачных объявлений такая форма знакомства представляется "неправильной" - исключения составляют жители Прибалтики, имеющие традиции в этой области. Эта "неправильность" заключается в трех пунктах: 1 - браки должны заключаться по любви, о которой в данном случае не может быть и речи (по крайней мере на этапе подачи объявления); 2 - активной стороной в знакомстве и заключении брака должен быть мужчина, а среди подателей объявлений 75% женщин; 3 - недопустимо публичное признание в наличии сексуальных потребностей.

Приведу в качестве примера распределение признаков по некоторым характеристикам.

ПОЛ. В описании требований к партнеру указание на его пол - вообще редкий случай. Как правило, требуется друг, отец ребенку, хороший человек и очень редко - мужчина или женщина. Подобный расклад в брачных объявлениях, т.е. текстах, заведомо ориентированных на половые отношения, требует специальной интерпретации. Исследователи указывают, что это может быть связано, во-первых, с незротичностью основных сфер социального общения, а во-вторых, с механизмом социально-психологического запрета на публичное признание потребности в половом партнере. В целом это мнение представляется верным, однако хотелось бы подчеркнуть, что подобная ситуация с наглядностью демонстрирует пропитанность ханжеством, причем доходящим до абсурда. Если учесть, что пол фиксируется напрямую, во-первых, реже, чем образование, а во-вторых, в возрасте, когда подобная фиксация воспринимается скорее как компенсаторная (т.е. в возрасте свыше 55 лет, когда указание "мужчина" теряет остроту эротического привкуса), то тенденция к "бесполым" бракам явно должна привлечь внимание исследователей.

В целом по массиву женских объявлений 80,8%, мужских - 19,2%. Сходные распределения получены при анализе объявлений в журнале "Шейма" (78% и 22%) и в газете "Красное знамя" (73% и 27%). Несколько иная ситуация в брошюре кооператива "Альянс", где мужчины представлены практически так же, как женщины. Но это выборка, организованная не стихийно, поэтому ее соотношения не показательны при оценке ситуации в целом.

МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА. Это еще один часто встречающийся признак, он указан в 99,9% объявлений. Однако основная форма фиксации - обратный адрес. Прямая фиксация характерна только для жителей Москвы, Ленинграда и Риги. В двух случаях в обратном адресе была указана Рига, однако по тексту одного объявления стало понятно, что податель - житель сельской местности, а из текста второго - что житель Москвы. Это заставляет обратить внимание на возможную недостоверность обратного адреса и использование "посредника". Любопытно, что возможность подобной уловки, видимо, хорошо осознается авторами объявлений, поскольку достаточно часто встречается требование к партнеру указать полный домашний адрес. 7,5% авторов объявлений требуют определенного места жительства от партнера, причем 17,2% мужчин и 5,2% женщин. В большинстве случаев требования к месту жительства обусловлено

желанием не покидать город (рижанин хочет познакомиться с рижанкой), боязнь брака с корыстными целями - для москвичей и ленинградцев, и очень редко - желанием подателя объявления сменить место жительства.

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ. Этот признак отмечен в самоописаниях 12,5% объявлений, причем 17,2% мужчин и 11,2% женщин. При этом интересно, что 64,8% всех фиксаций национальности приходится на возраст 26 - 40 лет. К тому же он практически не реконструируется с приемлемой степенью достоверности. Единственный вариант - по фамилии подателя объявления - мужчины и женщины, причем для женщин только в том случае, если в тексте объявления указано, что она не состояла в браке. Однако случаев указания фамилии в обратном адресе немного, т. к. значительная часть подателей пользуется абонентными ящиками.

Важно различать фиксацию признака "национальность" как субъективно-значимого и как результат "анкетного" подхода к составлению объявления. Второй случай выдает последовательность фиксации признаков, совпадающая с последовательностью вопросов стандартной анкеты типа листка по учету кадров. Для первого случая характерно указание на национальность предполагаемого партнера.

Национальность - один из наиболее широко варьирующихся в зависимости от региона и стиля газеты признаков. Так, если в газете "Вечерняя Алма-Ата" 92% подателей объявлений фиксируют национальность, то в харьковской газете "Красное знамя" национальность не указывается вообще. Причем последнее вовсе не свидетельствует об отсутствии в данном регионе национальных проблем, поскольку в 0,8% объявлений национальность указана при помощи кода - "если у вас нет национальных предрассудков...", "семитской внешности..." По составу признак "национальность" весьма разнообразен, однако два варианта безусловно доминируют - русские и евреи. При этом для русских более характерна "анкетная" форма фиксации, а для евреев - субъективно-значимая. Отмечу также, что в брошюре кооператива "Альянс" национальность указана только для евреев, а в газете "Вечерняя Алма-Ата" распространены варианты "...казах с верховьев реки...". Вообще, данный признак позволяет рассматривать национальные отношения в очень детальных аспектах.

ОБРАЗОВАНИЕ. Его указали 67,4% подателей объявлений при самоописании (66,1% мужчин и 65,9% женщин) и 7,8% - при описании требований к партнеру (9,3% мужчин и 7,4% женщин). Встречающиеся варианты: высшее, среднее техническое, среднее специальное, среднее медицинское, среднее. Подавляющее большинство фиксаций приходится на долю высшего образования. Иногда указывается образование только по профилю, а не по уровню - музыкальное, педагогическое. В этом случае его рационально рассматривать как среднее специальное. В ряде случаев этот признак реконструируется через указание специальности - врач, юрист, пр. Для двух вариантов реконструкция не дает стопроцентной достоверности: 1) указание "инженер" может фиксировать как специальность (а следовательно и образование), так и должность, что уже к

образованию отношения не имеет; 2) указание образования по специальности - медицинское, музыкальное, техническое. Но если в первом случае наиболее вероятно все же высшее образование, то во втором - среднее специальное.

Иногда встречается фиксация в форме "образованный" или "без образования". Не имея возможности измерить степень образованности, а также ее отсутствия, эти формы я относила к отсутствию указания на образование.

Интересен контекст фиксации образования при самоописаниях. В большинстве случаев (и во всех случаях, когда не отмечается специализация) встречается следующее построение фразы: "... с высшим образованием и приятной внешностью...", что заставляет предположить, что данный признак играет не информационную роль, а ценностную, т. е. признак призван не сообщить нечто об авторе объявления, а повысить его "цену" в глазах потенциального партнера.

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ. В подтверждение высказанного выше мнения, что указание на уровень образования есть ценностная характеристика, а не информативная, приведу данные по фиксации специальности. Она отмечена для 33% объявлений массива. При описании требований к партнеру признак указан в 4,1% объявлений. Наиболее часто встречаются в самоописании специальности - инженер, врач, педагог, музыкант (для женщин).

При анализе данного признака внимание привлекает следующий факт: все случаи указания на специальность в описании требований к партнеру у женщин относятся к одному варианту: требуются военнослужащие. Для брошюры кооператива "Альянс" характерны еще два варианта, в большинстве случаев соседствующие в одном и том же объявлении - северянин и моряк. Интерпретация подобного положения затруднительна в силу неоднозначности ситуации. Здесь и фактор материальной и жилищной обеспеченности, и гарантированного роста благосостояния, и брачной стабильности. В то же время это отказ от стабильной "среды обитания", места работы, в ряде случаев и от работы по специальности, т.е. от всего, что связано с существованием женщины вне брака.

СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ. Отмечено в 23,8% самоописаний (25,5% мужских и 23,4% женских). Присутствует в трех вариантах: состоял в браке - 9,1% (12,5% мужчин и 8,3% женщин), не состоял - 9,7% (10,4% мужчин и 9,5% женщин) и вдовец - 5% (2,6% мужчин и 5,6% женщин). Отмечу, что данный расклад вряд ли отражает реальный состав подателей объявлений, т. к. наличие детей фиксируется значительно чаще, а указание на пребывание в браке, как правило, соседствует с указанием на отсутствие детей. Таким образом, возможно, что здесь мы имеем дело со сдвоенной фиксацией - указание на наличие, видимо, подразумевает предшествующее пребывание в браке. Конечно, если под пребыванием в браке понимать факт его регистрации, то это допущение некорректно. Однако, если отойти от формальной оценки, то сопоставление этих признаков становится более достоверным, а при сопоставлении фиксации пребывания в браке и наличия детей с физиологическим аспектом фиксации

"женщина" - абсолютно достоверным. Таким образом, реконструкция признака "женщина" и "пребывание в браке" по наличию детей возможна, а обратная - нет. Для второго варианта - не состояла в браке - возможна реконструкция по признаку "девушка".

В принципе, вариант "вдова(вдовец)" - разновидность варианта "состоял в браке", который тогда можно рассматривать как совокупность альтернативных признаков "разведен - вдов". Выделение варианта "вдовец" обусловлено его особой психологической нагрузкой. Действительно, если развод свидетельствует - с обывательской точки зрения - либо о неуживчивости подателя объявления или наличии у него серьезных недостатков, либо о его "брошенности" (что всегда унижает) - и в обоих случаях это его минус (кроме случаев попытки превентивного оправдания потери девственности и отведения обвинений в аморальном образе жизни; кстати, именно балансом этих сил - реального минуса и превентивного плюса - и объясняется наличие такого рода фиксаций в объявлениях), то вдовство - "благородный" способ выбывания из брака, утраты семьи при сохранении превентивных плюсов. Правда, семантическое поле "вдовца" имеет и оттенок известного по фольклору аспекта "синей бороды", но превращение разводов в явление повседневности, видимо, сделало его неактуальным.

Возрастное распределение признака достаточно стабильно для варианта "был в браке", снижается для варианта "не был" и повышается для варианта "вдов". При описании требований к партнеру семейное положение указывается в 6,3% объявлений.

НАЛИЧИЕ ДЕТЕЙ. Зафиксировано для 24,5% объявлений в положительном значении. Естественно, что подобное распределение не адекватно реальности, однако именно оно подчеркивает верность изначально выдвинутой гипотезы - фиксация признака в объявлении свидетельствует не столько об объективной ситуации, сколько о признании его значимости. Наличие детей при самоописании мужчины не значимо, поскольку по сложившейся практике разводов дети в большинстве случаев остаются с матерью и тем самым их влияние на жизнь отца проявляется только в материальной форме - алиментах. Но это одна сторона. С другой же стороны - тот факт, что с возрастом число указаний на наличие детей уменьшается: для женщин старше 40 лет с 40,8% до 0,7%, для мужчин старше 50 лет - с 18,2% до 0. Упоминание о том, что дети живут отдельно, дает основание для интерпретации этого распределения: так же, как и в предыдущем случае значение имеет не сам факт наличия детей, а их включенность в предполагаемую семейную жизнь.

Таким образом, данные о наличии детей у подателей объявлений не репрезентативны даже для данной выборки, но их значение при анализе ценностных ориентаций огромно.

МАТЕРИАЛЬНАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ. Отмечена у 4,2% подателей объявлений, при этом у 5,2% мужчин и 4% женщин. В описании требований к партнеру признак встречается в 1,7% объявлений (1% мужчин и 1,9% женщин). Интересно, что

чаще всего считают себя материально обеспеченными податели объявлений в возрасте до 25 лет. Это, с одной стороны, определенное свидетельство инфантилизма, а с другой - указание на сугубо субъективный характер оценки этого признака. Речь идет не о том, сколько подателей реально финансово обеспечены, а сколько из них считают себя таковыми, ведь объективно все-таки вероятность реальной обеспеченности с возрастом увеличивается, а не уменьшается. Второй пик фиксаций - у женщин старше 50 лет (12 - 20%) и у мужчин старше 60 лет (11,1%), т.е. в предпенсионном и пенсионном возрасте.

НАЛИЧИЕ УСЛОВИЙ ДЛЯ СОВМЕСТНОЙ ЖИЗНИ. Отмечено в 13,7% объявлений - 14,1% мужчин и 13,6% женщин. Не одинаково распределены по этому признаку и требования к партнеру: в целом указанный в 1,6% объявлений.

СОГЛАСИЕ НА ПЕРЕЕЗД. Его дают 4,2% подавших объявления (2,1% мужчин и 4,7% женщин). Из числа дающих согласие на переезд практически исключены жители Москвы и Ленинграда.

ХАРАКТЕР. Полный список вариантов этого признака весьма велик и, несмотря на то, что среди черт характера есть явные "лидеры", неудобен для анализа. Объединение вариантов по семантическим полям или по принципам мягкой синонимии грозит привнесением субъективной позиции исследователя. Есть возможность пойти иным путем - по функциональной нагрузке черт характера. Тогда сразу же различаются черты характера и темперамента. Черты характера, в свою очередь, делятся на направленные на близких людей, членов семьи, друзей и на посторонних, т.е. на людей "вообще". Так, если энергичность - свойство темперамента, то нежность - черта характера, направленная на близких людей, а тактичность - на людей "вообще". Такой подход также содержит элементы субъективной позиции исследователя, но все же в меньшей степени, чем группировка вариантов на произвольных основаниях.

В самоописаниях признак указан в 51,3% объявлений (44,8% мужчин и 52,8% женщин). Я имею в виду тот странный факт, что когда есть чем гордиться кроме черт характера, будь то внешность или жилье, то черты характера не упоминаются.

Доля фиксации черт характера в описании требований к партнеру еще выше - 68,8% (58,9% для мужчин и 71,2% для женщин). Возрастное распределение стабильное.

ИНТЕРЕСЫ. В признаке отражены в основном внесемейные устремления подателя объявления и его потенциального партнера. Они зафиксированы в 26,6% объявлений при самоописании (34,9% мужчин и 24,6% женщин). При этом интересы отмечены всего в 6,6% требований к партнеру (8,9% мужчин и 6,1% женщин). Никаких явных закономерностей в возрастном распределении обнаружить не удалось.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СКЛОННОСТИ. Название этого признака не совсем корректно, т. к. подателями объявлений имеется в виду скорее брачно-семейные склонности. Так, наряду с умением шить и готовить отмечается способность быть верной женой и хорошей матерью. Условность подобного отнесения объясняется тем,

что если умение шить или вязать поддается наглядной демонстрации, то в способность быть верной женой читателю остается только верить. Однако я сочла возможным объединить эти варианты в один признак, т. к. в данном контексте - изучении ценностных ориентаций - оба они относятся к ориентации на внутрисемейные проблемы.

Отмечен данный признак в 20,8% объявлений (7,8% мужчин и 23,9% женщин). При этом в требованиях к партнеру признак встречается в 14,1% объявлений (20,3% мужчин и 12,6% женщин). В самоописаниях признак "хозяйственные склонности" обратно симметричен признаку "интересы".

ВНЕШНОСТЬ. В массиве встречается в следующих вариантах: абстрактное указание (симпатичная, приятной внешности), цвет волос и глаз, фигура, физические недостатки. Наиболее часто встречается абстрактное указание, затем фигура, цвет волос и реже всего - цвет глаз и физические недостатки. Всего в массиве внешность указывается в самоописаниях 51,1% объявлений (36,5% мужчин и 54,6% женщин).

В описании требований к партнеру признак "внешность" присутствует в двух вариантах - описание самой внешности и требование прислать фотографию. Суммарно этот признак присутствует в 36,3% объявлений (89,6% мужчин и 24,5% женщин).

РОСТ. Этот признак чаще всего встречается в брачных объявлениях - 87,4% самоописаний (92,2% мужчин и 86,3% женщин). При описании требований к партнеру рост указывается значительно реже - в 16% объявлений. Распределение указания роста в описаниях требований к партнеру обратно пропорционально распределению указаниям роста в самоописаниях.

ОТСУТСТВИЕ ВРЕДНЫХ ПРИВЫЧЕК. Этот признак характерен прежде всего для описания требований к партнеру - 26,8%. Наличие этого признака вполне понятно, если учесть, что 47% бракоразводных дел, возбуждаемых по инициативе женщин, связаны с алкоголизмом мужа. Характерно, что чем старше податель объявления, тем чаще присутствует этот признак - сказывается социальный опыт авторов.

Чаще всего признак фиксируется именно в такой форме - "без вредных привычек", однако в отдельных случаях конкретизируется - не пьет и не курит.

ОТНОШЕНИЕ К СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ. Также признак, более характерный для описаний требований к партнеру (12,5%). Под этот признак я подвела несколько вариантов: как прямую фиксацию (серьезное отношение к семейной жизни), так и указание на стремление потенциального партнера иметь семью, детей, стать опорой семьи и т.п. Следовательно, в целом признак отражает требование активного отношения, желания партнера в области семейной жизни.

Теперь попробуем составить представления о том, кто подает объявления и чего ждет от потенциального партнера, отдельно для мужчин и для женщин.

11.2. СИМПАТИЧНАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА ИЩЕТ МУЖА

Искать супруга с помощью объявления почти всеми воспринимается как некое отклонение от нормы.

Однако если жизненные обстоятельства заставили женщин обратиться к такой форме знакомства, они предпринимают попытки совместить два образца поведения – решить свою проблему и «выглядеть достойно». По вопросу о любви это проявляется в выражениях типа: "Хочу любить и быть любимой" или "Познакомлюсь с мужчиной, который сумеет меня полюбить". Очень интересно проявляется желание уступить мужчине активную роль при знакомстве (естественно, в женских объявлениях): "Согласна познакомиться...", "Откликнусь на предложение..." и прочее, хотя реальная ситуация обратная - это мужчина откликается на предложение, сделанное в объявлении. Однако самая изощренная форма сокрытия истинной ситуации свойственна вопросам пола. Мало того, что в подавляющем большинстве объявлений пол подателя вообще не указан - он определяется либо по полу партнера ("познакомлюсь с мужчиной..."), либо по окончаниям глаголов, прилагательных и пр. ("Я - красивая...", "Хотела бы..."), либо по фамилии в обратном адресе и очень редко - по существительному ("Блондинка...", "Учительница..."), - в ряде случаев установить его вообще практически невозможно. Так, в одном из объявлений пол подателя можно предположить только по перечисленным увлечениям - шитье, вязание, кулинария, - хотя в принципе они вполне могут быть свойственны и мужчине. Итак, что женщина хочет сообщить о себе (и следовательно, что считает важным и ценным в себе)?

РОСТ. Этот признак чаще всего встречается в брачных объявлениях - 86,3%, среди женщин доминируют подательницы объявлений ростом выше 170 см.

ОБРАЗОВАНИЕ. 65,9%

ВНЕШНОСТЬ. Всего в массиве внешность указывается в самоописаниях 54,6% женщин. При этом у женщины максимальное внимание к своей внешности зафиксировано в возрасте до 25 лет (64,4%),

ХАРАКТЕР. В самоописаниях признак указан в 52,8%. При этом у женщин в возрасте до 50 лет доля указывающих на черты своего характера постепенно возрастает с 46,8% до 65,2%, а затем снова падает до 35%. Для женщин распределение признака обратно симметрично распределению признака "внешность".

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ. 32,1%.

НАЛИЧИЕ ДЕТЕЙ. Зафиксировано в положительном значении - 29,1%.

ИНТЕРЕСЫ. 24,6%.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СКЛОННОСТИ Отмечен данный признак в 23,9%.

СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ. 23,4%. Присутствует в трех вариантах: состояла в браке - 8,3%, не состояла - 9,5% и вдова - 5,6%.

НАЛИЧИЕ УСЛОВИЙ ДЛЯ СОВМЕСТНОЙ ЖИЗНИ. Отмечено в 13,6%. Заметим, что если доля женщин, имеющих условия для совместной жизни, с возрастом

увеличивается с 6,5% до 33,3%, Относительно большая стабильность этой ситуации у женщин объясняется, видимо, также сложившейся практикой разводов, согласно которой мужчина, как правило, оставляет жилплощадь женщине.

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ. 11,2%

СОГЛАСИЕ НА ПЕРЕЕЗД. Его дают 4,7% женщин. Интересно, что если женщины в возрасте до 40 лет значительно реже согласны на переезд, чем в более старшем возрасте (3,9% против 11,2%),

МАТЕРИАЛЬНАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ. 4%. Интересно, что чаще всего считают себя материально обеспеченными податели объявлений в возрасте до 25 лет. Второй пик фиксации - у женщин старше 50 лет (12 - 20%), т. е. в предпенсионном и пенсионном возрасте.

Теперь посмотрим, чего женщина ждет от потенциального партнера:

ОТСУТСТВИЕ ВРЕДНЫХ ПРИВЫЧЕК. Этот признак характерен прежде всего для описания требований к партнеру - 26,8%. При этом он значительно более важен для женщин (31,7%), чем для мужчин (6,3%).

ВНЕШНОСТЬ. 24,5%. Женщины чаще требуют фотографию.

ОТНОШЕНИЕ К СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ. Также признак, более характерный для описаний требований к партнеру (12,5%) и также более волнующий женщин (13,9%), чем мужчин (6,8%). Для женщин этот вопрос наиболее актуален в возрасте 31 - 35 лет (18,6%). В целом признак характеризует стремление женщин уйти от "обвинения" в активном поиске брачного партнера.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СКЛОННОСТИ 12,6%.

НАЛИЧИЕ ДЕТЕЙ. На наличие детей у партнера согласны 8,4% женщин). Интересна оговоренность наличия детей у партнера в женских объявлениях. Если женщины младше 40 лет чаще дают согласие на наличие детей у мужчины в тех случаях, когда имеют своих детей (как бы в качестве компенсации своего "минуса"), то старше - при отсутствии своих детей, т. е. в данном случае компенсируется уже отсутствие возможности иметь совместных детей (такие случаи встречаются и в младших возрастных группах в виде прямых указаний).

ОБРАЗОВАНИЕ. 7,4%.

РОСТ. 7,1%.

ИНТЕРЕСЫ. 6,1%.

СОГЛАСИЕ НА ПЕРЕЕЗД. 4,7%. Интересно, что если женщины в возрасте до 40 лет значительно реже согласны на переезд, чем в более старшем возрасте (3,9% против 11,2%),

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ. 3,8%.

При анализе данного признака внимание привлекает следующий факт: все случаи указания на специальность в описании требований к партнеру у женщин относятся к одному варианту: требуются военнослужащие. Для брошюры кооператива "Альянс" характерны еще два варианта, в большинстве случаев соседствующие в одном и том же объявлении - северянин и моряк. Интерпретация подобного положения затруднительна в силу неоднозначности

ситуации. Здесь и фактор материальной и жилищной обеспеченности, и гарантированного роста благосостояния, и брачной стабильности. В то же время это отказ от стабильной "среды обитания", места работы, в ряде случаев и от работы по специальности, т. е. от всего, что связано с существованием женщины вне брака.

СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ. 3,1%, причем для женщин - в возрасте старше 50 лет в варианте "вдовец". Для женщин имеет значение прежде всего способ "выбывания" мужчины из него, при этом она явно отдает предпочтение прерыванию брака по независящим от мужчины причинам (иногда так и указывается в тексте объявления). В этом смысле если для женщины старше 25 лет пребывание в браке рассматривается скорее как плюс, то для мужчины - как минус.

МАТЕРИАЛЬНАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ. 1,9% .

НАЛИЧИЕ УСЛОВИЙ ДЛЯ СОВМЕСТНОЙ ЖИЗНИ. 1,4% в возрасте до 50 лет.

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ 0,4%,

Разница в приоритетах поразительна! Мало того, что первое и третье места в списке требований к партнеру занимают характеристики, в принципе отсутствующие в самоописаниях женщин (наличие вредных привычек и отношение к семейной жизни), так еще и характер, столь важный в самоописании, вообще отсутствует в требованиях к партнеру! Сильно меньше интересуют женщин образование и специальность мужчины, зато сильно больше - его хозяйственные наклонности и готовность к переезду. Требование отсутствия вредных привычек легко объясняется печально известной склонностью мужчин к алкоголизму, хотя надо признать, что и женский алкоголизм достаточно распространен. Суммарно можно составить такое объявление из пяти самых распространенных параметров: «Высокая образованная и симпатичная учительница с хорошим характером готова полюбить симпатичного мужчину без вредных привычек, хозяйственного и серьезно относящегося к семейной жизни». Любопытно, что на первый взгляд мужчины ценят в себе образование и профессию, а в женщине - хозяйственные наклонности и серьезное отношение к семье. Проверим это впечатление.

11.3. СИНЯЯ БОРОДА

Можно наблюдать отчетливую тенденцию к повышению доли мужчин среди подавших объявления по мере увеличения их возраста. Подобная ситуация интерпретируется целым спектром факторов, из которых немалая роль принадлежит специфике отношения мужчин к браку, о чем детальнее речь пойдет ниже. Здесь же отметим, что имеет значение разная скорость прохождения по ступеням социальной лестницы для мужчин и женщин. Итак, мужчины о себе:

РОСТ. 92,2%. доминируют мужчины ниже 170 см.

ОБРАЗОВАНИЕ. 66,1%. Возрастное распределение признака при самоописании у мужчин возрастает к 35 годам с 50% до 84,8%, а затем падает до тех же 50% к 55 годам.

ХАРАКТЕР 44,8%. У мужчин интерес к указанию черт характера падает к 30 годам с 50% до 42,4%, затем к 40 годам возрастает до 60% и вновь падает к 50 годам до 28,6%. К старости же он вновь возрастает до 44,4%. его распределение обратно симметрично распределению признака материальной и жилищной обеспеченности.

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ. 37%.

ВНЕШНОСТЬ. 36,5%. У мужчин два пика - в возрасте 31 -35 лет и 46 -50 лет (по 45,5%)

ИНТЕРЕСЫ. 34,9%.

СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ. 25,5%. Присутствует в трех вариантах: состоял в браке - 12,5%, не состоял - 10,4% и вдовец - 2,6%.

НАЛИЧИЕ УСЛОВИЙ ДЛЯ СОВМЕСТНОЙ ЖИЗНИ. 14,1%. Заметим, что у мужчин распределение значительно сложнее: после 35 лет доля имеющих условия падает, вновь возрастая лишь после 50 лет. При этом не имеют жилищных условий прежде всего мужчины, ранее состоявшие в браке. Относительно большая стабильность этой ситуации у женщин объясняется, видимо, также сложившейся практикой разводов, согласно которой мужчина, как правило, оставляет жилплощадь женщине.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НАКЛОННОСТИ 7,8%. Интересно, что мужчины фиксируют свои хозяйственные склонности только в возрасте до 50 лет.

НАЛИЧИЕ ДЕТЕЙ. 5,2%.

МАТЕРИАЛЬНАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ. 5,2%. Интересно, что чаще всего считают себя материально обеспеченными податели объявлений в возрасте до 25 лет. Это, с одной стороны, определенное свидетельство инфантилизма, а с другой - указание на сугубо субъективный характер оценки этого признака. Второй пик фиксаций - у мужчин старше 60 лет (11,1%), т. е. в предпенсионном и пенсионном возрасте.

СОГЛАСИЕ НА ПЕРЕЕЗД. Его дают 2,1% мужчин. Интересно, что мужчины вообще согласны сменить место жительства только в возрасте 31 - 40 лет.

То обстоятельство, что мужчины чаще требуют определенного места жительства от потенциального партнера, позволяет выдвинуть предположение, что они менее мобильны и не склонны к изменению социальной ситуации.

Обратим внимание на то обстоятельство, что мужчины чаще фиксируют национальность как в самоописаниях, так и в описаниях требований к партнеру. При дальнейшем разборе признаков я попытаюсь показать, что мужчинам вообще более свойственна тенденция к воспроизведению в браке социальной структуры, в то время как женщины более спокойно относятся к ее размыванию, уделяя большее внимание внутрисемейной структуре отношений.

А что ищет мужчина в женщине?

ВНЕШНОСТЬ. 89,6%, мужчины отдают предпочтение описанию внешности предполагаемого партнера,

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НАКЛОННОСТИ 20,3%.

СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ. 19,8%, причем для мужчин пик этих указаний приходится на возраст до 30 лет в варианте «состоявшая в браке». Соотнеся эти данные с анализом признака "наличие детей" (см. ниже), можно прийти к выводу, что для мужчин в молодости важен сам факт пребывания женщины в браке. В этом смысле если для женщины старше 25 лет пребывание в браке рассматривается скорее как плюс, то для мужчины - как минус.

НАЛИЧИЕ ДЕТЕЙ. На наличие детей у партнера согласны 13,5% мужчин.

РОСТ. 11,5%,

ОБРАЗОВАНИЕ. 9,3%. Отметим, что более частая фиксация признака "образование" в описании требований к партнеру у мужчин также может быть интерпретирована как тенденция к сохранению социального статуса.

ИНТЕРЕСЫ. 8,9%.

ОТНОШЕНИЕ К СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ. 6,8%. вопрос наиболее актуален для мужчин - в 36 - 40 лет (17,1%).

ОТСУТСТВИЕ ВРЕДНЫХ ПРИВЫЧЕК. 6,3%.

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ. 5,2%. Преобладание этого признака у мужчин вписывается, на мой взгляд, в указанную выше гипотезу.

НАЛИЧИЕ УСЛОВИЙ ДЛЯ СОВМЕСТНОЙ ЖИЗНИ. 2,6%, причем зафиксирован только в возрасте старше 40 лет.

СОГЛАСИЕ НА ПЕРЕЕЗД. Требуют переезда от партнера только мужчины (0,8% всего массива и 2,6% мужчин).

МАТЕРИАЛЬНАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ. 1% .

Итак, суммарное объявление будет выглядеть так: «Невысокий образованный мужчина с хорошими характером и специальностью, симпатичный, ищет симпатичную хозяйственную женщину, состоящую в браке и имеющую детей, небольшого роста». Вспомним наше суммарное женское объявление: «Высокая образованная и симпатичная учительница с хорошим характером готова полюбить симпатичного мужчину без вредных привычек, хозяйственного и серьезно относящегося к семейной жизни». Можно подумать, что ситуация практически одинакова – люди с образованием, специальностью и хорошим характером ищут хозяйственных и семейственных партнеров. И это отображает характеристики тех, кто подает брачные объявления.

Посмотрим теперь следующие пять параметров. У женщин это «наличие детей, интересов, хозяйственности, брачного опыта и жилья» ищет «образованного, высокого, с интересами и специальностью». У мужчины – «интересы, жилье, семейный опыт, хозяйственность и наличие детей», требуются «образование, интересы, отношение к семейной жизни, отсутствие вредных привычек и специальность». Совпадений опять очень мало. Видимо, в этом одна из причин того, что податели объявлений не смогли устроить свою личную жизнь

“нормальным путем”: они ценят в себе не то, что интересует потенциального партнера.

В целом же мужчины более склонны к бракам, неоднородным по социальному статусу (естественно, требуя своего лидерства), да и смешению по другим параметрам особого значения не придают.

11. 4. СПРОС И ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Получившиеся портреты существенно отличаются от тех, которые нам известны по другим источникам.

Если первая часть исследования посвящена изучению социально-демографических характеристик подателей брачных объявлений и в силу этого базируется не только на фиксируемых авторами, но и на реконструируемых параметрах, то вторая часть посвящена анализу социально-психологических черт. Она состоит из нескольких уровней. На первом объявление рассматривается по тем же параметрам, что и в первой части, но только зафиксированным в прямой форме. Это слегка смещает акцент - изучению подлежит уже не личность подателя, а то, что он хотел о себе сообщить. Анализируется также система умолчаний.

На втором уровне изучается эмоциональная окрашенность объявлений (надежда, вера, чувство неуверенности), степень желания найти партнера (мечтаю, хочу, познакомлюсь), конкретизация функции партнера (друг, отец ребенку), указание способа связи - полный обратный адрес, до востребования, абонентный ящик, адрес посредника. Кстати, газеты "Вечерняя Алма-Ата" и "Вечерний Киев" сами берут на себя роль посредников - письма подателям объявлений следует отправлять на адрес редакции. Возможно, это удобно подателям объявлений, но - увы! - лишает исследователей одного из важнейших параметров - места жительства.

На третьем уровне изучается сам текст - его длина в значимых словах, соотношение длин самоописаний и описаний требований к партнеру, последовательность признаков в этих блоках. Имеет смысл обратить внимание и на степень детализации описаний, соотношение значимых и сопровождающих слов. Важной представляется и форма обращения - от первого лица или от третьего, на "ты" или на "Вы". Однако потенциальные возможности этого уровня столь велики, что их даже не имеет смысла очерчивать в тексте постановочного характера.

Такой, как представляется, должна быть первичная обработка массива объявлений. В плане анализа брачных объявлений теперь предстоит перейти от изучения изолированных признаков к их сочетаниям. Речь идет о целенаправленно формируемых сочетаниях признаков для решения конкретных задач. Перспективен анализ возрастной динамики представлений о себе и о партнере, их взаимосвязь с уровнем образования, его профилем, с национальностью, местом жительства, семейным положением. По описанию

требований к партнеру есть возможность типологизировать реконструируемые представления о браке, связать их с определенными социально-демографическими и социально-психологическими параметрами.

Если на первых двух уровнях была возможность выявлять социальные портреты подателей объявлений и их потенциальных партнеров, то теперь важно наметить еще одну задачу: анализ ситуации на брачном "рынке". Действительно, самописание может рассматриваться как предложение, а описание требований к партнеру - как спрос. Соотношение спроса и предложения по каждому признаку позволяет определить его "цену". Если при этом учитывать, что любое объявление потенциально ориентировано на баланс спроса и предложения, т. е. партнер должен быть не хуже, но и не лучше, чем податель объявления, то есть шанс выявить исходную установку подателя объявления, его субъективный "индекс цен". Тогда можно соотнести его с реальной "ценой" подателя объявления.

Самоописания, как правило, богаче описаний требований к партнеру, поэтому простое сопоставление процентов указаний на данный признак в самоописаниях и описаниях требований дает несколько искаженный результат.

При сопоставлении самоописаний и описаний требований подателей объявлений противоположного пола бросается в глаза их несоответствие по таким важным параметрам, как образование и специальность. Выше уже говорилось, что, как мне кажется, образование фиксируется как определенная ценность, которая должна была бы повышать шансы дающих объявлений на получение отклика. На деле же этот параметр весьма мало волнует потенциальных партнеров. Параллельно с этим женщины явно преуменьшают "цену" наличия у них хозяйственности. Интересной представляется также довольно слабая озабоченность с обеих сторон наличием у женщины ребенка. В начале исследования мне представлялось, что согласие мужчины на наличие у потенциальной партнерши ребенка выступает в качестве некой компенсаторной системы в обмен на какие-то недостатки дающего объявление мужчины. Не имея возможности сейчас детально разбирать сей вопрос, отмечу лишь, что ситуация, видимо, не так проста, т. е. в ряде случаев наличие у женщины ребенка выступает как действительно, а не компенсаторное требование мужчины.

Что касается сопоставления самоописаний мужчин и требований к ним женщин, то обращают на себя внимание признаки хозяйственности, наличия детей, семейного положения, черт характера, образования и специальности. Если самописание по признаку хозяйственности у мужчин занимает место в нижней части списка, то требования к нему значительно выше. Обратная ситуация с признаками образования и специальности - их ранг в самоописаниях выше, чем в описаниях требований. В целом достаточно низкий ранг признаков семейного положения и наличия детей все же имеет некоторую возрастную динамику: до 40 лет ранг семейного положения выше, а наличия детей - ниже, чем в описаниях требований женщин. Затем это положение выравнивается, а данные признаки спускаются на последние места в списке.

В целом, оценивая полученные распределения, можно отметить большее внимание женщин к внутрисемейным проблемам при достаточно высокой степени индифферентности к социальному статусу и социальной стабильности. Они более склонны к переезду, смене статуса. В то же время женщины считают свое социальное положение значимым для самоописания.

Мужчины же более ориентированы на внесемейные ситуации, на сохранение статуса, они не склонны к переезду, требуют уважения к своим интересам и очень редко фиксируют наличие у себя способностей и склонностей к занятию домашними делами.

Пытаясь выдвинуть некую гипотезу относительно ориентации требований мужчин к женщинам, отмечу, что для них характерно стремление обеспечить себе лидерство в семье. Оно достигается как более низким уровнем образования женщины, так и требованием смены для нее места жительства, что, естественно, приводит ее к ситуации, когда на новом месте все приходится начинать с нуля. Видимо, в этом же контексте следует рассматривать и желание мужчины, чтобы женщина имела детей от предшествующего брака. Тенденция к исключению элементов состязательности между супругами в предполагаемом браке отражают попытки мужчин противостоять потере своей роли в семье как ее главы, приобретению браком черт социальной и экономической "бесполости".

На основании брачных объявлений может рассматриваться широкий круг самых разнообразных вопросов - социально-демографических, национальных, социально-бытовых, социально-психологических и пр. Однако при этом не следует забывать, что брачные объявления - источник вторичный и его нерепрезентативность как по отношению к обществу в целом, так и к бессемейным его членам однозначна. Группа дающих объявления весьма специфична по многим параметрам. Поэтому, распространяя результаты анализа брачных объявлений на все общество в целом, требуется каждый раз обосновывать эту возможность. Приведу только один пример.

Сравним поло-возрастные распределения в целом по СССР и по брачным объявлениям. Легко заметить, что для жителей в возрасте от 25 до 45 лет доля подателей объявлений больше. В возрасте 46 - 50 лет распределение приблизительно равное, с возрастом же доля подателей объявлений уменьшается. Аналогичное распределение только среди мужчин более равномерно и, видимо, ситуацию среди мужчин брачные объявления отражают более адекватно. Ситуация среди женщин более сходна с межполовой. Причины этого станут понятны, если мы посмотрим на распределение соотношения числа мужчин и женщин в целом по СССР и по брачным объявлениям. Наблюдаемая в нем закономерность интересна прежде всего тем, что доля мужчин в целом по СССР с возрастом уменьшается, а по брачным объявлениям возрастает. Как мне кажется, приведенные сопоставления наглядно демонстрируют необходимость внимательного отношения к интерпретации получаемых результатов.

Однако вопрос в том, при помощи каких других типов источников могут быть скорректированы данные брачных объявлений, отнюдь не однозначен.

Некоторое расширение подхода может дать сопоставление их с банками данных служб знакомств. Их материал представлен в анкетной форме и в силу этого, с одной стороны, более удобен для анализа, а с другой стороны, он беднее по содержанию, особенно при изучении социально-психологического аспекта - снимается большинство пунктов второй части исследования. В то же время социально-психологические характеристики абонентов служб знакомств несколько отличаются от аналогичных характеристик подателей брачных объявлений. Если учесть, что отсутствие брачного партнера традиционно воспринимается как свидетельство определенной ущербности, особенно для женщины, а открытый поиск его - как отступление от морально-этических нормативов, то откровенное признание как в первом, так и во втором (а именно таковым является подача брачного объявления) неизбежно требует от подателя некоторой отстраненности от общественного мнения. При этом, естественно, что степень этой отстраненности у абонентов служб знакомств меньше - они стремятся к максимальной анонимности своего поступка. В принципе, тенденция к анонимности отчетливо прослеживается и в брачных объявлениях.

Таким образом, сравнение массива брачных объявлений с банком данных служб знакомств имеет смысл только не в плане уточнения социально-психологических характеристик группы подателей объявлений.

Возможно также сопоставление массива брачных объявлений с массивом личных писем в прессу. Последний обладает тем достоинством, что представляет взгляды иной социальной группы, отличной группы подателей объявлений. В силу этого совпадение параметров в обеих группах увеличивает степень достоверности результатов. Но в то же время группа пишущих в органы печати (и во все другие органы), на радио и телевидение также не репрезентативна по отношению к обществу в целом. Да и обеспечение статистической достоверности выборки - задача довольно сложная, особенно если учесть, что необходимо иметь комплекс параметров, сопоставимых с параметрами брачных объявлений, в каждом отдельно взятом письме. Несколько проще обстоит дело при обращении к письмам в редакцию самих авторов брачных объявлений, в которых они комментируют свои объявления, - но оно не позволяет выйти за пределы той же специфической социальной группы.

Конечно, оптимальный вариант сравнения брачных объявлений с источниками личного происхождения - обращение к анкетам. При правильной организации анкетирования снимается вопрос о репрезентативности. Возможно составление анкет таким образом, чтобы получить интересующие исследователя параметры. Однако и здесь имеются свои сложности: во-первых, проведение специального анкетирования не просто организовать, а использование имеющихся материалов затруднено их изначально иной направленностью. Во-вторых, и это особенно важно, при заполнении анкеты человек не заинтересован в результатах этого акта, он не рассчитывает извлечь из этого некую выгоду, а следовательно, основным мотивом его поведения является желание произвести хорошее впечатление. В принципе, разная мотивация при заполнении анкет и

при подаче объявлений даже усиливает некоторые моменты исследования, например, источниковедческий - вопрос о влиянии мотивации создания источника на его форму и содержание еще далеко не полностью изучен. Однако необходимость учитывать этот нюанс следует особо подчеркнуть.

И тем не менее в ряде случаев сравнение с анкетными материалами весьма перспективно. Так, по данным анкетирования с целью изучения малодетных семей среди жителей Ленинграда имеет место следующее распределение ценностей: жилищные условия отметили 46,7% (49,3% мужчин и 45,5% женщин), материальное благополучие - 46,6% (49,3% мужчин и 44% женщин), досуг - 12% (9,9% мужчин и 14,1%), работу - 32,3% (32,2% мужчин и 32,3% женщин), образование - 12,8% (12,7% мужчин и 12,8% женщин). А по данным брачных объявлений квартира указывается в 13,7% объявлений (14,1% мужчин и 13,6% женщин), материальная обеспеченность - в 4,2% (5,2% мужчин и 4% женщин), досуг-интересы - в 26,6% (34,9% мужчин и 24,6% женщин), работа-специальность - в 33% (37% мужчин и 32,1% женщин), образование - в 67,4% (65,1% мужчин и 67,9% женщин). Учитывая разную насыщенность информацией по данным параметрам анкет и объявлений, мы можем сопоставить последовательность ценностей: для анкет - жилье, материальная обеспеченность, работа, образование, досуг; для объявлений - образование, работа, досуг, жилье, материальная обеспеченность. Налицо практически зеркальное отражение. Причины этого требуют вдумчивого и внимательного анализа. Одна из возможных интерпретаций - разница в социальном опыте одиноких людей и семейных, хотя среди подателей объявлений достаточно много людей, состоявших ранее в браке.

Из источников официального происхождения наибольшее значение имеют переписи и сводки о состоянии дел в области социально-бытовых проблем. Переписи позволяют определить место группы подателей объявлений в структуре общества. Официальные данные о материальной и жилищной обеспеченности, о степени остроты национальных проблем, о направленности и формах миграции, о дефиците и т. п. дают возможность оценить степень достоверности результатов изучения объявлений в этих аспектах. Правда, в ряде случаев, возможно, имеет смысл говорить об оценке степени достоверности официальных сводок.

12. НАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В ЭПОХУ ПОЛУКРОВОК

12. 1. РУИНЫ НЕРУШИМОГО

Межнациональная ситуация в СССР накануне распада. "Новая историческая общность - советский народ" - миф или реальность?

Один из наиболее острых вопросов последних десятилетий - национальный. Как-то вдруг, казалось бы, внезапно по всему Советскому Союзу пошла волна национально окрашенных движений. Однако внезапность это лишь видимая.

Практически одновременно возникли два основных сюжета: движения насильно переселенных в годы сталинизма народов (крымские татары, турки-месхитинцы, немцы Поволжья и др.) и движения коренного населения в республиках, где оно не составляет подавляющего большинства. Надо отметить, что здесь сформировались два совершенно разных образца. Если в первом случае основной упор делается на возвращение на свою родину - и это практически единственное, во всяком случае, главное требование, и речь о каких-то мероприятиях, направленных на сохранение языка и культуры народов, в общем-то, не идет, то во втором случае особую остроту приобретает именно вопрос о сохранении языка и культуры.

Чуть позже сформировались еще два типа национальных движений: в автономных республиках и в республиках, где коренное население составляет большинство и где реальной угрозы языку и культуре нет.

Посмотрим попристальнее на эти четыре типа. В чем специфика первого из них? В том, что малый народ, помещенный в инонациональную среду, концентрирует все свои силы на сохранении своего языка и культуры. Особенно ярко это выражается в тех случаях, когда среда не только инонациональна, но и иноверна, инорасова и инокультурна. В этих случаях происходит как бы свертывание национально-культурного пространства, "закукливание" народа. Судя по брачным объявлениям в "Вечерней Алма-Ате" немцы стремятся вступить в брак с немками и наоборот. В этих условиях сохранность, даже законсервированность национальной культуры очень высока, гораздо выше, чем у того же народа, но не испытывающего давления инонациональной среды. Судя по этнографическим исследованиям, степень сохранности национальной культуры в чувашских населенных пунктах на территории Татарии гораздо выше, чем в аналогичных пунктах в Чувашии.

Однако подобная тенденция ведет и к росту национального самосознания, а значит - к увеличению культурно-национальных потребностей. Потребность жить на своей земле, на земле своих предков - не только эмоциональное явление. Это и стремление заниматься привычной деятельностью, традиционными промыслами, традиционной системой хозяйствования. И вот крымские татары стали жить в Крыму без прописки, платить за получение работы - 8 000 руб в городе и 700 руб на селе. Из хороших оленеводов, рыбаков, охотников представители малых северных народов, переселенные в города, превращаются в лучшем случае в плохих разнорабочих. Привычные образцы в рамках иной нормативной системы не могут быть воспроизведены, эстафета оказывается прерванной, заглухнувшей, а ее место, увы, ничем не было занято.

Ко второму типу относятся прежде всего республики Прибалтики, Молдавия, Белоруссия, Украина и в меньшей степени Казахстан. Здесь перестройка застала ситуацию на этапе распада образцов, и немудрено, что коренное население ему сопротивляется. Но есть и другой нюанс. Если в первом случае разрушались прежде всего образцы деятельности, а образцы восприятия, как более связанные с духовной жизнью народа, в основном сохранялись, то во

втором все наоборот. Люди живут на тех же местах, в тех же домах, занимаются тем же трудом, но утрачивают язык и культуру. Не случайно одна из самых животрепещущих проблем - государственный язык. Размещение в Латвии энергоемких, материалоемких и трудоемких отраслей при том, что в республике энергия на пределе, сырья нет, а коренное население занято преимущественно в сельском хозяйстве и сфере обслуживания, привело к большой миграции русскоязычного населения и размыванию национальной культуры. В 80-х гг. очередь на квартиры в Риге увеличивалась в восемь раз за 10 лет.

Третья группа - народы, населяющие автономные республики, края и области. С одной стороны, они имеют свои политические образования, свою территорию, свой язык и культуру, а с другой - двойное подчинение: союзное и республиканское. Их собственные образцы "растаскиваются" уже по трем нормативным системам. Адыги проживают в трех национально-государственных образованиях и пользуются двумя алфавитами. В Северной Осетии в 1938 г. письменность перевели на кириллицу, а в Южной - на грузинский алфавит; в 1953 г. и Южная Осетия стала пользоваться кириллицей, причем образование на осетинском можно получить только в сельской начальной школе. В то же время для ряда республик - Татарии, Чувашии - характерно положение, при котором около половины представителей коренного населения проживало за пределами республики. Это породило весьма специфические проблемы. В 1918 г. в Казани при Чувашском объединенном левом социалистическом кабинете был создан комиссариат по чувашским делам, который был как бы экстерриториальным правительством чувашей. Позже такого рода органы исчезли, к тому же республики, стремящиеся удовлетворить культурные потребности своих соплеменников, проживающими за их пределами, не могут сделать из-за отсутствия достаточных материально-технических средств. Поэтому кроме требований превращения автономии в суверенную республику со статусом государственного языка для языка коренного народа, присутствует и требование предоставить все права культурно-национальной автономии соплеменникам, проживающим в других регионах.

Четвертая группа - республики Средней Азии и Закавказья. Здесь ситуация интересна тем, что, казалось бы, у коренного населения все есть - своя территория, свой язык (в республиках он даже имел статус государственного). В силу того, что коренное население составляет большинство жителей соответствующей республики, нет очевидной угрозы национальной культуре. И тем не менее проблемы есть. Вспомним конфликты в Тбилиси и Фергане. В них есть нечто общее, и прежде всего то, что поводом послужила ситуация с национальными меньшинствами, проживающими на территории республики (с абхазами и турками-месхетинцами). Устойчивость (относительная) собственных образцов позволила вступить в конфликт с образцами другой этнической группы. В этой ситуации мы впервые в явной форме сталкиваемся с "агрессивностью" эстафет, с их "борьбой за выживание", особенно острой в тех случаях, когда нормативная система никоим образом не способствует их

существованию. В Узбекистане только 20% коренного населения проживает в городах. В то же время труд дехканина - один из самых тяжелых и самый дешевый. Чтобы вырастить 1 ц пшеницы требуется 1,6 человеко-часов, а 1 ц хлопка - 37 человеко-часов. И за один час работы хлебороб получал 62,5 коп., а хлопкороб - 16 коп. Способствует ли данное положение сохранению традиционного уклада? И так ли уж однозначно можно опознавать здесь конфликтную ситуацию как национальную?

Если попытаться посмотреть на ситуацию в целом, то она, видимо, такова: на территории СССР существовал ряд в той или иной степени суверенных национально-государственных образований. Народы, одноименные с национальным образованием, испытывают двойное давление - со стороны своих собственных национальных меньшинств, по отношению к которым она выступает большинством, и со стороны национально-государственного образования более высокого уровня, по отношению к которому она выступает меньшинством. И здесь возникает столкновение двух нормативных систем в рамках одного и того же народа и даже отдельных его представителей. Обратимся опять к событиям в Тбилиси. Парадоксально: грузины признавали за собой право выхода из СССР, но не признавали за абхазами права выйти из состава ГССР.

Национальные меньшинства в национально-государственных образованиях могут быть трех видов: имеющие свои национально-государственные образования в рамках СССР, за его пределами и вообще не имеющие. Несколько в особом положении находится русское население. Оно хотя и является во многих национальных образованиях меньшинством, но в силу того, что именно русский язык, культура, история и т.д. являются общесоюзными, давление на них со стороны коренной нации было минимальным. В то же время именно русские слабее всех держатся за свои образцы и нормативные системы (за исключением, пожалуй, языка).

Итак, исходные национальные образцы сталкиваются, эстафеты угасают или поглощают друг друга, нормативные системы трансформируются - идет, в общем-то, закономерный процесс. К концу XX в. существовала уже достаточно большая группа людей, которые в силу постоянных переездов, смешанных браков и прочих социальных причин стали полинациональными. Они знают несколько языков, разбирались в истории не только России, умели уважать местные традиции и т. д. К ним вполне было применимо определение "новая историческая общность - советский народ".

12. 2. "ФРОНТОВЫЕ" ДОРОГИ

Народные фронты и Интерфронт - за что и против чего они боролись? И какой должна была быть победа?

Опубликованный в августе 1989 г. проект платформы КПСС "Национальная политика партии в современных условиях" отмечает многие из рассмотренных

выше проблем. Да, "во всех регионах страны сформировались крупные производительные силы", но далеко не везде - на национальной основе, с учетом специфики традиционного природопользования. Да, "в республиках выросли свой рабочий класс, научно-техническая и художественная интеллигенция", но во многих местах они утратили свои национальные черты. Огромный вред принесло форсированное сближение наций.

Показательно выступление С. Баруздина, который сказал: "Я не противник создания всяких неформальных организаций и объединений, кроме крайних, но, дорогие друзья, если мы с вами не будем оперативно решать национальные проблемы, за них возьмутся неформалы, а неформалам, даже самым прогрессивным, отдавать их нельзя. А то ведь они вам... решат за один присест все национальные проблемы: в одном случае путем отделения от Советского государства, если вы нам откроете карты договоров 1939 года, в другом случае и без этого... Эта опасность, что неформалы будут решать национальные проблемы, мне думается, может привести к тому, что мы будем иметь Карабах в любом регионе нашей страны". К рассмотрению того, что представляли собой неформальные организации с национальной ориентацией, мы сейчас и перейдем.

Обращаясь к анализу деятельности неформальных движений, имеющих национальную окраску, мы сразу же сталкиваемся со вполне реальным образцом и его трансформацией. Речь идет о Народных фронтах, зародившихся в Прибалтике и охвативших затем практически все национально-государственные образования СССР. Создание и деятельность неформальных организаций породила поток совершенно непривычных в тот период исторических источников - программных и уставных документов. Естественно, что методы их анализа оказались практически неразработанными. И тем не менее зацепки есть. Народные фронты прибалтийских республик в самом прямом и полном смысле оказались образцами при создании других неформальных объединений сходной направленности. И здесь изучение трансформации образцов в зависимости от конкретных нормативных систем - весьма, как представляется, перспективный подход.

В первых документах Народного фронта Эстонии внимание концентрировалось вокруг нескольких проблем: экономический и политический суверенитет; приоритет в развитии национальной культуры; государственный язык; республиканское гражданство. Были затронуты и другие вопросы, такие, как экология, демография и пр., но сейчас остановимся на этих. Возьмем ситуацию в Татарии. Актуально ли для республики, не имеющей внешних границ, требование политического суверенитета? Еще более не отвечающим ее потребностям оказался пункт о республиканском гражданстве - около половины татар проживает за пределами своей республики, и именно их заботы, консолидация всей нации стали во главе угла. В Татарии был создан Народный фронт, однако реальная сила оказалась в руках Татарского общественного центра, ориентировавшегося на решение проблем именно в рамках нации, а не республики.

В Грузии национальный язык давно уже признан государственным, он преподается во всех школах, на нем ведется обучение в вузах и т.д. В силу относительно слабых миграционных потоков угроза национальной культуре здесь была значительно слабее, чем в Прибалтике или Татарии. Естественно, что соответствующие пункты программы Народного фронта Эстонии особой популярностью не пользовались. Аналогична ситуация в Армении и Азербайджане. И во всех закавказских республиках наибольшей остроты достигает проблема положения в их автономных республиках и областях. А ее решение не предусмотрено программами Народных фронтов республик, в которых автономных образований нет. Их образец здесь не трансформируется, а просто не приживается.

Существуют Народные фронты и на территории РСФСР, преимущественно регионального характера. Однако ряд существенных различий в реальной ситуации также требует трансформации. Что касается в целом РСФСР, то требование для нее политического и экономического суверенитета звучало парадоксально: Советский Союз традиционно ассоциировался с Россией как внутри страны, так и зарубежом, как для русских, так и для представителей других национальностей. Так от кого же должна была отделяться Россия? По сходным причинам не воспринимался как актуальный лозунг республиканского гражданства. Государственный язык в РСФСР, как и во всей стране - русский. Вот только с приоритетом в развитии национальной культуры дела не слишком хороши. В то же время русская культура не является монолитной и в силу этого консолидация сил на почве ее защиты довольно затруднительна. Вот и получился Российский Народный фронт довольно слабой организацией.

Интересно соотношение программ Народных фронтов и движений типа Интерфронт. Вторые, возникшие как отклик на создание первых, неизбежно восприняли программы Народных фронтов как анти-образцы. Отсюда требования: никакого политического суверенитета, никакого приоритета национальной культуре, никакого национального государственного языка, никакого особого республиканского гражданства. Несколько мягче позиция по отношению к вопросу об экономическом суверенитете, или республиканском хозрасчете, - здесь вполне конкретные материальные интересы заставляют отказаться от воспроизведения анти-образца.

Подобный анализ поможет не просто констатировать факт трансформации образца, но и предположить, какие образцы "приживутся" в данной нормативной системе, а какие - нет; а если "приживутся", то как видоизменится. Этот подход может иметь прогностические функции, зачастую необходимые.

12. 3. ЧУМОВОДКА И ОЛЕНЕВОДЫ

В основе почти всех национальных конфликтов - психологический дискомфорт, возникающий от соприкосновения разных этносов, культур, вероисповеданий, типов хозяйствования

Однако если нивелировка национальных особенностей - процесс естественный и закономерный, то откуда берутся национальные конфликты? В-первых, национальный конфликт - это только форма, в которой может находить выражение самое разное содержание, в основе которого - психологический дискомфорт. А вот причины этого дискомфорта в каждом случае особые. Если в Татарии это отсутствие киностудий, академии наук, полиграфической базы, которая могла бы своей продукцией обеспечивать татар и за пределами республики, то для саамов Мурманской области - утрата возможности традиционного природопользования, социальная (прежде всего трудовая) необеспеченность. Если для турок-месхетинцев основа психологического дискомфорта - отсутствие возможности жить на родине, то для прибалтов - нехватка жилья, продовольствия, промтоваров. Происходила глобальная, массовая имущественная, социальная, профессиональная и конечно же национальная дифференциация общества. Причины ее совершенно тривиальны и очевидны - нарушение социальной справедливости при распределении "благ" любой сферы - начиная с права на занятие неких постов и кончая доступом в закрытые магазины; дефицит, при котором сами эти "блага" выступают уже в качестве показателя престижа их обладателя; развитие экономики без учета его экологических и социальных последствий.

И еще один аспект, в котором необходимо учитывать различие образцов, на этот раз образцов восприятия. Речь идет об обучении. Психолингвисты доказали, что разница в ассоциативном мышлении в ряде случаев настолько велика для разных народов, что подстрочный перевод, например, пожелания успехов может быть воспринят как оскорбление. Наиболее широко известен пример с ассоциативными пластами, связанными с образом зайца в русском и американском контексте. Американец, сравнивая человека с зайцем, намекает на его ум и находчивость, т.е. делает комплимент. Как этот комплимент может быть воспринят русским, можно не пояснять.

Но я, собственно, о другом - об обучении в начальной школе. Приведу только один пример. В нгасанском языке нет абстрактного понятия "один" - может быть только "один стоящий", "один бегущий" и т.п. Таким образом выражение "1+1=2" для маленького нгасанца просто не существует, не воспринимается им и не осознается. Совмещение образцов нгасанского и "европейского" (назовем так условно присущую нам систему) восприятия происходит у нгасанских детей только где-то к третьему классу, когда они уже безнадежно отстали в обучении. До тех пор, пока мы не решим этой задачи, не будут искоренены основания для национального неравенства, а следовательно и для национальных конфликтов.

И еще одно. Представляется, что национальные конфликты - проявления психологического дискомфорта, причины которого не до конца осознаны. По мере осознания коренных интересов - и прежде всего экономических - национальная окраска конфликта теряет свою яркость, происходит межнациональная консолидация уже на других основах. Борьба за экологическое

благополучие, экономическую самостоятельность объединила людей разных национальностей в Татарии. Вскрыты социальные причины конфликтов в Фергане и Нагорном Карабахе.

12. 4. ЖЕРТВЫ ПРОГРЕССА

Столкновение цивилизаций может привести к трагедии. Череда самосожжений девушек в Средней Азии и недавние взрывы в Америке - что между ними общего?

В заключение я приведу пример того, как влияет столкновение разных эстафет на реальную национальную ситуацию.

Основой для данного исследования послужила выборка в 125 брачных объявлений жителей Средней Азии и Казахстана, рассмотренная на фоне 1000 общесоюзных брачных объявлений.

Для начала отмечу специфику брачных объявлений Средней Азии и Казахстана. Соотношение объявлений мужчин и женщин - 28,8% против 71, 2%. Для других регионов СССР такое соотношение не характерно - обычно доля мужчин не превышает 20%. Но в Средней Азии работает целый ряд специфических факторов - и большая, чем в целом по стране, доля мужчин-долгожителей (от 95% в Узбекистане до 115% в Киргизии против 85% в масштабах СССР), и, соответственно, меньшая доля женщин-долгожительниц (от 95% в Узбекистане до 106% в Казахстане против 109% в масштабах СССР; исключение составляет Киргизия - 111%), и большее число мужчин на 1000 женщин (в среднем по региону 962, по СССР - 855), и, естественно, местные традиции, основывающиеся на исламе и запрещающие женщине любую форму активности, особенно, конечно, в брачных отношениях. Для того, чтобы проверить, какой из данных факторов оказал наибольшее влияние на формирование полученного соотношения, требуется сопоставить возрастное распределение в целом по стране и по данному региону на основе брачных объявлений. Заметим разрыв в распределениях в возрасте от 31 до 41 года (в целом по СССР доля объявлений существенно больше), 46 - 50 и старше 56 лет (по СССР - существенно меньше), т. е. к такому способу решения брачных проблем жители Средней Азии и Казахстана прибегают в значительно более зрелом возрасте.

Еще одна существенная особенность среднеазиатского массива брачных объявлений - частота фиксации национальности: 78% против 12,5% по стране. Это указывает прежде всего на остроту национальных проблем в регионе. Поэтому именно в этом аспекте я буду рассматривать проблемы брачно-семейных отношений в Средней Азии и Казахстане.

Корректность исследования требует отметить, что там, где использованы материалы только брачных объявлений, описываемая ситуация более характерна для Казахстана, т.к. его доля в объявлениях весьма велика и существенно влияет на статистику выборки. Отмечу также, что брачные

объявления подаются в подавляющем большинстве случаев горожанами, что также необходимо учитывать.

С позиций историка-социолога Средняя Азия интересна прежде всего тем, что она на сей день находится на стыке двух культур, можно даже сказать, на стыке двух цивилизаций. Одна из них имеет здесь вековые корни, освящена традицией, другая ежедневно тиражируется радио, телевидением, кино, прессой. Как они сосуществуют? И главное - как живет при этом людям? Вот об этом мы и поговорим.

Начнем с того, что столкновение культур происходит не только в русле традиционного уклада и пропаганды нового образа жизни. Оно идет и непосредственно через национальную "мозаичность" населения Средней Азии и Казахстана. Далее мы будем говорить суммарно о Средней Азии и Казахстане и при этом различать только восточные и европейские нации и национальности. Правомочность подобного подхода кроется как в самом принципе объединения, ибо действительно, восточная и западная - европейская - цивилизации различаются весьма существенно, так и в религиозном аспекте - для Средней Азии ислам - далеко не последний фактор социального бытия. Кроме того, аргументом могут служить брачные объявления, в которых национальность искомого партнера часто указывается обобщенно - "восточная", "европейская", иногда - "славянская". По мнению А. А. Сусоколова, в инациональной среде восточнославянские народы выступают зачастую как единая этническая общность.

Соотношение этих групп таково: 71,9% населения составляет восточная группа и 25,6% - европейская. А отсюда весьма специфичные для каждой группы проблемы, отличающиеся, к тому же, от проблем группы смешанных национальностей. Поэтому свое дальнейшее рассмотрение мы будем вести именно по этим группам.

Итак, кто хочет вступить в брак?

ОНА. Прежде всего отметим, что невесты (пока мы будем говорить только о тех, кто вступает в первый брак) немного "постарели" - число девушек, вступающих в брак до 20 лет, уменьшается. Среди девушек восточных национальностей низка доля имеющих среднее специальное и тем более высшее образование. Тому две причины - учиться особо и негде: на это часто жалуются девушки в своих письмах в редакции газет, журналов, на радио и телевидение. Так, в статье Ю. Кузьминой "Сквозь пламя" приводятся письма девушек из разных районов Таджикистана, в которых содержится эта жалоба. Но вторая причина не менее весома - за девушек с образованием во многих местах дают меньший калым. И это понятно - девушка с образованием по необходимости менее "домашняя", сильнее включена в активную социальную жизнь, меньше сосредоточена на домашних проблемах. А все это не соответствует идеалу жены в восточном понимании. Таким образом, получается, что страдают представительницы обеих - и восточной, и европейской - культур. Ведь общесоюзное общественное мнение, доносящееся до Средней

Азии и Казахстана через средства массовой информации, образование ценит очень высоко.

Что же касается величины калыма, то в данном случае вопрос в другом - насколько она важна для самих девушек? Как это ни парадоксально для "инородца" - весьма важна. Интересно, что даже те девушки, которые не измеряют любовь к себе в денежных единицах, сетуют скорее на слишком большой калым, чем на его существование. А некоторые вообще считают, что его надо увеличить, чтобы муж больше ценил жену и заботился о ней как о дорогой и нужной вещи. В статье Ю. Кузьминой приводится следующее письмо девушки из Орджоникидзееабада: "Чтобы чувство к жене не обесценивалось, надо повысить калым с двух тысяч до трех".

Однако, как бы там ни было, но уровень образования девушки обратно пропорционален ее "популярности" как невесты. В этом нас убеждают также данные брачных объявлений: 75% объявлений девушек, не состоявших ранее в браке, - от имеющих высшее образование. В то же время по данным общесоюзного массива, интерес к этому параметру самоописания женщин возникает в более зрелом возрасте и явно выступает в качестве компенсаторной ценности: с детьми, но зато с высшим образованием; немолода, зато доцент и пр.

И еще одна общесоюзная ценность не в почете у восточных женихов - общественный труд. Работает, как правило, чуть больше половины девушек, остальные сидят дома. В той же статье Ю. Кузьминой есть и такое письмо: "В колхозе 2018 комсомолок, а работает чуть больше половины - 1107 человек, да и то в основном на сезонных работах". Конечно, и дома работы хватает, особенно у сельских жительниц, но дело ведь не в этом - никому и в голову не приходит обвинять их в лени. Дело в "выключенности" из социальной жизни. Способствует замкнутости на семейной жизни в доме родителей и низкий уровень знания русского языка среди девушек сельских районов. По результатам анализа почты журнала "Захмет аял" 34% читательниц озабочены проблемами трудоустройства.

Итак, восточные девушки не только психологически, но и ситуационно обречены на "восточный" брак - родители, как правило, препятствуют получению образования, устройству на работу, а плохое знание русского языка - языка межнационального общения - не дает возможности куда-либо уехать из дома. К тому же ислам запрещает браки женщин с иноверцами. Да и вообще, даже среди горожан, - а они все-таки менее консервативны - 88 % считают согласие родителей необходимым для заключения брака. И растут социально инфантильные девушки, неприспособленные к реальной современной жизни, и ждут, пока их купят за возможно больший калым. И смотрят по телевизору на своих сверстниц, занятых интересным делом, обучающихся важным профессиям, современно одевающихся и держащихся на равных со своими ровесниками - мужчинами. Оттуда прямой путь к психологическому дискомфорту, выход из которого - либо бегство, либо - саможжение, случай, увы, нередкий в рассматриваемый период. Причем здесь есть некая тревожная закономерность - чем ближе к крупным европеизированным городам, тем чаще случаются

самосожжения. По всей вероятности, слишком отчетливо здесь столкновение двух миров, слишком наглядна непроходимость грани между ними.

Основные причины самосожжения, по данным анкетирования, проведенного в Туркмении, таковы: нарушение девственности до вступления в брак и дальнейший отказ партнера от заключения брака; тяжелое материальное положение; плохое здоровье; систематическое избиение мужем; выдача замуж против воли; невозможность вступить в брак с любимым человеком и в конце списка (по значимости) - конфликты со свекровью и измена мужа.

Наибольшее распространение самосожжения получили среди домохозяек (33,3%) и школьниц (23,3%), причем выделяются два возрастных пика - 15 - 18 лет и 22 - 24 года. В юности эти акты чаще совершаются осенью, в пору свадеб, а среди домохозяек - зимой (видимо, в связи с уменьшением социальных контактов). И если самосожжение - чудовищный выход из ситуации (мы еще будем говорить об этом), то и бегство из дома очень часто не несет с собой ничего хорошего. Ведь именно беглянки из сельских районов, вырвавшись из привычной среды и отказавшись от ее норм, но не приобретя взамен других - ибо ведь нельзя сказать, что средства массовой информации в состоянии научить им девушку, да они и не ставят перед собой такой задачи, - сбиваются с пути, спиваются, идут по рукам.

Прокурор следственного отдела республиканской прокуратуры М. А. Гафурканова говорит: "Нам нередко приходится сталкиваться с "испорченными, плохими" девочками. Как правило, это недавние сельские жительницы, только-только переселившиеся в город учиться или работать... Эти девочки, привыкшие к безоговорочному послушанию, ручные, готовые по родительской воле выйти за кого угодно замуж и жить, не подавая голоса, они, попав в ситуацию, где необходимы принципы, где нужно самой принимать решения, делать свой нравственный выбор, оказываются несостоятельными. Можно понять тех родителей, которые воспитали своих дочерей "по-мусульмански", когда они не пускают их из дома: знают, чувствуют, что в незнакомой обстановке это воспитание нередко ведет к жизненному краху".

Ну а как обстоят дела с девушками - европейками? Им отчасти легче - на них не давит многовековой груз восточных традиций. К тому же они-то, как правило, и работают, и учатся, и владеют русским языком. Но у них свои проблемы, и основная из них - маленький выбор потенциального брачного партнера. Учитывая, что только один из ста жителей является для данной девушки лицом противоположного пола и подходящего возраста, т.е. потенциальным брачным партнером (имеется ввиду заключение брака с европейцем), становится ясно, что найти его не так просто. А если к тому же подходит не любая европейская национальность (например, судя по брачным объявлениям среднеазиатского региона, немцы стремятся вступать в однонациональный брак), то ситуация становится чуть ли не фатальной.

Правда, для европейских девушек не так остро стоит проблема межнациональных браков - судя по их брачным объявлениям, национальность

партнера не является для них особо значимым признаком. Однако было время, когда для восточного, да и не только восточного, но и кавказского, и любого другого нерусского мужчины брак с русской девушкой был социально престижен. Это было вызвано и политической доминантой русского народа, и просто тем фактом, что русская девушка была "диковинкой". Со временем ситуация изменилась. Миграционные потоки привели к тому, что русская, да и вообще европейская девушка - не редкость в Средней Азии и особенно в Казахстане, а вот жить восточному жениху удобнее с девушкой, воспитанной в сходных традициях, более покладистой, послушной, непритязательной. Немаловажное значение имеет и тенденция восточных мужчин иметь много детей, на что далеко не всегда согласны европейские жены.

Определенным свидетельством неблагополучия ситуации с невестами служат данные о числе детей, родившихся вне брака. К сожалению, они пока опубликованы в чересчур обобщенном виде, но и так дают повод к размышлениям. И если рост числа детей, рожденных вне брака, в городах еще можно объяснить "европейским" влиянием, то данные по сельскому населению свидетельствуют, что этот процесс набирает силу и среди восточных семей.

ОН. На первый взгляд, женихам гораздо проще. И это отражается в статистике - как уже говорилось, в Средней Азии и Казахстане самый большой процент мужчин-долгожителей и самый маленький - женщин-долгожительниц по стране. Да и соотношение мужчин и женщин, опять-таки в единственном регионе страны, самое благоприятное. Здесь сказывается и более низкий уровень мужской смертности и то, что этого региона меньше коснулась война.

Но и у женихов свои проблемы. И если для европейцев они те же, что и у девушек - узость круга потенциальных брачных партнеров, то для восточных женихов ситуация несколько иная. И она тоже связана с калымом, вернее, с невозможностью его уплатить. В уже упомянутых материалах журнала "Наука и религия" есть такое письмо, пришедшее из Зиды: "В нашем районе родители запрашивают слишком большой калым - под видом свадебных подарков. Вот юноши и уезжают в другие места, привозят себе жен оттуда. А мы?" Но в особенности это касается горожан - и людей с высшим образованием, и рабочих, т.е. тех, кто живет "на одну зарплату". При этом я не имею ввиду, что сельские жители зарабатывают деньги каким-то нечестным путем - вовсе нет, но они имеют больше возможностей увеличить свой доход и тем самым скопить деньги на уплату калыма. А как же остальные?

Правда, ислам не запрещает мужчинам браки с иноверками при условии, что они примут мусульманство. Но мы уже говорили, что психологически для мужчин предпочтительней браки с девушками, воспитанных в сходных традициях. Это и понятно: чем более существенны межэтнические различия в бытовой поведенческой культуре, тем реже заключаются межнациональные браки.

Восточный мужчина прежде всего хозяин, глава семьи. И это проявляется не только в требовании беспрекословного повиновения женщины, но и в

необходимости обеспечивать семью материально, гарантировать ее благополучие. Однако такие негативные явления, получившие распространение в предшествующие годы, как рост цен, инфляционные тенденции, отрицательно влиявшие на благосостояние многих социальных категорий трудящихся, привели к тому, что быть реальным главой семьи для мужчины стало очень сложно - труднее одному прокормить жену и детей, не говоря уже о выплате калыма, размеры которого в силу тех же обстоятельств увеличились. Отсюда опять-таки уникальное для страны явление - значительно больший, чем в целом по СССР, процент мужских объявлений с целью найти партнершу по браку. Конечно, здесь сказывается не только и даже не столько худшее положение женихов (как раз в целом по стране оно ничем существенно не отличается), сколько наложением социально-психологических факторов - уже упомянутой тенденции мужчин к выполнению реальной роли главы семьи и весьма сильный социальный запрет для женщин проявлять активность в поисках брачного партнера. И невозможность соответствовать традиционному представлению о восточном муже для женихов не стоит недооценивать.

ЗНАКОМСТВО. Для того, чтобы вступить в брак, необходимо познакомиться с будущим супругом. Мы уже говорили, что одна из проблем для европейских женихов и невест, желающих вступить в однонациональный брак, узость круга потенциальных брачных партнеров. А как обстоят дела с восточными женихами и невестами? Учитывая, что сельское население в республиках Средней Азии преобладает и имеет тенденцию к дальнейшему росту (если во времена царизма 75% узбеков жили в кишлаках и были дехканами, то сегодня этот процент дошел до 80), а также что оно состоит, в основном из людей восточной национальности и что сельские поселения часто невелики по размеру и жизнь в них происходит на глазах у соседей, то понятно, что основная масса восточных женихов и невест знакомится "по месту жительства", причем не на работе или по месту учебы - мы уже говорили, что восточные девушки редко работают или получают образование, - а имеено дома. Здесь две проблемы: особенно сильная зависимость от мнения родсвенников и соседей, приводящая к необходимости следовать всем традициям и считаться с предрассудками, даже если они чужды и не нравятся самим молодым, а также ограниченность круга потенциальных брачных партнеров. Особенно трудно жителям тех районов, где родственники запрашивают слишком большой калым - женихи в них предпочитают искать невест "на стороне". в других районах, а невесты, привязанные к месту жительства, могут так и не найти будущих супругов. С калымом связана еще одна проблема: чтобы деньги не ушли в чужую семью, предпочтительным считается брак между родственниками. Как это сказывается на дальнейшей жизни семьи, мы еще поговорим, а пока отмечу, что тем самым еще более сужается круг потенциальных брачных партнеров.

Конечно, горожанам в этом смысле проще - и население больше, и круг общения шире, и влияние традиций меньше. Но, судя по брачным объявлениям, и

у них ситуация сложная - ведь объявления дают в подавляющем большинстве случаев именно горожане.

Кстати, среди тех, кто указал в объявлениях свою специальность - 32 человека из 127 - 15 человек рабочих специальностей. Отмечу, что эта ситуация также не характерна для общесоюзного массива - там доля рабочих значительно ниже, а представителей науки - значительно выше. При том, что доля рабочих среди всего населения среднеазиатского региона отнюдь не высока, эта диспропорция еще более значима.

СВАДЬБА. Разговор о свадьбе в Средней Азии - это прежде всего разговор о калыме. Но мне не хотелось бы на этом останавливаться - такой разговор регулярно ведется на страницах печати, вредность этого обычая неоднократно закреплена, и все, кто в состоянии это понять, уже поняли. Весомых же данных для разговора на научном уровне у меня нет - хорошо зная, что этот обычай "верхами" не одобряется, люди неохотно дают информацию, официальных же, да и к тому же еще и достоверных, данных, видимо, вообще быть не может.

Стоит, может быть, коснуться другого, правда, почти столь же часто упоминаемого в прессе, но все еще не до конца исчерпанного аспекта. Я имею в виду роль ислама в современной жизни Средней Азии. Существует позиция, согласно которой во всем дурном и отсталом виноват именно ислам. Ее противники утверждают, что наоборот, все дурное - отступление от ислама, а все хорошее - именно его заслуга. Обе эти позиции не только спорны, но и в определенной мере неправомерны. Речь может идти о другом. Влияние ислама - как положительное, так и отрицательное - несомненно. Однако в связи с чем? За этим стоит вполне понятный социально-психологический феномен: на дворе век не только науки и техники, на дворе век размывания национальных структур. Мы уже приводили выше данные о соотношении восточных и европейских национальностей в населении Средней Азии - доля последних достаточно велика. Плюс на их стороне средства массовой информации, пропагандирующие преимущественно европейскую культуру, европейский стиль жизни и основанные на европейском образе мышления. А в этой ситуации, как давно уже замечено учеными, национальное самосознание ищет опору прежде всего в религии, особенно когда "противоборствующая" сторона не только атеистична, но и изначально иноверна. В современном мире цивилизации Востока оказываются перед серьезной проблемой: как лучше заимствовать чужое и в то же время сохранить свое? В этих нелегких поисках страны и народы Востока обычно обращаются к национальной традиции и стоящей за ее спиной религии. Национально-религиозная традиция для них - защитный панцирь, позволяющий сохранить свое национальное "я", свое этническое лицо, свои нравы и обычаи. С этих позиций роль ислама в Средней Азии понятна, что не снимает с нас обязанности внимательно подходить к существующему психологическому дискомфорту, вызванному разрывом между исламкой и европейской традициями.

Но мы все время говорим о восточных и европейских браках. А какова же ситуация с браками межнациональными? Выше уже отмечалось, что мужчины восточной национальности чаще вступают в межнациональные браки. Однако в целом среднеазиатский регион принадлежит к числу тех, где очень низка доля межнациональных браков - менее 11%. Кроме того, в эти 11% входят как браки коренной национальности с близкими восточными национальностями, так и восточнославянских и в целом европейских народов между собой. В то же время в Таджикистане, например, таджико-узбекских браков в два раза больше, чем таджико-русских. Аналогичная ситуация и в Узбекистане. Таким образом на долю европейско-восточных браков приходится уж совсем ничтожный процент. В городах доля смешанных браков значительно выше, чем на селе. На заключение межнациональных браков влияет распределение людей по национальности между отраслями и сферами народного хозяйства, расселение в городах, относительный престиж народа. При этом чаще в них вступают рабочие. Интересно, что очень хорошие отношения, по данным опросов, чаще бывают в смешанных браках, однако прочность их несколько ниже.

СЕМЬЯ. О тяжелом положении невестки, особенно младшей, в восточной семье уже неоднократно писалось. Здесь остановлюсь только на тех проблемах, которые проистекают не из восточных традиций, а из социально-экономической ситуации.

Республики Средней Азии и Казахстан занимают последние места по производству всех товаров народного потребления. Заметим также, что если в среднем по СССР норма потребления мяса - 62 кг в год, то в Узбекистане - 29 кг, в Таджикистане - 31 кг, в Киргизии - 42 кг, в Туркмении - 43 кг и только в Казахстане - 61 кг. Конечно, частично эту ситуацию можно списать на достаточно сильные позиции натурального хозяйства в регионе, которые в целом не стимулируют развитие рынка потребления. Но если в области продовольственных товаров и отчасти товаров легкой промышленности это влияние еще может что-то объяснить, то в плане товаров химической промышленности, электроприборов и т.п. - уже нет.

Последние места занимает регион и по объему платных услуг населению. Такое положение, безусловно, усугубляет тяжелую судьбу женщины, еще более закрепощая ее и привязывая к домашнему труду. Не лучше и положение в сфере медицинского обслуживания - регион также занимает последние места по числу врачей на душу населения. А это весьма существенно, не только в силу общего роста культуры, приобщения к культуре европейской, но и в силу ситуации, достаточно критической, с генофондом коренного населения региона. В Узбекистане из 1000 новорожденных умирает около 100. Многие юноши негодны к службе в армии. А уровень медобслуживания в кишлаках ниже, чем в странах третьего мира.

Особенно трагично положение в Туркмении, где близкородственные браки - очень распространенное явление. "Именно в калым... упираются корни родственного брака. На родственниках женятся, чтобы деньги не ушли в чужие

руки, а остались в своей же семье. Малообеспеченные семьи вынуждены женить близких родственников потому, что нет тысяч рублей, которые нужны для уплаты калыма родителям "чужой" невесты. Для "своей" же, родственницы, денег понадобится значительно меньше". Из 164 семей сельсовета Ягтылык 90 - близкородственных. В 71 из них дети умирают в первые же дни или месяцы жизни.

Таким образом в тяжелом положении женщины в Средней Азии виноват не только ислам. Но если все-таки семья не удалась и хватило сил на принятие кардинального решения?

РАЗВОД. Развод как выход из неудачно сложившейся семейной жизни ныне распространен повсеместно. Однако, например, для жителей Узбекистана это не так. 84% узбекского и 63% русского населения городов считают развод недопустимым в случае наличия детей, да и в случае их отсутствия - явлением весьма нежелательным.

Тем не менее разводы все-таки существуют и в среднеазиатском регионе. В этом плане характерно письмо, опубликованное в "Комсомольской правде" 9 февраля 1986 г.: "Плохой женой я себя не считаю. В доме мужа прожила четыре с половиной года. Я работаю, но никогда не отказываюсь трудиться и по дому. Все деньги, зарабатываемые мной и мужем, мы отдали свекрови. Но та была недовольна мной, едва ли не ежедневно устраивала скандалы.

Дело в том, что мы с ней разных национальностей. Я русская, она таджичка. У нас двое детей, я не хочу разводиться с мужем. Но свекровь упрямо разбивает нашу семью только потому, что она хочет женить сына на "своей" крови, на таджичке.

В нашем районе очень много разводов. И многие по одной причине: разные национальности. От свекрови я в конце концов ушла к своей матери. А муж не пошел за мной, остался у своих". Каждый шестой брак, заключенный в Туркмении в 1988 г., распался.

По числу разводов среднеазиатский регион вместе с закавказским занимает последние места, что с одной стороны радует, т.к. может служить свидетельством стабильности семьи в этих регионах. Но это с одной стороны. А с другой - самосожжения, которые зачастую есть следствие столкновения невозможности жить дальше в браке и неприемлемости разводов.

Из числа мужчин, подавших брачные объявления, 12,8% указывают, что они разведены, причем все они - европейцы в возрасте от 35 до 57 лет. Среди женщин 10% указали, что они в разводе, и подавляющее большинство - европейки в возрасте 24 - 39 лет. Соответствующие данные по общесоюзному массиву - 12,5% и 8,3%. Таким образом существенных различий нет. Близка и доля женщин, имеющих детей.

"ВТОРОЙ КРУГ". К людям, проходящим второй жизненный круг, я отношу прежде всего разведенных, вдовых и вообще всех жителей старше 30 лет, не состоящих в браке.

Итак, семья распалась. Какова дальнейшая судьба бывших супругов? Выше уже говорилось, что "рынок" потенциальных брачных партнеров в среднеазиатском регионе весьма узок. А для людей второго жизненного круга - еще меньше. Это особенно сильно влияет на судьбу женщины: ее "привлекательность" как невесты уменьшается, во-первых, предшествующим пребыванием в браке, во-вторых, возрастом, в-третьих, возможным наличием детей.

Конечно, можно уехать в другой регион, где брачная ситуация более благоприятна. Однако именно для Средней Азии и Казахстана характерна чрезвычайно низкая миграционная мобильность: у казахов - 4,6%, киргизов - 2,5%, таджиков - 2,2%, узбеков и туркмен - по 1,4%. Для сравнения отметим, что у русских - 6,7%. При этом большую часть мигрантов составляют люди, перемещающиеся в пределах региона. Подобная ситуация, связана в первую очередь с плохим знанием русского языка, особенно жительницами сельских районов. Да и вообще жители сельских районов в целом мене подвижны, более привязаны к земле, хозяйству и т.п. А учитывая большой удельный вес сельского населения в Средней Азии и Казахстане и его продолжающийся рост, становится понятной и вся региональная ситуация.

Значит, миграция как выход на второй жизненный круг для данного региона непопулярна. Остается посмотреть, каков же состав людей второго круга по данным брачных объявлений. Конечно, нужно учитывать, что массив брачных объявлений не репрезентативен для всей совокупности людей второго круга - к этому способу решения проблем люди обращаются, уже исчерпав все остальные возможности. Но некоторую информацию к размышлению может дать и он, особенно в сравнении с общесоюзным массивом. Необходимо иметь ввиду, что брачное объявление произвольно по составу: автор фиксирует те или иные признаки по собственному желанию. Поэтому тот факт, что наличие детей указали 24,7 % среднеазиатских женщин, отнюдь не означает, что у остальных детей нет. Единственный, на мой взгляд, корректный аспект интерпретации-оценка значимости данного параметра для подателя объявления. Еще более условно соотношение фиксации наличия или отсутствия жилищных и материальных условий с реальной ситуацией - этот признак оценивается весьма субъективно.

Внимание привлекают прежде всего следующие моменты: значительно большая доля женщин, не состоявших ранее в браке по стране и столь же значительно меньшая - по среднеазиатскому региону. Второй момент - наличие жилищных условий: если в общесоюзном массиве мужчины и женщины по этому параметру сопоставимы, то в среднеазиатском положение женщин почти втрое лучше. А материально обеспеченными считают себя почти вчетверо больше женщин, чем мужчин.

К сожалению, у меня нет возможности показать данные только для людей второго круга по общесоюзному массиву, но данные по среднеазиатскому региону.

В качестве дополнительной информации предложим возрастное распределение людей второго круга по рассмотренным выше признакам. Поскольку число объявлений для каждой возрастной группы, особенно при различии мужчин и женщин, слишком мало для корректной статистики, данные приведены в конкретных цифрах. В силу этого же обстоятельства я поостерегусь делать какие-либо глобальные выводы или предлагать сильные интерпретции. Отмечу лишь, что 30 - 40 лет для женщины - возраст максимальной стабильности и в то же время достижения жилищной и материальной обеспеченности. Но это же и возраст, в котором женщина еще достаточно жестко связана наличием детей, которые не просто усложняют ее быт, затрудняют переезд и т.д., но и являются достаточно весомым "недостатком" на "брачном рынке", который уравнивает ситуацию.

Подведем некоторые итоги. Беглый обзор брачно-семейной ситуации в Средней Азии и Казахстане приводит к выводу о ее неблагополучности. Причем эта неблагополучность заключается как в социально-бытовых проблемах, так и в национальных. Особую роль играет "агрессия" западной культуры, активизирующая, против своей воли, исламские черты культуры коренного населения. Социально-психологическая напряженность, психологический дискомфорт личности в этой ситуации с неизбежностью приводит на практике к различным эксцессам, от всплесков религиозного фанатизма и национализма до самосожжений и прочих актов отчаянья.

13. О ПОЛНОТЕ ВРЕМЕН

13.1 ЭСХАТОЛОГИЧЕСКАЯ МЕТАФИЗИКА

Н. Бердяев утверждал, что история имеет смысл только потому, что она кончится. Каков же этот смысл?

Иерархически структура научного исследования должна бы выглядеть так: философская концепция – теория – методология – метод – материал – интерпретация. Но это умозрительно. На практике историк редко задумывается над тем, какая теория лежит в основе его построений, и уж совсем редко – о философской концепции. Он ориентируется скорее на свое мировоззрение. Более того, он испытывает трудности с тем, чтобы его ясно изложить. И тем не менее внутри исследования, в его основе эти концепции и теории существуют.

Мне захотелось выявить свою собственную концепцию – не в смысле, что ее разработка принадлежит мне, а в том смысле, что я на нее ориентируюсь. Как человек религиозный, я искала прежде всего в религиозной философии. Мое внимание привлекла работа Н. Бердяева «Опыт эсхатологической метафизики», в которой действительно присутствует много созвучных мне положений. Например:

Объект меняется, зависит от состояния субъекта, от соотношения в человеке поверхностного и глубинного. Дильтей очень хорошо говорит, что отвлеченное отношение субъекта и объекта нужно заменить жизненным отношением существа и среды. Нет ничего ошибочнее смешения объективности с реальностью. «Объективное» наименее реально, наименее экзистенциально. Нет ничего ошибочнее смешения объективности с реальностью. «Объективное» наименее реально, наименее экзистенциально.

Мне тоже кажется, что объект сам по себе не существует. Это исследователь, выбирая и отсоединяя фрагмент действительности, сосредотачивая на нем внимание, делает его объектом.

Можно было бы сказать, что человек воспринимает известным образом картину мира в зависимости от форм своих социальных отношений с людьми. Поэтому есть особые миры, открывающиеся для вероисповеданий, для национальностей, для профессий, для сословий и классов. Картина мира у среднего человека, в середине пути его жизни, раскрывается не индивидуально-лично, а социально-коллективно. Так объективируется грех рабства человека. Это распространяется не только на мнения людей, всегда очень социализированные (общественное мнение, мнение и честь нации, сословия, полка, профессии и т. д.), но и на самое восприятие мира, на первоначальные впечатления от мира, которые зависят от семьи и среды. Самые основные восприятия картины мира и мнения и суждения о мире зависят от степени общности людей или степени их разобщенности. Даже каста ученых, которая должна стремиться к открытию истины, имеет свои миры и свои суждения о мирах, определяемые академическими традициями, учеными предрассудками и ученой рутинной. Единого, «объективного», мира не существует, он есть лишь социальное приспособление. Уже разным типам культур прошлого раскрывались разные миры, и по-разному раскрывались. Цивилизация создает новые формы социальной подражательности и приспособления, с ней связаны процессы обезличивания, но она же открывает возможность роста сознания и свободной мысли у меньшинства, возвышения личности.

Об этом мы тоже уже говорили. И о социальной подражательности, и о разнице восприятий, и о мифах.

Есть прогресс лишь в отношении частей и групп явлений, а не целого. Прогресс в одном отношении может сопровождаться регрессом в другом отношении. Может быть интеллектуальный прогресс и моральный регресс, технический прогресс и общекультурный регресс, культурный прогресс и социальный регресс и т. д.

А это одно из положений Б. Поршнева, глубоко уважаемого мною историка-теоретика.

Главное зло, главные страдания в жизни обществ определяются не столько тем, что люди индивидуально дурные и злые, сколько дурными и злыми идеями, которыми они одержаны, социальными предрассудками, затуманенными верованиями, унаследованными от среды, из которой они вышли. Зло и страдание, причиненные каким-нибудь Торквемадой, Филиппом II, Робеспьером и многими другими, их жестокость определялись не тем, что они были злые и дурные люди, — индивидуально они не были дурными и жестокими, а тем, что они были одержимы злыми идеями и верованиями, представлявшимися им хорошими и высокими. Глава семьи, член сословия, начальник государственного учреждения, хозяин предприятия, иерарх церкви, генерал, министр, царь бывают жестокими и сеют страдания, главным образом вследствие сознания своего иерархического положения; они индивидуально, по натуре, могут и не быть жестокими, но традиционное состояние их сознания предписывает им быть беспощадными, жестокими, насильниками.

Реконструкция образа и судьбы Григория Отрепьева, приведенная выше, вполне созвучна этому пассажи.

Так может быть это и есть та философская концепция, которую я ищу? Увы, нет. Основная проблема заключается в том, что даже на основании абсолютно верных (с моей точки зрения) и схожих наблюдениях можно построить совершенно разные концепции. Сделанное наблюдение, что птица летает, а рыба – плавает, может быть объяснено самыми разными способами, его причины и следствия могут составить совершенно разные концепции.

Какие выводы делает Н. Бердяев из этих (и не только этих, конечно) своих наблюдений?

В мире огромную роль играет не только неотвратимая необходимость, но и непредвидимый и необъяснимый случай. Случай будет все более и более признаваться наукой, которая освободится от гипостазирования закономерности, связанного с ложным мирозерцанием.

Как мы уже говорили, для меня случайность – это непознанная закономерность.

В мире есть частичная целесообразность, относящаяся к отдельным частям мира, к отдельным группам, но нет целесообразности как универсального принципа.

Честно говоря, я вообще не понимаю целесообразности как универсального критерия, да и не универсального тоже – какой цели должно быть сообразным? Кто эту цель поставил?

Этот мир внушает страх перед необходимостью и вместе с тем покорность ей. В действительности происходит борьба духа с природной необходимостью, личности — с объектным миром, борьба Бога в человеке с «миром», находящимся в состоянии падшести, утерявшим свободу.

Необходимость не есть нечто самостоятельное, необходимость – следствие, детерминированное потребностями и условиями их удовлетворения. В ней нет ничего, чего следовало бы бояться и с чем следовало бы бороться.

Внушение священности исторических образований, священности царств явно носит социологический характер. Чтобы принудить человеческие массы к покорности, дисциплине и порядку, нужно было внушить им верование в священность власти, государства, нации, войны, в священность подчинения индивидуального общему, личности роду. Для управления людьми и народами нужна была ложь, фикции. Народы не могут существовать без мифов, без мифов не может существовать власть и управлять человеческими обществами. Мифы соединяют, покоряют, вдохновляют, через них охраняются общества и через них делаются революции.

А вот этого я совсем не люблю! Опять возникает вопрос персонификации власти, опять действует кто-то, кто внушил, принудил, управлял. Кто этот «кто-то»? откуда он взялся? Это стремление свалить ответственность за ход событий, это подражание Понтию Пилату, только в зеркальном отображении: Пилат умыл руки перед требованием «народа», а в персонификации власти «народ» умывает руки перед своим собственным требованием, выраженным своим собственным «ставленником». Впрочем, мы об этом уже детально говорили.

Главное различие я вижу в том, что события истории происходят в ином времени, чем события природы, они происходят в историческом времени, в то время как события природы происходят в космическом времени. Космическое время есть круговорот, историческое же время есть линия, устремленная вперед. Вновь наступает весна и осень, вновь деревья покрываются листьями, и вновь листья падают. Но данная историческая эпоха в своей конкретности не повторяется никогда, хотя могут быть черты сходства с ней в новой эпохе. История выходит из космического круговорота и устремляется к грядущему. В истории есть давящая необходимость, есть власть массивности, есть подавление индивидуального родовым. И все же история чревата новизной, которая входит в эсхатологию истории, влечет к всеразрешающему концу. Только потому история не есть окончательно отвратительная и бессмысленная комедия.

Для листьев, унесенных ветром, время вовсе не представляется круговоротом, да и для дерева тоже. Вопрос упирается в степень обобщения: чем более обобщенно мы воспринимаем объект, тем больше его характеризует «космическое» время. Чем детальней и конкретней наш анализ, тем более присутствует в нем время «историческое».

Прогресс должен иметь конечную цель, и в этом он эсхатологичен. Но исторический прогресс заключает в себе непреодолимое противоречие, неразрешимое внутри его. Противоречие это связано с тем, что человек есть

существо историческое, лишь в истории осуществляющее полноту своего существования, и вместе с тем есть непреодолимое в пределах истории столкновение человеческой личности и истории. Человек вкладывает в историю свою творческую силу и делает это с энтузиазмом. История же не хочет знать человека, пользуется им как материалом для нечеловеческого строительства, имеет свою нечеловеческую и античеловеческую мораль. И история есть жестокая борьба людей, классов, наций и государств, вероисповеданий и идеологий. Она движется ненавистью, и с остротой ненависти связаны наиболее динамические её моменты. Эта безумная борьба ведется людьми во имя исторических целей, но она жестоко ранит человеческую личность, причиняя ей непомерные страдания. В сущности, история делалась, как преступление. И вместе с тем мы не можем сбросить с себя тысячелетнюю историю, не можем перестать быть историческими существами. Это был бы слишком легкий выход. Но нельзя видеть в истории прогрессивное торжество разума. Своеволие человек ставит выше благополучия. Человека терзает воля к могуществу и к принудительному мировому единству. Человек терзает себя и других иллюзорными целями исторической мощи и величия. Образование и разрушение царств — одна из главных целей истории.

История может чего-то хотеть или не хотеть? Марксистско-ленинский исторический материализм сакрализировал и в этом смысле персонифицировал исторические закономерности. Но Бердяев, вроде бы, не марксист...

В истории мира действуют три силы — Бог, рок и свобода человека. И страшная власть рока действует в истории народов, обществ, государств. Рок действует в образовании великих империй и в их разрушении, в революциях и контрреволюциях, в сумасшедшей погоне за богатством и в разорениях, в соблазнённости наслаждениями жизни и в непомерных страданиях. Роковой оказывается сила техники, созданная человеческим разумом для роста человеческого могущества. В известные времена своей истории народы особенно поддаются власти рока, ослабляется действие свободы человека и переживается богооставленность. Это очень чувствуется в судьбе русского народа, в судьбе германского народа.

Ну, вот, мало нам необходимости, непонятно откуда взявшихся враждебных истории, власти и общества, так еще и рок! Действительно, неуютно в таком мире. А ведь есть еще и Бог, пути которого неисповедимы... В таком понимании человек есть игрушка, песчинка. Но тогда странным кажется требование дать ему свободу, уважение и вообще признавать его как личность.

Так эсхатологическая метафизика выглядит философией страха — страха перед всем, отстранением от всего. И это совершенно точно не та концепция, на которой построена применяемая в этой книге методология.

И тем не менее намеки на возможность более оптимистичного (и, на мой взгляд, более продуктивного) взгляда на историю у Н. Бердяева есть:

Есть два понимания общества и два пути его. Или общество понимается как природа, или общество понимается как дух. Или общество строится как природа, согласно законам природы, или оно строится как духовная реальность. Этим определяются общественные идеалы и характер общественной борьбы. Общество как природа находится во власти необходимости, движется борьбой за преобладание и господство, в нем происходит естественный подбор сильных, оно строится на принципах авторитета и принуждения, и отношения в нем определяются как объектные. Общество как дух движется исканием свободы, оно основывается на принципе личности и отношениях субъектных, оно движется желанием, чтобы любовь и милосердие были в основании строения общества.

Можно установить три типа познания: познание субъекта самим собою, познание субъекта другим в качестве объекта, познание субъекта интуицией симпатии и любви

13. 2. ЦИВИЛИЗАЦИЯ ЛЮБВИ

Мы говорили о сакральном характере истории. Что же думают о ее конце священослужители?

Познание любовью, упомянутое Бердяевым, очень плодотворно, но это только часть требующейся концепции. Может быть, подойдет концепция любви?

Изложу ее по лекции, прочитанной кардиналом Анджело Содано.

Выражение «цивилизация любви» было впервые употреблено папой Павлом VI, а затем использовалось Иоанном Павлом II. Важно понимать, что при этом понимается под цивилизацией. Само слово произошло от латинского *civilitas*, перевода греческого понятия *politeia*, и означало образ жизни в Риме и других крупных городах, противопоставляя его деревенскому образу жизни. При этом городская жизнь считалась более развитой, более совершенной.

С понятием цивилизации схоже по смыслу понятие культуры, которое изначально означало результат (плод) заботливого возделывания земли путем ее терпеливой обработки. Таким образом эти два понятия, хотя и относятся к двум разным сферам человеческой жизни, но оба подчеркивают воздействие человека на окружающую среду для того, чтобы сделать жизнь более «человеческой».

Однако многие ученые отмечают, что эти два термина схожи, но не тождественны. Существуют культуры, которые нельзя назвать цивилизованными. Если некая культура, например, признает грубую силу, жестокое отношение к детям и женщинам, ее нельзя приравнять к цивилизации. Цивилизация есть культура, но не любая культура есть цивилизация.

Это позволяет нам определить цивилизацию как совокупность социальных, религиозных, художественных и технологических проявлений, являющихся плодом человеческой деятельности и в качестве таковых выражением лучшего в человеке; цивилизация – это совокупность явлений, в которых человеческое существо и общество демонстрируют свои лучшие качества. Можно сказать, что

цивилизация показывает вечную связь человека с миром природы, с другими людьми и с Богом; это высший стиль жизни, характерный для данного народа.

Из такого определения можно выделить две характеристики цивилизации: ее постоянство и ее динамичность. С одной стороны, цивилизация есть конечный пункт человечества и, следовательно, выражает достижения и блага, которые следует хранить и защищать, т. е. универсальные ценности. Действительно, цивилизация ценит и претворяет в организацию человеческой жизни не только элементы, необходимые для выживания, но и более высокие достижения человеческого духа: стремление к истине и поиск смысла жизни. Действия человеческого духа в философии, науке, религии и вере постоянно определяют цивилизацию. С другой стороны, цивилизация имеет динамичный характер, поскольку находится в постоянной трансформации, она все время устремлена к усовершенствованию, наиболее полной реализации человека и общества. Но она может также в определенные моменты своей истории утратить достигнутые результаты. Цивилизации угрожают разрушительные силы. Тогда возникают страх перед будущим, потеря смысла жизни, фрагментация существования, чувство одиночества, раздоры и противоречия.

Хрупкость культуры и, следовательно, цивилизации обязывает отдельных людей и организации защищать достижения цивилизации ради блага человечества.

Важно признавать, что цивилизация и религия тесно взаимосвязаны. Религия не есть нечто личное, и цивилизация не есть нечто светское. Истинная цивилизация должна состоять из трех элементов:

- использовать материальные блага на общую пользу. Чем больше обобществлена земля, тем выше уровень цивилизации;
- солидарность между людьми, взаимопомощь, дружба, прощение. Где есть эгоизм – нет цивилизации;
- связь людей с Богом. Там, где не допускается или даже просто ограничивается связь человека с Богом, нет цивилизации.

В предыдущие десятилетия много писалось о кризисе современной цивилизации или, если хотите, о кризисе различных форм цивилизации.

В истории действительно есть развитие и деградация, есть падения и восстановления.

Теперь перейдем к христианской цивилизации как цивилизации любви.

Что связывает христианскую цивилизацию и любовь? Тот факт, что любовь есть “душа” культуры и цивилизации. Вот как выразился Павел VI: «Мы хотели бы открыть для человеческой жизни пути лучшего благосостояния и цивилизации, вдохновленной любовью, понимая под цивилизацией тот комплекс моральных, гражданских, экономических условий, которые предоставляют человеческой жизни возможность наилучшего существования, ее разумную полноту, ее счастливую вечную судьбу».

В Учительстве Церкви эта мысль высказывалась много раз. Как Лев XIII, та и Пий XI говорили, что справедливость могла бы разрешить социальные конфликты, но

не может объединить сердца. Иоанн XXIII, признавая, что решение социальных проблем требует научных знаний и технических средств, утверждал, что, несмотря на это, милосердие продолжает играть решающую роль как в дополнении справедливости, так и в том, что разум может воспринимать как долг. Христос учит нас, что фундаментальный закон человеческого совершенства и, следовательно, преобразования мира есть новая заповедь любви. Он убеждает тех, кто верит в божественную любовь, что дорога милосердия открыта для всех людей и что усилия, потраченные на создание универсального братства, не напрасны.

Павел VI хорошо понимал сложность, которую понимание такого рода могло встретить в нашем прагматическом мире. Именно поэтому он настаивал на реальной возможности создать цивилизацию любви: «Может быть, мы только мечтаем, когда говорим о цивилизации любви? Нет, не мечтаем. Идеалы, если они подлинные, если они человеческие, не есть мечты: они есть обязанности. Особенно для нас, христиан. Они есть энергия, они есть надежда. Святой Ириней говорил, что «Слава Бога есть живущий человек»».

Иоанн Павел II продолжил эту линию, говоря, что милосердие дел придает безоговорочную силу милосердию слов. Это значит действовать для создания города, достойного человека. И даже если невозможно создать в истории совершенный социальный уклад, мы знаем, что каждое искреннее усилие построить лучший мир сопровождается Божьим благословением и каждое семя справедливости и любви, посеянное сегодня, цветет в вечности. Милосердие неизбежно еще послужит культуре, политике, экономике, семье, чтобы везде уважались фундаментальные принципы, от которых зависит судьба человеческого существа и будущее цивилизации.

Справедливость и любовь иногда представляются антагонистами, но в реальности это две стороны одной медали, два измерения реальности, взаимно обогащающие друг друга. Иоанн Павел II отвечал отрицательно на вопрос, достаточно ли одной справедливости. Необходимость любви выявляется в историческом опыте. Он показывает, что справедливости не удастся освободиться от ненависти и даже от жестокости во имя ее. Опыт исторический и опыт современный демонстрируют, что одной справедливости мало и что она может привести к отрицанию себя самой, если не позволяет той более глубокой силе, которая есть любовь, влиять на человеческую жизнь в различных ее измерениях. Чтобы разрешить международные проблемы, нужны милосердие и прощение, необходимо преодолеть логику справедливости и открыться логике прощения.

Конечно, эта концепция не является философской доктриной, она может быть использована для интерпретации наблюдений над ходом исторического процесса, в частности тех, которые сделал Н. Бердяев. Да, войны все еще существуют, но в них все реже участвуют высокоразвитые страны, цивилизованные. Изменяются и причины конфликтов, в них все реже

доминирует захватническая составляющая. Набирает силу охрана природы. Власть теряет свою сакральную сущность: вот недавно папа ушел на пенсию, как вполне обычный человек, а главу одной из двух правящих партий Италии осудили на 4 года заключения. Знаменитое утверждение, что нельзя сделать так, чтобы и овцы были целы, и волки сыты, теряет свою аксиоматичность: можно. И даже довольно просто: нужно накормить волка...

14. КУДА ИДЕМ МЫ С ПЯТАЧКОМ

Итак, есть ли у истории смысл? Да, историй много, есть история как событие, история как процесс и история как наука. Ну, хоть у какой-нибудь из них есть смысл?

Смысл истории как события есть всегда, но каждый понимает его по-своему. Смысл истории как науки – в общем-то тоже. Кто-то изучает ее из интереса, кто-то за зарплату. Но если серьезно, то изучение истории есть в некоем роде анализ предшествующих экспериментов, накопленного опыта. И это всегда имеет смысл, в любой науке. Потому что в жизни нет заведомо известных результатов наших действий, нет абсолютной уверенности в том, что избрав этого президента мы получим повышение пенсий и безработицы, а избрав другого – нет. Потому что мы можем только предполагать, предвидеть, и хорошо бы делать это на основании накопленного опыта. История как наука имеет прогностическую функцию, но не как предсказание конкретных событий (хотя в некоторых случаях и это возможно), а как определение тенденций.

Смысл истории как процесса, как течение жизни человечества определим значительно сложнее. Смысл предполагает наличие цели, но цель нашего существования установлена не нами, более того, нам ее даже не сообщили.

Можно ли попытаться приблизиться к пониманию смысла истории через определение смысла собственной жизни? Кто рискнет ответить на этот вопрос? Кто точно знает смысл своей жизни? Только не я...

Роман «Как закалялась сталь» полон чуждых мне идей, но самая знаменитая фраза в чем-то созвучна... Можно ли применить это к смыслу истории? Не знаю, но надеюсь...

Самое дорогое у человека — это жизнь. Она даётся ему один раз, и прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жёг позор за подленькое и мелочное прошлое, чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества. И надо спешить жить. Ведь нелепая болезнь или какая-либо трагическая случайность могут прервать её.

ОГЛАВЛЕНИЕ

- 1 БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ (субъекты истории)
 - 1.1. «АВТОРА! АВТОРА!»
 - 1.2. «ЧТО В ИМЕНИ ТЕБЕ МОЕМ?..» 5
 - 1.3. "Я ТЕБЯ СЛЕПИЛА ИЗ ТОГО, ЧТО БЫЛО..." 12

2. КОЛЕСО, СТРЕЛА И ТОЧКА
 - 2.1. КАКОЕ БЫВАЕТ ВРЕМЯ 16
 - 2.2. "ОН МЕНЯ СОСЧИТАЛ!" 19
 - 2.3. "АЛЬФА И ОМЕГА, НАЧАЛО И КОНЕЦ" 22
 - 2.4. ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА НАЧАЛАСЬ В 1914 ГОДУ 26
 - 2.5. ВРЕМЯ И ВЕЧНОСТЬ 29

3. СУЩЕСТВУЮТ ЛИ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ
 - 3.1. "ПОСЛЕ РАДОСТЕЙ НЕПРИЯТНОСТИ..." 36
 - 3.2. "НАЛЕВО ПОЙДЕШЬ..." 39
 - 3.3. ПОЧЕМУ РОССИЯ НЕ ВХОДИТ В СОСТАВ ФРАНЦИИ 43
 - 3.4. "ЭТО БЕРЕМ, ЭТО НЕ БЕРЕМ" 44

4. ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ
 - 4.1. ПОМНИШЬ ЛИ ТЫ..? 48
 - 4.2. СВОЙ СРЕДИ СВОИХ 50
 - 4.3. ВЕЛИКАЯ БОГИНЯ КЛИО 53
 - 4.4. ЦАРСТВО ТЕНЕЙ 56

5. СЛЕДЫ НА НЕДОМЫХ ДОРОЖКАХ
 - 5.1. СЛОЕННЫЕ ПИРОГИ И ЛЕПЕШКИ 59
 - 5.2. И ЭТО, ПО-ВАШЕМУ, МЕДОРЕЗКА? 63
 - 5.3. НЕОПОЗНАННЫЙ ПРЕДМЕТ КУЛЬТОВОГО НАЗНАЧЕНИЯ 66
 - 5.4. АРХЕОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОСТИ 69

6. БЛИКИ В КРИВЫХ ЗЕРКАЛАХ
 - 6.1. ТЫ СКАЖИ, ТЫ СКАЖИ, ЧЕ ТЕ НАДО, ЧЕ ТЕ НАДО... 72
 - 6.2. КУПЛЮ РВАНЫЕ ЖЕНСКИЕ САПОГИ 75
 - 6.3. ЗНАЧИМОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ 78

7. ЕЩЕ ОБ АРХЕОЛОГИИ
 - 7.1. КАК ПОЛЕЗНО ЧИСТИТЬ КАРТОШКУ 81
 - 7.2. СУНДУК МЕРТВЕЦА 85
 - 7.3. ПОСЛЕДНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ 88
 - 7.4. БЫЛА ЛИ В РАЮ ГЛИНА 92

- 8 КНЯЗЬЯ И ИЗГОИ (у истоков государства российского)
 - 8.1. НАСЛЕДНИКИ ПО КРИВОЙ 94
 - 8.2. КАК ЗВАЛИ РОСТИСЛАВА ИЗЯСЛАВИЧА? 100
 - 8.3. ШАНСЫ НА СВЯТОСТЬ 103

- 9. "ПОСТАВИЛ МЯ ПОПОМ АРХИЕПИСКОП НИФОНТ"... (Новгород XII в.)
 - 9.1. О ЧЕМ УМОЛЧАЛ ЛЕТОПИСЕЦ 114
 - 9.2. ПОСОЛ И ИГУМЕН 119
 - 9.3. ДАНИ ПЕЧЕРСКИЕ И ОТ СМОЛЕНСКА ДАР 122
 - 9.4. ЛЮБОПЫТНЫЙ КИРИКА 124

- 10. МНИШЕК И МОНАШЕК (Смутное время)
 - 10.1. ИНО СКАЗАНИЕ ИЛИ ИНО ВИДЕНЬЕ 128
 - 10.2. А БЫЛ ЛИ МАЛЬЧИК? 144
 - 10.3. НЕ ЖАЛЕЯ КОШТУ 149

- 11. СОГЛАСЕН ПОЗНАКОМИТЬСЯ... (брачные объявления)
 - 11.1. РЫНОК НЕВЕСТ 156
 - 11.2. СИМПАТИЧНАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА ИЩЕТ МУЖА 164
 - 11.3. СИНЯЯ БОРОДА 166
 - 11. 4. СПРОС И ПРЕДЛОЖЕНИЕ 169

- 12. НАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В ЭПОХУ ПОЛУКРОВОК
 - 12. 1. РУИНЫ НЕРУШИМОГО 173
 - 12. 2. "ФРОНТОВЫЕ" ДОРОГИ 176
 - 12. 3. ЧУМОВОДКА И ОЛЕНЕВОДЫ 178
 - 12.4. ЖЕРТВЫ ПРОГРЕССА 180

- 13. О ПОЛНОТЕ ВРЕМЕН
 - 13.1 ЭСХАТОЛОГИЧЕСКАЯ МЕТАФИЗИКА 190
 - 13. 2. ЦИВИЛИЗАЦИЯ ЛЮБВИ 195

- 14. КУДА ИДЕМ МЫ С ПЯТАЧКОМ 198